

Глеб Соколов

Вихрь преисподней

Глеб Станиславович Соколов
Вихрь преисподней

Авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=162431

Содержание

Часть первая	4
Глава I	4
Глава II	31
Глава III	68
Глава IV	90
Часть вторая	113
Глава V	113
Глава VI	134
Глава VII	165
Глава VIII	198
Глава IX	208
Глава X	245
Часть третья	279
Глава XI	279
Конец ознакомительного фрагмента.	286

Глеб Соколов
Вихрь преисподней
Роман
copyright©Соколов
Глеб Станиславович
Все права защищены

Загадочному величию ГС посвящаю

Часть первая
Карусель в парке отдыха

Глава I
История, приключившаяся
из-за потерянных ключей

Был уже тот момент, когда, кажется, кругом, – в запыленных деревьях начинавшегося сразу за проезжей частью пар-

ка, в каменных ступенях, что вели внутрь подземного перехода, в крашенных белой краской кузовах автобусов и множестве торговых лотков под разноцветными тентами, даже, кажется, в самом плотно тянувшемся по шоссе в обе стороны потоке машин чувствовалась усталость от целого миновавшего дня. День, рабочий день был уже почти закончен, миновал. Усталость! Усталость! Усталость!.. Народищу кругом – море, особенно здесь. Народищу усталого, озлобленного, недоброго, раздраженного, тупого, гнилого, пошлого, нехорошего, усталого, замученного, замордованного, затравленного, наглого, самодовольного и при этом одновременно чего-то постоянно побаивавшегося.

А в этот день, как и в несколько предыдущих дней, больше всего на устах у народа была одна тема – жуткие террористические акты, которые произошли совсем недавно. Акты! Жуткие акты! Жуткие акты!

«Террористические акты!.. – неслось из палаток и кафе. Там работали радиоприемники и маленькие телевизоры. – Террористические акты! Жертвы!»

Смерть!..

Про смерть было интересно. Говорят... (так говорят знающие специалисты) «про смерть» людей вообще очень интересно. Едва ли не самая интересная тема. Ну а по большому-то счету – чего там интересного?! Тема, как тема. Смерть она на то и смерть, чтобы от нее... Чего там интересного?! Но все равно, увлекает. Каждый находил в чужой смерти

что-то ему близкое, увлекательное, значительное, обещавшее некие перспективы или, наоборот, ничего доброго не обещавшего, но щекотавшее нервишки, а кому-то и позлорадствовать – удовольствие.

Усталость! Усталость! Усталость!

Из каждого окна что-нибудь несло, из каждого телевизора, из каждого радиоприемника, из каждого торгового павильончика, где играло какое-нибудь радио, – отовсюду неслись новости, новости, новости!..

Слава богу, шум от ехавшего по улице транспорта был такой, что заглушал очень многое, иначе бы от этих новостей просто можно было бы оглохнуть.

«Совет безопасности ООН обсуждает недавние террористические акты» – это из окошка притормозившего у тротуара, чтобы высадить пассажира, такси.

Кругом были одни террористические акты!.. По крайней мере, такое создавалось впечатление.

Впрочем, пьянице, который сидел на ступеньках входа в подземный переход, было все ни по чем. Возможно, он даже и не слышал ни про какие террористические акты, – сейчас он сидел, согнувшись пополам, и то ли пытался разглядеть что-то, что лежало на камне ниже в пыли, то ли просто спал. Вид этого пьяницы был пошл, но ничуть не пошлее, чем было и все остальное на этой улице и этой площади: запыленные постройки, дешевенькие кафешки, измученные прохожие.

Два мужчины: один в коричневом костюме, другой в темно-синем пиджаке и серых брюках стояли на другой стороне улицы у точно такого же входа в подземный переход и беседовали. Там уже было преддверие Измайловского парка: много зелени, идущие в парк и из парка люди, хотя, впрочем, народа было значительно меньше, чем совсем рядом, у станции метро од ноименного с парком названия.

– Эх, замечательная обстановка! – проговорил один из них, тот, что был в коричневом костюме, измятом до неприличия. – Слушай, Павел! – продолжил он, обращаясь к второму, другому, что был в темно-синем пиджаке. – От меня исходит такое количество информации, я просто засоряю линии связи и чужие компьютеры диким количеством информации, я произвожу ее сегодня в невероятном количестве, я отправил сегодня около двух сотен всевозможных писем по разным адресам и, представь, я испытываю от этого огромное удовольствие!..

– Это маразм! Это идиотизм!.. – ответил несколько мрачно второй, что был в темно-синем пиджаке и серых брюках.

– Э нет, не скажи! – не согласился человек в измятом коричневом костюме. – У меня вызывает огромное удовольствие, что вот я, в очень короткое время, благодаря современным электронным технологиям, отправил свой посыл, свою информацию, свое «я» стольким людям! И это все практически одновременно, в какой-то ничтожно малый промежуток времени! Это наполняет меня какой-то особен-

ной радостью.

– Ты просто засоряешь их почтовые ящики, – по-прежнему мрачно заметил его собеседник в темно-синем пиджаке и серых брюках.

– Но это неважно, что засоряю. Главное в том, что это я засоряю. Я, а не кто-нибудь другой! – проговорил в неожиданной нашедшей на него ярости человек, одетый в измятый коричневый костюм. – Мне хочется засорять собой окружающий мир все больше и больше, больше и больше! Я хочу, чтобы все вокруг было полно мной!.. К тому же, ты не понимаешь: если мы не станем этого делать, это станут делать другие. Если мир не будет засорен информацией, которая будет исходить от нас, он будет засорен информацией, которая будет выплеснута в него другими. Дело вовсе не в том, про что эта информация, и в чем ее смысл, дело в том, сколько этой информации, и от кого она исходит. В этом заключается суть дела!

Тут с человеком, одетым в измятый коричневый костюм, произошла странная перемена: казалось, из него вдруг вынули некий находившийся в нем до этого стержень. Человек в измятом коричневом костюме сразу ссутулился, поник, понурил голову, проговорил:

– Нет! Это невозможно! Я дурею от всего этого!.. Я дурею от всей этой жизни...

– Уймись, успокойся, – перебил его второй. – То, что ты дуреешь от всего этого и от этой жизни – совершенно неважно.

но, и никого не интересуется. Хотя я и назвал создание информационных потоков идиотизмом, но ты правильно сказал: нам действительно надо их создавать... Вот это – важно, и это будет кого-то интересовать. Хотя я и не откажусь от своих слов про то, что это занятие полно идиотизма. А то, что ты дуреешь от такой жизни – это не важно, поскольку при этом ты, как и я, все-таки создаешь информационные потоки...

– Которые мы создаем наравне с другими идиотами... – продолжил его фразу тот, что был одет в измятый коричневый костюм. – Действительно, информационные потоки создавать надо. Но те, кто их создает – в большинстве своем – идиоты! И это самое ужасное! Мы живем в окружении идиотов. Самая ужасная черта нашего положения – это постоянная жизнь в окружении идиотов. Большинство людей не так умны, как хотелось бы. Но именно благодаря тому, что они тупы, и существуют эти самые информационные потоки. Но я не могу в этом участвовать!.. Я дурею от этого, я схожу от этого с ума! Постоянное соприкосновение с идиотами для нормального человека убийственно. Мозг нормального человека выдержать этого не может. Но большинство людей – вообще не нормальны! Нигде нет нормы, ни в чем нет нормы. А в отсутствие нормы стремиться к каким-то идеалам совершенно бессмысленно. Ведь это будут идеалы только для себя. А для чего мне одному идеалы? Я хочу служить обществу. Но обществу не нужно мое служение. Обществу, похо-

же, и так хорошо. Вообще, никому ничего не нужно! Я никому не нужен! У меня есть какие-то мечты, но они кажутся всем смешными! Они мне самому кажутся смешными! Кому это сейчас нужно?! Кого это может сейчас тронуть?! Обществу и так хорошо. Людям ничего не нужно. Я никому не нужен. Кому это сейчас нужно?! – упорно повторял он.

Человек в измятом коричневом костюме, похоже, расходился все больше и больше, так что его собеседник был вынужден положить ему руку на плечо и затем увлечь за собой дальше по широкой асфальтированной дороге, что вела вглубь парка. Они медленно двинулись туда, где была гуще зелень, людей – меньше, парк затягивал их в себя все бесповоротней и бесповоротней.

– Ты не должен так выходить из себя, – говорил при этом тот, что был одет в темно-синий пиджак и серые брюки тому, что носил измятый коричневый костюм. – То, что ты станешь выходить из себя, тебе ничего не даст. Сейчас у тебя... У нас совсем другие дела. Итак, сейчас мы ждем прихода информации... По интересующему нас поводу. А именно – прибытие машины на замену той, что уже имела несчастье сломаться, пока мы мчались на ней с этих дурацких, совершенно нам не нужных... Я имею ввиду лично нам с тобой не нужных переговоров... Которые, тем не менее, крайне нужны нашему начальству и нашей транснациональной корпорации, – последние слова человек в темно-синем пиджаке говорил уже вслед тому, что был в измятом коричневом ко-

стюме, потому что тот, не дослушав, развернулся и пошел обратно к дороге.

Дело в том, что эти двое были сотрудниками размещавшегося в Москве представительства одной из крупных транснациональных корпораций. Для поездки на важные переговоры представительство заказало им в прокатной фирме автомобиль с шофером. И вот, когда они уже возвращались через весь город с этих самых переговоров, как раз напротив Измайловского парка в прокатном автомобиле что-то сломалось, и он встал, едва шофер успел подрулить к обочине. Они было уже приготовились ехать даль ше на метро, но не учли при этом того, что, к их счастью, все прокатные автомобили этой фирмы были оборудованы системой радиосвязи. Шофер попросил диспетчера, чтобы тот срочно выслал к месту поломки другой автомобиль, который бы довез пассажиров до офиса. Как назло, свободных автомашин в этот момент не оказалось, но были такие, которые, предположительно, должны были вот-вот освободиться. Диспетчер стала связываться с их водителями, при этом то и дело выходя на связь с водителем сломавшегося автомобиля. Найти замену сломавшемуся автомобилю почему-то никак не удавалось...

Постояв некоторое время в одиночестве, человек в темно-синем пиджаке медленно побрел следом за тем, что был одет в измятый коричневый костюм. Когда он вышел к проезжей части, к нему подошел водитель сломавшейся прокатной автомашины и проговорил:

– Этот ваш товарищ совершенно обалдел со всеми его информациями... Только что он подошел к кафе и спросил, нет ли у них где-нибудь там телевизора.

– И что же ему ответили? – поинтересовался человек в темно-синем пиджаке.

– Есть!.. У них там был телевизор, и они ему сказали, что телевизор у них есть.

– А он что?

– А он попросил их разрешить ему посмотреть, но они ему отказали. С какой это стати он будет у них там сидеть перед телевизором и смотреть?!.. – водитель сломавшейся прокатной машины явно не одобрял поведения человека в измятом коричневом костюме.

– По-моему, зря они ему отказали. Ничего бы не случилось, если бы он у них там в кафе посидел и посмотрел телевизор, – заметил человек в темно-синем пиджаке, доставая из его внутреннего кармана пачку дорогих сигарет.

– Да нет, знаете ли, он вокруг себя такой психологический резонанс создает, что просто никак невозможно такое выносить!.. – не согласился шофер. – Я бы на их месте поступил точно так же.

– Да, но у меня точно такое же состояние... – проговорил человек в темно-синем пиджаке, вынимая из пачки сигарету и закуривая.

– Ну... Я не знаю... – шофер отвернулся и пошел обратно к своей поломанной машине, стоявшей у обочины.

Тем временем, к спокойно курившему сотруднику транснациональной корпорации подошел его коллега, одетый в измятый коричневый костюм. Подошедший достал из кармана несколько страничек бумаги, на которых был распечатан «чат» с одной из страниц всемирной паутины и принялся читать.

Там, в чате было написано:

«Привет, ребята, откликнитесь, если есть кто-то с каруселей!»

Каких еще каруселей, что за ерунда?!

А ты кто?

Я... Нет, я серьезно, что еще за ерунда – с каруселей? С каких это еще каруселей?

Эй, народ, откликнитесь, кто есть с каруселей?

Нет, я что-то не въезжаю, что это за тип тут появился и какие тут еще могут быть карусели?» – на этом содержание первой странички заканчивалось.

– Что это за бумажки? – спросил, показывая рукой на распечатки, человек в темно-синем пиджаке у того, что был одет в измятый коричневый костюм.

– Да это так... Я интересуюсь темой каруселей, – ответил тот.

– Темой каруселей?.. – задав вопрос, человек в темно-синем пиджаке медленно выпустил из легких сигаретный дым.

– Да, темой каруселей.

Человек в измятом коричневом костюме перестал читать

и задумался. Он размышлял о том, что может произойти, когда информационные потоки однажды вдруг иссякнут. А в том, что они обязательно иссякнут, он почему-то был уверен. Причем, как ему казалось, иссякнуть они должны при каких-то очень ужасных обстоятельствах. После того, как случится некая огромная беда... Со всем миром, со всем человечеством.

– Ну так что? – проговорил тот, что был в темно-синем пиджаке и серых брюках. – Нам надо как-то срочно добираться обратно в офис. Иначе Глава нам устроит!..

– Да... – и через паузу:

– Так чего же мы в таком случае ждем?! – воскликнул другой, который был в измятом коричневом костюме.

– Черт с ним со всем!.. – неожиданно сказал в сердцах тот из двоих, что был одет в темно-синий «клубный» пиджак и светло-серые брюки. – Плевать на гнев начальства и все остальное! Давай используем это вынужденную паузу, чтобы хоть чуть-чуть прогуляться по парку. Я, честно говоря, здесь вообще ни разу в жизни не был. Хоть посмотрю, что это за Измайловский парк такой!

– Да, пойдем погуляем, – тут же согласился второй, словно он и не удивлялся только что тому, что они не спешат обратно в офис. Ему, видимо, тоже представилась заманчивой перспектива немного прогуляться в рабочее время. Так сказать, «за счет фирмы».

Они направились вглубь парка. Сначала они еще раз про-

шли мимо каких-то больших информационных панно, рассказывавших о том, что есть в этом парке: лодочная станция, карусели и прочее в этом же роде, потом они пересекли трамвайные пути и оказались уже собственно на территории парка.

– Да, информационные потоки просто огромные! От них некуда деться. Такого изобилия информации еще никогда не было! – заметил человек в темно-синем пиджаке скорее для того, чтобы просто поговорить о чем-то, а не потому, что ему действительно хотелось обсудить сейчас именно эту тему.

Но вот его коллегу в измятом коричневом костюме тема информационных потоков интересовала до крайности, – он тут же с жаром проговорил:

– А знают ли они, эти несчастные идиоты, что они творят и к чему они могут сами себя подвести?!..

Горячность товарища поразила человека в темно-синем пиджаке. Он переспросил:

– Какие еще несчастные идиоты?!

– Те, что создают информационные потоки, полные нездоровой бессмыслицы, – тут же ответил человек в измятом коричневом костюме. – Эти идиоты словно никогда не слышали про то, что все в природе находится в равновесии. И если сегодня информационных потоков слишком много, то завтра их может оказаться слишком мало. И сразу возникает вопрос: что же такое должно произойти, чтобы завтра информационных потоков вдруг стало очень мало после та-

кого избытка?.. Что-то действительно ужасное. И в какое отчаяние должен будет тогда впасть человек, после того, как он имел вокруг себя столько информационных потоков, как сейчас, а потом вдруг информации стало очень и очень мало?!.. Самым ужасным и самым определяющим фактором станет тогда в жизни человека и человечества эта информационная тишина.

Человек в измятом коричневом костюме на мгновение замолк, ему захотелось послушать тишину, которая должна быть в парке отдыха, – иначе что же это за парк отдыха?!

Действительно, шум города сюда почти не доносился. И если бы не тархтение различного за деревьями метрах в пятидесяти от места, по которому они шли, садового трактора, здесь было бы совсем тихо.

Нигде не видно было ни одного человека. Вдруг трактор смолк... Тишина...

– Вот такая тишина станет самым определяющим фактором как в жизни одного отдельного человека, так и всего человечества, – мрачно подытожил сотрудник транснациональной корпорации, одетый в измятый коричневый костюм.

– Ладно, не нагоняй тоску! – весело проговорил его коллега, которому в парке, кажется, нравилось настолько, что настроение его заметно поднялось. – Все кругом очень радостно и очень прекрасно. И слава богу – информации пока вокруг нас полно!

– Да, полно, – согласился человек в измятом коричневом

костюме. – Но вот беда – вся эта информация какая-то мутная и совершенно никому не нужная. И если и производит она какое-то действие, то очень уж мрачное, очень какое-то неконструктивное и не положительное оказывает она воздействие!

Тем временем сотрудник транснациональной корпорации в темно-синем пиджаке извлек из кармана мобильный телефон, внимательно посмотрел на дисплей, нажал на одну из кнопок, поднес телефон к уху, несколько долгих мгновений что-то там слушал, потом отнял телефон от уха и нажал на другую кнопку. Положил телефон в карман. Тут-то он и зазвонил. Причем препротивно зазвонил. Тот, что был в темно-синем пиджаке, вновь полез в карман за мобильным телефоном...

– Пришла информация, что надо ехать!.. – проговорил человек в темно-синем пиджаке после того, как выслушал что-то по телефону.

– Странно, а у меня на пейджер пришла совсем другая информация: что, наоборот, не нужно двигаться с места, а нужно ждать, – заметил тот, что был в измятом коричневом костюме. Пока человек в темно-синем пиджаке общался с кем-то по телефону, он успел вынуть из кармана маленький изящный пейджер и, понажимав кнопки, прочел что-то с его экрана.

– Нет, надо ехать! Информация заключается в том, что надо ехать! – возразил человек, одетый в темно-синий пи-

джак и серые брюки.

Тут же он достал из кармана маленький радиоприемничек, неизвестно как в нем помещавшийся вместе с мобильным телефоном, щелкнул выключателем и принялся слушать новости, которые как раз в этот момент передавали, – было начало часа.

– Эх, информация! Куда ее девать?!.. – проговорил тот, что был в темно-синем пиджаке радостно после того, как полностью прослушал весь выпуск, включая сводку погоды по всем регионам страны.

Между тем, они зашли в самую глубину парка. По сторонам они разглядывали настоящие чащобы: густые заросли кустарников, высокие деревья, а у их подножия – полог из разнообразных трав. Минуты шли стремительно...

Тот, что был в измятом коричневом костюме, сжимал в руке свою распечатку чата из Интернета и то дело нагибался, чтобы поднять с земли какую-нибудь валявшуюся там веточку. Подняв, он некоторое время помахивал ей, а потом бросал обратно на землю.

Через какое-то небольшое время по тенистым аллеям прозвучали их быстрые шаги, – ведь они получили сообщение от шофера, и они направлялись к тому месту, где стоял возле обочины тот самый прокатный автомобиль, на котором они возвращались с переговоров. Там их уже ожидала другая, прибывшая на смену поломанной, машина. Оба сотрудника крупной транснациональной корпорации нырнули

в эту машину и через некоторое время благополучно оказались у себя в офисе.

А еще через некоторое время тот сотрудник транснациональной корпорации, который в этот день был одет в измятый коричневый костюм, обнаружил, что ключей от сейфа при нем нет. О, это была целая история с этими ключами от сейфа!.. Дело в том, что в офисе московского представительства транснациональной корпорации в кабинете Главы стоял большой сейф. Глава представительства требовал от начальников отделов, чтобы все оригиналы торговых контрактов они складывали в этот сейф. Для этого начальнику отдела нужно было зайти в кабинет к Главе представительства и попросить его разрешения положить документы в сейф. Глава представительства доставал из кармана ключи, подходил к сейфу, стоявшему возле его стола, долго возился с замком, отпирал тяжелую дверцу и отходил в сторону. После этого начальник отдела сам клал свои бумаги в сейф, и после этого Глава запирал дверцу.

Сегодня перед поездкой на переговоры сотруднику транснациональной корпорации, который был в измятом коричневом костюме, понадобились несколько документов, что лежали в том самом сейфе. Начальник отдела был в отпуске, а глава представительства заседал на некоем важном совещании. Делать было нечего: сотрудник в измятом коричневом костюме тихонько зашел в большую комнату, где проходило важное совещание, и, извинившись, попросил у главы пред-

ставительства ключ от сейфа, чтобы взять документы, а ключ тут же принести обратно. Глава представительства без особой охоты дал сотруднику в измятом коричневом костюме ключ и строго посмотрел на него. Затем прошептал ему на ухо цифровой шифр (для того, чтобы отпереть дверцу одних только ключей было недостаточно. Надо было еще знать цифровой шифр, который набирался особыми тумблерами).

Надо заметить, что в некоторых, весьма особенных случаях, Глава представительства позволял начальникам отделов пользоваться сейфом и без того, чтобы самому стоять рядом. Он им доверял. Тем более, что в сейфе было два отделения, и одним из них пользовался только сам Глава представительства. Но как бы там ни было, хотя сотрудник в измятом коричневом костюме начальником отд ела не был, но доверие было оказано и ему.

Провозившись с замками сейфа немалое время, сотрудник корпорации в измятом коричневом костюме наконец-то извлек из сейфа свои документы, потом еще некоторое время повозился с замками, теперь уже запирая сейф, и в итоге, когда он принес ключи обратно в большую комнату, где проходило совещание, то обнаружил, что совещание уже закончилось, а Глава представительства куда-то ушел. От одного из сотрудников корпорации, который собирал с огромного круглого стола какие-то бумаги, тот, что был в измятом костюме узнал, что Глава представительства отправился с участниками совещания на торжественный обед в один

близрасположенный ресторан...

Вот так и получилось, что сотрудник корпорации, одетый в измятый коричневый костюм, растерялся и прихватил с собой на переговоры ключи от сейфа представительства. Когда он наконец вернулся с переговоров, то обнаружил, что ключей от сейфа в кармане больше нет. Единственное предположение, которое при этом возникло в его голове, было о том, что ключи от сейфа выпали у него из кармана где-то в Измайловском парке, когда он нагибался во время прогулки к земле, чтобы поднять с нее какую-нибудь веточку.

Не дожидаясь, когда к нему подойдет Глава представительства и попросит вернуть ключи от сейфа, человек в измятом костюме спустился с этажа на котором располагался офис их корпорации вниз, выбежал из подъезда на улицу, поймал такси и отправился обратно в Измайловский парк, искать ключи... Он примерно помнил маршрут, которым они с коллегой в темно-синем пиджаке шли по парку. Был уже конец рабочего дня. Сотрудник в измятом коричневом костюме ужасно нервничал и даже не совсем отдавал себе отчет в том, что он делает...

– Я хочу, чтобы все вокруг было полно мной!.. – повторял про себя сотрудник в измятом темно-коричневом костюме, пока бежал ко входу в парк. Он миновал преддверие парка, очень зеленое, со множеством деревьев и разросшихся кустарников, большие информационные щиты, на которых крупными (так, чтобы было видно издали) синими буква-

ми были расписаны все прелести, которыми мог порадовать Измайловский парк заглянувших в него ярким солнечным днем человечков.

Ярким солнечным днем! Но уже был не день, хотя и порядочно времени оставалось до захода солнца. Ну так и что ж? И вечером в Измайловском парке бывает достаточно много разного народа.

«Вот и на этом стенде должен быть тоже я!» – подумал человек в измятом коричневом костюме, глядя на этот стенд.

«Здесь кругом должен быть я!» – думал он. Впрочем, нет... «Думал» – это значит, что человек в измятом коричневом костюме очень много думал именно про это, именно про то, что кругом должен быть он. Но на самом деле так не было: он должен был найти ключи, он нервничал, он непрерывно смотрел себе под ноги, он пытался вспомнить во всех подробностях, каким маршрутом они шли, по какой стороне аллеи, где он нагибался, чтобы поднять с земли веточку... Черт возьми, разве мыслимо ли это – вспомнить такие подробности! Пусть даже прошло времени меньше двух часов.

Ключи, конечно же, не находились. Никак, упорно, назло не находились, несмотря на то, что сотрудник транснациональной корпорации в измятом коричневом костюме все дальше и дальше брел тем маршрутом, которым они не так давно двигались по парку вместе с коллегой в темно-синем пиджаке.

Когда человек в измятом коричневом костюме прошел

вдоль всего маршрута один раз, он подумал, что нет ничего странного в том, что он не нашел ключи. Ведь он прошел маршрут только один раз. Всего один раз! Этого не достаточно, потому что в этот один единственный раз можно и пропустить ключи, которые при этом, вполне вероятно, валяются где-то на самом видном месте. А он их просто не заметил! Надо вернуться обратно в исходную точку, ко входу в парк и, возвращаясь, все так же внимательно смотреть себе под ноги... Он понимал, что это нелепо и глупо: ходить туда-сюда по парку и разглядывать дорожки. Но человек в измятом коричневом костюме настолько расстроился из-за того, что он потерял ключи от сейфа представительства, что был совершенно не в состоянии взять себя в руки: каждому знакомо это чувство – с одной стороны уже знаешь, что все, наверняка, бесполезно, что не на что больше надеяться, что надо остановиться, а с другой стороны, все продолжаешь и продолжаешь упорствовать, и на душе от этого все тоскливее и тоскливее.

Пройдясь по третьему разу вдоль всего маршрута их с коллегой прогулки, человек в измятом коричневом костюме решил схитрить – зайти в маленькое кафе, приютившееся в одном из уголков парковой чащобы.

Он решил, что посидит в кафе некоторое время, постарается успокоиться, подумает. Это и не будет полусумасшедшим хождением по одному и тому же маршруту, но и из парка он, тем не менее, не уйдет, а значит, еще не... пока еще

не наступит момент окончательного расставания с надеждой найти утерянные ключи и тем самым спастись от ужасной неприятности. Его немного пугало это маленькое парковое кафе, довольного убогое снаружи и, вполне возможно, таившее внутри какие-нибудь опасности для случайного посетителя. Что за люди могут быть там, внутри, что за посетители?.. Впрочем, он надеялся, что никаких посетителей там нет.

Так оно и оказалось: он вошел в кафе, в маленьком зале-чике было совершенно пусто, никого из obsługi тоже видно не было. Он сел за ближайший к двери столик, но к нему так никто и не вышел. Он мог сидеть и смотреть через окно на парк.

Такого с ним еще не случалось! Такой рассеянности: потерять ключи от сейфа представительства! Должно быть, он переутомился с этими впечатлениями от ужасных террористических актов. От слишком сильных впечатлений зашел ум за разум, он перестал вообще что-либо соображать, стал невнимателен, выронил ключи... Как в страшном сне в эти мгновения перед окном проплыло невыразимо жуткое лицо двигавшегося вдоль фасада кафе человека. Человеку в измятом коричневом костюме трудно было бы выразить словами, чем ужасно это лицо: не своими ли размерами? Оно было очень маленьким, словно бы детским. Но с другой стороны – это было лицо не ребенка, а мужчины, но и не карлика. Смертельно бледное, с большими темными глазами. Они смотре-

ли куда-то вдоль фасада. Лицо прошло перед окном... и все.

Человек в измятом коричневом костюме сидел не шевелясь.

Раздалось какое-то звяканье железа об железо – со стороны двери. Он расслышал следом звук проворачиваемого в замке ключа. Раз, два... Потом наступила тишина... Человек в измятом коричневом костюме по-прежнему сидел не шевелясь... Ветви деревьев в парке перед окном болтались из стороны в сторону. Дул ветер, но звук его сюда не проникал. Где-то не так далеко отсюда застыли, должно быть, лошадки разрисованных разноцветными красками каруселей. Веселые, радостные детские лошадки. Каруселька!.. Веселая и радостная каруселька его детства! Что-то невыразимо тоскливое должно было быть в этот момент в тех самых карусельках, которые были совсем неподалеку отсюда. Он не придет на них, не залезет на лошадку – она слишком маленькая, а он теперь слишком большой, чтобы кататься на такой маленькой детской лошадке.

Человек в измятом коричневом костюме умер от разрыва сердца, который случился от ужаса, который он испытал, когда увидел вдруг в паре метров от себя за окном невыразимо страшное, мучительное, невообразимое лицо. Он и без того переутомился сегодня из-за сильных впечатлений, которые были связаны с жуткими террористическими актами, потом он потерял ключи, и это добавило острых ножей, которые пронзили его сердце, потом он бегал туда сюда по марш-

руту, которым они гуляли, – искал ключи, потом зашел в кафе, посидел немного, увидел лицо, посидел вмиг и умер. Седой мертвец сидел за столиком. А где-то не так далеко отсюда закружились вдруг без пассажиров карусельки его детства, размалеванные разноцветными красками. Но он на них больше не залезет.

Человек в измятом коричневом костюме на самом деле не умер от разрыва сердца. Но мысль о том, что он мог поседеть и умереть от разрыва сердца, прошла в его голове... Он не мог преодолеть собственного оцепенения. Лицо потрясло его! Что это было?!.. Господи, где он?! Почему он здесь?! Что это за место? Кафе? Почему так пусто? Что это за лес за окном?

Он, кажется, терял на мгновение сознание. Почему?

Человек в измятом коричневом костюме потер виски руками. Тут он вспомнил про ключи, парк, кафе, звук ключа, проворачиваемого в замке. Он вскочил со стула и подлетел к двери, задергал за ручку. Тщетно!

Дверь была заперта. Та дверь, та самая дверь, через которую он вошел в кафе, теперь была заперта!

Должно быть, страшное лицо сейчас войдет в зальчик кафе откуда-то из внутренних помещений. Человек в измятом коричневом костюме схватил стул, на котором он только что сидел и, стоя спиной к запертой двери, приготовился защищаться. Он не мог, конечно же, понять, что происходит, но то, что он будет обороняться отчаянно и упорно – в этом он

был сам за себя уверен.

Так, держа в руках стул, он простоял довольно долго. Из внутренних помещений кафе не доносилось ни шороха. В зальчике, который и без того был не очень светлый, стало еще темнее. Темнело на улице. Ветер утих, деревья парка, – он видел это в окно, – стояли без движения. Тут он почувствовал, что еще немного – и его всего от страшного напряжения сведет какая-нибудь ужасная судорога. Он по-прежнему крепко сжимал в руках стул, – импровизированное орудие защиты, – поза его была неестественна и неподвижна. Должно быть, он дико смотрелся сейчас один в пустом темном кафе, со стулом в руках, приготовившийся обороняться, – знал бы кто-нибудь на работе, где он сейчас и что делает!.. Должно быть, Глава представительства уже не мечет в его адрес грома и молнии, должно быть, все уже просто ужасно недоумевают – что случилось и куда, а главное, по какой причине, он пропал?!.. Свой пе йджер он оставил в офисе и связаться с ним было никак нельзя. Впрочем, все уже, наверное, – по крайней мере, большинство сотрудников, – уже разошлись по домам.

Тут он сообразил, что сегодня утром забыл на полочке в ванной свои наручные часы, теперь ему даже неоткуда узнать, который час.

Человек в измятом коричневом костюме поставил стул на пол. И тут же, испытав дикий ужас, схватил его вновь: а что, как страшное лицо где-то там, в недрах кафе, стоит и только

и ждет того момента, когда он расслабится, чтобы напасть?.. Еще некоторое время, впрочем, уже не так долго, как до этого, он стоял со стулом, изготовившись для отчаянного боя с загадочным и непостижимым противником. Время же шло и шло. Становилось темнее. Причем все заметней и заметней... Это были сумерки... День был закончен. Он был в каком-то оцепенении.

– Если я сейчас останусь здесь, – проговорил вслух человек в измятом коричневом костюме, и голос его прозвучал глухо. – То совсем скоро буду здесь в полной темноте. Стоп! А может быть, ужасное лицо только и ждет наступления темноты? В темноте обороняться мне будет еще тяжелей и ужасней.

Он знал, что звуки собственного голоса придадут ему храбрости. Действительно, они словно вернули его к реальности: что ему стоять, как идиоту, со стулом наизготовку?! Надо выбираться из кафе. И, действительно, в полной темноте сделать это будет непросто. Надо спешить, пока еще хоть что-то видно.

Преодолевая ужас, он поставил стул на пол и шагнул в сторону вну тренних помещений кафе... Медленно прошел за прилавок, толкнул дверь – она открылась...

Человек в измятом коричневом костюме оказался в заставленной какими-то коробками комнатке. Впрочем, было видно, что спрятаться в этой комнатке никто не может, – слишком эта подсобка была небольшой по размерам. Из нее

он попал в кухню, – там тоже, среди плит и столов, он ничего не обнаружил. Из кухни он зашел в еще одну подсобку, где было очень темно. Стараясь не сойти от страха с ума, он наткнулся на дверь, лихорадочно зашарил по ней руками, неожиданно быстро нащупал засов, дернул – засов легко поддался, хотя был внушительного размера, тяжелый. Толкнув дверь, человек в измятом коричневом костюме оказался на свежем воздухе. У него еще хватило самообладания и мужества, чтобы аккуратно и тихо притворить за собой дверь, но уже в следующее мгновение он ощутил себя опрометью бегущим неведь куда по темным аллеям парка. Было уже почти совсем темно. Он еле-еле успел выбраться из кафе до наступления полной темноты.

Господи, как хорошо сейчас в чистом и светлом офисе, где есть телефоны и факсы, и компьютеры и связь через Интернет! И должно быть, еще не все сотрудники разошлись по домам, – сидят, корпят над своими бумагами те, кому незачем спешить домой или те, кто хочет выслужиться перед начальством!.. И не иссякли, должно быть, еще до конца дневные информационные потоки, и Глава представительства, наверняка, сейчас безумствует над запертым сейфом и названивает сотруднику в измятом коричневом костюме домой. И у того в маленькой съемной квартире в районе метро «Речной вокзал» то и дело включается автоответчик: «К сожалению, сейчас меня нет дома... Не могли бы вы...» – звучит его записанный на магнитную ленту голос, перебивая звук

тоненькой струйки воды, текущей из неисправного крана в мойку на оставленные там после завтрака грязную тарелку со следами томатного соуса, вилку, нож.

Человек в измятом коричневом костюме, наконец, смог перейти на шаг. Как уютно сейчас в Интернете: какой светлый и понятный сейчас экран его любимого компьютера, а в нем – красивые и нестрашные сайты! И даже террористические акты казались ему сейчас приметамы далекого и нестрашного мирного времени. Где же он оказался?.. Ну в парке-то он не заблудится! Вон там видны огоньки высоких зданий, сейчас он сориентируется и пойдет в нужную сторону. Главное, не нарваться на каких-нибудь плохих людей, которые, конечно же, могут быть в парке ночью... В это мгновение он услышал шаги и голоса.

Странно, но на этот раз он совершенно не испугался (или уже был к этому моменту так перепуган, что дальше пугаться было некуда?). Он расчетливо и бесшумно сошел с аллейки в сторону и спрятался за густыми кустами, которые росли в этом месте по сторонам. Глаза его уже успели привыкнуть к темноте, он напряженно прислушивался...

Глава II

Большая, мрачная, угрюмая, сюрреалистическая ложь

Два человека остановились как раз напротив кустов, в которых прятался человек в измятом коричневом костюме и стали разговаривать:

– Эх, замечательная обстановка! – проговорил один из тех двоих, что остановились. В темноте человек в измятом коричневом костюме не мог различить их лиц, да и голоса их доносились до него лишь едва. Впрочем, напрягаясь, он мог слышать все слова. – Слушай, Павел! – продолжил один из тех двоих, что остановились, обращаясь ко второму, другому. – От меня исходит такое количество информации, я просто засоряю линии связи и чужие компьютеры диким количеством информации, я произвожу ее сегодня в невероятном количестве, я отправил сегодня около двух сотен всевозможных писем по разным адресам и, представь, я испытываю от этого огромное удовольствие!..

– Это маразм! Это идиотизм!.. – ответил несколько мрачно второй.

– Э нет, не скажи! – не согласился первый. – У меня вызывает огромное удовольствие, что вот я, в очень короткое время, благодаря современным электронным технологиям,

отправил свой посыл, свою информацию, свое «я» стольким людям! И это все практически одновременно, в какой-то ничтожно малый промежуток времени! Это наполняет меня какой-то особенной радостью.

– Ты просто засоряешь их почтовые ящики, – по-прежнему мрачно заметил второй.

– Но это неважно, что засоряю. Главное в том, что это я засоряю. Я, а не кто-нибудь другой! – проговорил в неожиданном нашедшей на него ярости первый человек. – Мне хочется засорять собой окружающий мир все больше и больше, больше и больше! Я хочу, чтобы все вокруг было полно мной!.. К тому же, ты не понимаешь: если мы не станем этого делать, это станут делать другие. Если мир не будет засорен информацией, которая будет исходить от нас, он будет засорен информацией, которая будет выплеснута в него другими. Дело вовсе не в том, про что эта информация, и в чем ее смысл, дело в том, сколько этой информации, и от кого она исходит. В этом заключается суть дела!

Он замолчал, а потом, после некоторой паузы проговорил:

– Нет! Это невозможно! Я дурею от всего этого!.. Я дурею от всей этой жизни...

– Уймись, успокойся, – перебил его собеседник (человеку в измятом коричневом костюме был различим лишь его силуэт). – То, что ты дуреешь от всего этого и от этой жизни – совершенно неважно, и никого не интересует. Хотя я и назвал создание информационных потоков идиотизмом, но

ты правильно сказал: нам действительно надо их создавать... Вот это – важно, и это будет кого-то интересовать. Хотя я и не откажусь от своих слов про то, что это занятие полно идиотизма. А то, что ты дуреешь от такой жизни – это не важно, поскольку при этом ты, как и я, все-таки создаешь информационные потоки...

– Которые мы создаем наравне с другими идиотами... – продолжил его фразу первый человек. – Действительно, информационные потоки создавать надо. Но те, кто их создает – в большинстве своем – идиоты! И это самое ужасное! Мы живем в окружении идиотов. Самая ужасная черта нашего положения – это постоянная жизнь в окружении идиотов. Большинство людей не так умны, как хотелось бы. Но именно благодаря тому, что они тупы, и существуют эти самые информационные потоки. Но я не могу в этом участвовать!.. Я дурею от этого, я схожу от этого с ума! Постоянное соприкосновение с идиотами для нормального человека убийственно. Мозг нормального человека выдержать этого не может. Но большинство людей – вовсе не нормальны! Нигде нет нормы, ни в чем нет нормы. А в отсутствие нормы стремиться к каким-то идеалам совершенно бессмысленно. Ведь это будут идеалы только для себя. А для чего мне одному идеалы? Я хочу служить обществу. Но обществу не нужно мое служение. Обществу, похоже, и так хорошо. Вообще, никому ничего не нужно! Я никому не нужен! У меня есть какие-то мечты, но они кажутся всем смешными! Они мне

самому кажутся смешными! Кому это сейчас нужно?! Кого это может сейчас тронуть?! Обществу и так хорошо. Людям ничего не нужно. Я никому не нужен. Кому это сейчас нужно?! – бессмысленно повторял он.

Человек в коричневом костюме не верил своим ушам: это же было слово в слово его разговор с коллегой в темно-синем пиджаке и серых брюках! Потрясение его было столь велико, что он даже качнулся и чуть было не упал, но вовремя схватился за какую-то ветку, которая громко зашумела.

– Что это?!.. Ты слышал этот шум?.. – проговорил первый человек.

– Я вхожу в доколумбову эпоху! – проговорил в этот момент второй человек. – Итак, полное и окончательное освобождение от родственников?.. —переспросил его первый, точно бы желая еще раз удостовериться, что он правильно понял квинтэссенцию настроений своего собеседника.

– Да, верно. И еще я хочу сказать тебе: я сбежал оттуда, где только черный мрак, и гарь, и пепел, и унылые серые скалы возвышаются над мрачным и суровым морем, скалы, о которые разбиваются огромные несущие смерть морские валы. Какой смысл мне быть там, где уныло и страшно, где грустно? Я хочу быть среди нормальных, веселых людей. Любая положительная подробность меня очень интересует. Еще мне очень интересно, насколько должна распространяться степень моего оптимизма или пессимизма.

– А вот у меня все как раз наоборот. Меня очень интере-

сует распад, энтропия, развал. Я обожаю смотреть жизненные катастрофы. Человека вообще необычайно интересуют всевозможные жизненные катастрофы. Я обожаю взирать на это. В этом таится огромное удовольствие. Кстати, я хотел тебя спросить...

– Да, пожалуйста... – проговорил первый человек.

Второй человек продолжил:

– Я хотел тебя спросить: что ты имел в виду, когда сказал, что сбежал оттуда, где только черный мрак, и гарь, и пепел, и унылые серые скалы возвышаются над мрачным и суровым морем, скалы, о которые разбиваются огромные несущие смерть морские валы? Ты еще спросил: какой смысл мне быть там, где уныло и страшно, где грустно?

– О у тебя отличная память! Ты прямо-таки цитируешь меня!.. – поразился первый человек.

– Да, это точно: память у меня очень хорошая – школьное приобретение... Я имею в виду, что натренировал ее, пока учился в школе... Так ты не ответил: что ты имел в виду?.. – последнюю фразу второй человек проговорил после некоторой, впрочем, весьма небольшой, паузы.

– Как это что?!.. Я говорил про свое будущее!.. – ответил первый человек. – Я рассказывал тебе про то, что существует в моем будущем. И именно от этого будущего мне и захотелось убежать!.. Между прочим, я тоже хотел тебя спросить: когда ты говорил, что ты обожаешь смотреть на жизненные катастрофы, что именно ты имел в виду? Про какие

катастрофы ты говорил? Приведи хоть один пример...

– Пример... – на мгновение второй человек задумался. Но потом точно бы неожиданно вспомнив, проговорил:

– Что ж, пожалуй вот тебе и пример – известный певец, молниеносный взлет, потом ушел в тень (другие появились), забыт, медицинское обследование обнаруживает у него рак, мучительное и небыстрое умирание, смерть... Чем не жизненная катастрофа?..

– Да уж... Действительно...

Потом он добавил:

– Да, действительно, жить стало чрезвычайно тяжело, кругом одни жизненные катастрофы... Можно сказать, эра пессимизма настала... Я считаю, что я тоже должен порассказать тебе про много таких случаев, которые меня окружают...

– Ты сказал, эра пессимизма настала?

– Да, я полагаю, что кругом слишком много информации... Все дело в информации, ее слишком много, за ней невозможно следить, она слишком тороплива и многообразна. Одна сменяет другую, другая – третью, смысла во всем этом я как-то не улавливаю. Было бы ее мало, была бы она ограничена – ее можно было бы помусолить и так, и эдак, обдумать, обмозговать, посмотреть какие-нибудь особенные моменты... Но такой вал! Нет, с таким валом справиться просто невозможно. И главное, по-моему, тут что-то происходит еще и с самой информацией. Она какая-то слишком

уж однодневная, несерьезная, выпекаемая, как пирожки... Нет, разница в информациях есть. Есть разница в тех информациях, что были раньше и тех, что есть сейчас. Это как одежды, одни из которых сшиты в расчете на то, что их будут без сниму носить несколько лет подряд, а другие – в расчете на то, что их оденут только один единственный раз. Да, дело именно в этом: на меня каждый день сваливается куча пестрых и блестящих одежек, каждая из которых рассчитана только на то, что ее оденут один единственный раз. И тот, кто ее шил, думал лишь о том, чтобы привлечь мое внимание – я должен выбрать из вороха пестрых однодневок именно эту пеструю однодневку.

– Ну что ж, поедем, я покажу тебе то место, где может происходить одна из страниц той печальной истории про мрачные скалы, про которую я тебе только что говорил...

– Хм... Это очень ужасно!.. Я не хочу никуда ехать... Тем более в какие-то места, где происходит одна из страниц какой-то еще там печальной и мрачной истории...

– Поехали-поехали, сейчас возьмем машину и поедем!

В этот момент позади прятавшегося в кустах человека в измятом коричневом костюме послышался треск ломаемых сучьев, он резко обернулся, но в темноте разглядеть ничего не смог. Будь он в состоянии стоять спокойно и разглядывать, быть может, он бы и рассмотрел то существо или ту причину, что заставляла хрустеть ветки, но где ему!.. Высматривать что-то или кого-то, таившегося в темноте, ждать,

не произойдет ли что-нибудь еще, что может пролить свет на сокрытую темнотой тайну, он был не в силах. Он не выдержал и кинулся бежать. Напролом, через кусты, слава богу, ничего, кроме них, не оказалось на его пути.

Кинотеатр ужасов разворачивал перед ним свой многообразный репертуар.

Человеку в измятом коричневом костюме показалось, что бежал он очень долго. Тем временем, парковые чащобы вокруг него расступались все сильнее, впереди стали видны заслонявшие собою все небо корпуса гостиничного комплекса, который высился возле станции метро «Измайловский парк». Туда, в сторону гостиничного комплекса был теперь устремлен взор человека в измятом коричневом костюме. Из тьмы парка он смотрел на белые, ярко подсвеченные башни, и их вид действовал на него подобно успокоительному средству: теперь человек в измятом коричневом костюме бежал все медленнее, пока, наконец, и вовсе не перешел на шаг. Как, должно быть, здорово, там, внутри, в белых, ярко подсвеченных гостиничных башнях! Там полно народу, там нет такого ужаса, как в парке, как в маленьком пустом кафе на его отшибе, там царит жизнь, снуют туда-сюда постояльцы и обслуга, играет музыка.

Перед ним проплыли два сцепленных и ярко освещенных изнутри трамвайных вагона: пассажиров в них не было – уже поздно, в такую позднень мимо мрачного Измайловского парка на трамвае никто не ездит. Да и куда здесь ехать?

Не в парк же на ночную прогулку!..

Трамвайные пути, главный вход в парк, подземный переход, вот уже станция метро...

Человек в измятом коричневом костюме остановился. Ключи от сейфа так и не были найдены. Что же делать? Он не знал, что ему делать.

* * *

Человек в измятом коричневом костюме попытался, насколько это возможно, перевести дух. Психика его была совершенно задавлена тем, что случилось. Вернее, не так: кроме того, что он потерял ключи, и его заперли в пустом кафе, ничего, строго говоря, не случилось, как таковых, событий не было, но вот разговор неизвестных, и вся атмосфера, и впечатления, и страшное лицо... Случились больше впечатления, чем события. И этими впечатлениями он был задавлен... Хотя его мысли и путались, он понимал, он сделал вывод о том, что у него теперь есть не так-то и много психологических, если можно так выразиться, выходов.

Первый психологический выход заключался в том, чтобы просто-напросто не поверить в то, что то, что с ним случилось, случилось на самом деле.

Второй психологический выход – немедленно сойти с ума. Но, с другой стороны, никакой это и не выход, да и сделать это намеренно будет трудно. Он либо уже сошел с ума, – ма-

лость или не малость – неважно. Либо его минует чаша сия. А скорее всего, будет что-то среднее, что-то третье. Он и не сойдет с ума так уж явно, но и без последствий для него все это дело никак не обойдется.

Дальше возникал вопрос его личного расследования происшедших событий. По факту событий необходимо было, так сказать, завести дело. У его личного следствия, как и положено уважающему себя следствию, сходу, сразу после событий уже имелось в разработке несколько версий. Первая версия – и самая простая – случайность. Иными словами, все происшедшее – это невероятное наложение невероятных случайностей одной на другую... Ну а почему бы и нет? В конце-концов, кто сказал, что такие случайности невозможны?! Даже теория вероятности, кажется, не может полностью опровергнуть существование подобных случайностей.

Пусть это будет случайность, пусть, в конце концов, мысль о том, что это была случайность, будет просто ложью во спасение. Пусть ложь, ложь, ложь! Но в конце-то концов, не живет ли он и так, и без того в мире лжи?! Кругом мрачная, отупляющая, сюрреалистическая, злобная ложь. Вся эта информация, все эти информационные потоки – это сплошная ложь. Будет лжи немного больше или немного меньше – на общем раскладе, на генеральном балансе это никак не скажется.

Вторая версия, которую может принять в работу его личное, персональное следствие – это розыгрыш. Ну почему бы

тому же его товарищу в темно-синем клубном пиджаке не разыграть его?..

Третья версия – бред, у него просто бред, и все ему мерещится. Но это – самая глупая версия. Хотя, почему бы и нет? Почему бы и не могло ему все, что померещилось, померещиться?!

Ну и самое последнее, самое окончательное соображение: какого черта он должен во всем этом разбираться, ломать голову?! В конце-концов, он имеет право жить бездумно, как трава, как овощ, как животное. Многие живут так... Вот например, хотя бы тот же пьяница, которого он видел сегодня сидящим на ступеньках входа в подземный переход... Пьяница был совершенно спокоен и ни над чем не ломал голову. Почему же и он сейчас не может быть так же спокоен и так же ни над чем не ломать голову?

Никто его не убил, не ограбил, он жив и здоров. Так чего ж ему неймется?..

– Извините... – раздалось у него за спиной.

Человек в измятом коричневом костюме резко обернулся и... замер. Перед ним стоял и виновато улыбался он сам, только гораздо моложе. Перед человеком в измятом коричневом костюме стоял и улыбался человек точно такой же внешности, как и была у человека в измятом коричневом костюме, когда он был значительно моложе. Он же помнил, какая у него была внешность, когда он был значительно моложе! Все совпадало: и эти брючки, и этот старенький заню-

шенный свитерок, которые были надеты на человеке, который к нему подошел, – были его вещами. Вернее, не так: точно такие вещи были когда-то и у него. Но он их давным-давно выкинул.

...Тут очень важными были два пункта. Первый пункт – момент встречи человека в измятом коричневом костюме с самим собой прошел гораздо обыденнее, чем можно было предполагать заранее, если, конечно, и знать заранее, что такая встреча состоится. Он не отскочил в сторону, не вскрикнул, не потерял сознание, не зажал в ужасе рот, сдерживая возглас. Нет, все было спокойно и чинно, и благопристойно, и без чрезмерного удивления, и совсем без страха (хотя, в этот вечер он уже свое отбоялся, так что вряд ли можно было всерьез ожидать от него чрезмерной пугливости).

Второй пункт заключался в том, что для человека в измятом коричневом костюме началась новая эпоха, новая история, мир изменился полностью, окончательно и бесповоротно. Но нигде не было слышно ни громкого уханья набатного колокола, ни даже звона маленьких колокольчиков, ни пожарной или милицейской сирены, ни даже ударов в рельсу. Никто даже ни кашлянул в этот момент. Копия, клон, двойник, знакомый незнакомец предстал перед человеком в измятом коричневом костюме тихой сапой, спокойно, как будто так и надо было, и так же, в общем-то, спокойно воспринял его появление человек в измятом коричневом костюме. Ну, если только замер, застыл на мгновение. Но это, в об-

щем-то мелочь... Мелочь, по сравнению с тем, что произошло...

Подошедший к человеку в измятом коричневом костюме знакомый незнакомец доброжелательно улыбался. Человек в измятом коричневом костюме как-то сразу преодолел собственную оторопь. Точнее, он даже ничего и не преодолевал, она сама собой куда-то незаметно, в мгновение ока улетучилась. О, как это было приятно – видеть этого человека перед собой! Сотрудник транснациональной корпорации испытывал странное наслаждение. Его вызывал один вид того человека, что стоял напротив него. Невероятно! Поразительно! Странно приятно: то есть не то было странно, что приятно, а приятно было как-то по-странному, по-особенному. У сотрудника транснациональной корпорации вмиг как-то разгладилось лицо, он широко раскрыл глаза, он сразу лучше себя почувствовал, – легко и свободно.

В эти мгновения человек в измятом коричневом костюме совершенно не думал о так и не найденных ключах и о том, что произошло с ним в Измайловском парке, когда он пытался эти ключи разыскать.

– Извините, вы не подскажете, где главный вход в гостиничный комплекс? Мне тут надо... Столько корпусов! Глаза разбегаются... – проговорил знакомый незнакомец. В его голосе явственно слышались нотки неуверенности.

При этом он как-то странно, испытующе смотрел на человека в измятом коричневом костюме.

– Я... я не знаю, – запнувшись, ответил человек в измятом коричневом костюме. И потом сказал, махнув рукой в направлении ближайшей гостиничной башни:

– Там, там... Это там! Главный вход – там!..

Смотреть на знакомого незнакомца было невероятно приятно, а вот говорить с ним почему-то оказалось очень трудно, и человек в измятом коричневом костюме словно испугался, что незнакомец в таких знакомых и таких заношенных брюках, которые, кажется, лет десять носили «без сниму», продолжит расспрашивать его о чем-то.

– А поточнее?.. – вдруг спросил незнакомец. – Что же вы мне не скажете точнее?

– ... – человек в измятом коричневом костюме вдруг опять занервничал, если вообще слово «нервничать» могло быть применимо к тому состоянию, в котором он теперь находился. На самом деле, его нервы, не смотря на все испытанное при встрече со знакомым незнакомцем удовольствие, еще не отошли, хотя бы и чуть-чуть, от того состояния судороги, в котором они пребывали во все то время, что он находился на территории Измайловского парка, особенно – в кафе, в кустах, когда подслушивал невероятный разговор двух неизвестных. Какая-то непонятная малость, и он вновь стал все так же взвинчен, возбужден, перепуган, как и пару минут тому назад.

– Ну, ладно. Спасибо, – незнакомец больше не стал расспрашивать, а резко развернулся и быстро пошел в сторону

ближайшего к ним белого и ярко подсвеченного гостиничного корпуса.

Человек в измятом коричневом костюме не двинулся с места, – поч ему – не смог бы объяснить и сам, – но долго смотрел вслед знакомому незнакомцу. Потом тоже развернулся и медленно побрел вдоль длинного ряда палаток, торговавших всякой всячиной. Мозг его отказывался думать. Его охватили странное оупение и апатия. Впрочем, он, безусловно, испытывал удовольствие от встречи. Ужасное лицо, которое человек в измятом коричневом костюме вдруг увидел, когда сидел в кафе в глухом краю парка, было для него очевидным ударом. В ужасном лице не было и не могло быть ничего приятного. А вот встреча со знакомым незнакомцем хоть и сменила одну эпоху в жизни на другую, но, странным образом, оставила приятное воспоминание. Оупение и апатия, и удовольствие одновременно – можно ли такое испытывать?.. Наверное, теперь он все-таки приблизился по своему состоянию к состоянию пьяницы, что сидел на ступеньках подземного перехода.

Но удары еще не закончились... Удары должны были следовать за ударами. Это был день террористических атак. Это был день атак не только на общество, на государство и на каких-то других незнакомых людей, это был день атак и на него, на одного отдельно взятого человека в измятом коричневом костюме...

Возле одной из торговых палаток он увидел мальчи-

ка-подростка, который стоял и, задрав голову, рассматривал что-то в витринке. Затем подросток с разочарованным видом отвернулся от витринки, отошел от палатки и остановился, принялся оглядываться по сторонам, видимо, разыскивая что-то...

Человек в измятом коричневом костюме, тем временем, уже тоже остановился и внимательно наблюдал за подростком. Можно сказать, что он глаз от подростка не отрывал. Но тот ни разу даже взгляда не бросил на дядьку, который столь пристально на него смотрел.

Человеку в измятом коричневом костюме теперь очень сильно казалось, что этот подросток – это тоже он сам, только в возрасте подростка. Но тут (его сердце, тем не менее, бешено колотилось) он не был уверен – он плохо помнил свою внешность: какой она была, когда он был подростком?..

В первом случае – с незнакомым незнакомцем – он был уверен: это был он, только гораздо моложе, теперь же он уверен не был...

Между тем, подростку что-то было нужно найти на этой площади, в ее торговых палатках, которые обрамляли площадь со всех сторон.

Стало ветрено. Хотя, порывы ветра не были частыми, каждый раз, когда они налетали, казалось, что еще немного – и оторвутся крыши торговых палаток.

Человек в измятом коричневом костюме медленно двинулся в сторону так поразившего его подростка, который по-

прежнему его не замечал. Подойдя к тому на расстояние в несколько метров, человек в измятом коричневом костюме замер.

Подросток по-прежнему осматривался по сторонам, но вот, наконец, взгляд его наткнулся на человека в измятом коричневом костюме. Подросток тут же отвел глаза, несколько мгновений постоял, глядя куда-то в дальний конец площади, а потом пошел в сторону, противоположную той, в которой стоял человек в измятом коричневом костюме.

Но прошагал так подросток недолго. Потом он остановился, потом вернулся обратно на то место, где он стоял в тот момент, когда взгляд его наткнулся на человека в измятом коричневом костюме, там он вновь принялся смотреть по сторонам, словно он разыскивал что-то или кого-то. В это время человек в измятом коричневом костюме стоял на одном месте и то и дело бросал взгляды на подростка, причем он не то, чтобы смотрел на него слишком настойчиво, а, напротив, украдкой, – он старался не проявлять столь уж явно своего внимания к подростку, ведь он не был уверен в этом подростке. Это мог быть какой-то случайный подросток, могло просто померещиться. Но и из виду подростка тоже не выпускал. Впрочем, тот и не отошел никуда хотя бы сколь-нибудь далеко.

Вдруг подросток начал быстро переходить от палатки к палатке, словно бы очень занервничав и пытаясь что-то разыскать на витринах, чего он до сих пор не мог никак

разыскать. Человек в измятом коричневом костюме тоже начал ходить по той свободной площадке, что была перед киосками, опасаясь, что подросток как-нибудь неожиданно исчезнет из виду, но при том ему представлялось, что он не должен так уж откровенно следить за подростком, потому что, кто его знает, как тот мог истолковать его внимание? – Оно могло напугать его, а этого человек в измятом коричневом костюме хотел меньше всего.

– Вот так дела! Вот так дела! Вот так дела! – бормотал человек в измятом коричневом костюме, чтобы не сойти с ума. – Я чувствую, мое настроение улучшается! Я рад, что все так вышло, что все так получилось. Мне уж было совсем приходил полный конец, совсем не наблюдалось нигде никакого выхода, а тут вдруг такие хорошие и цельные и целостные события, что просто загляденье! Такой невероятный, неожиданный и нужный поток информации ко мне пришел! Ведь информация – это любое различие, которое рождает другое различие.

Так они оба кружили по небольшой площади, пока, наконец, в какой-то момент не столкнулись друг с другом, впрочем, совершенно непреднамеренно и, даже, против воли обоих, чуть ли не нос в нос, насколько подобное выражение уместно применить для двух людей совершенно разного роста.

Подросток тихо, впрочем совершенно не испуганным голосом, а скорее как-то нервничая, но нервничая, как опре-

делил для себя человек в измятом коричневом костюме, не из-за того, что он столкнулся с незнакомым мужчиной, а по каким-то своим собственным, только ему известным причинам, – так вот, явно нервничая, он спросил:

– Скажите пожалуйста, не будете ли вы так любезны сказать, где тут можно отведать каких-нибудь горячих блюд за пятнадцать рублей?..

– Не буду ли я так любезен сказать, где тут можно отведать каких-нибудь горячих блюд?.. – поразился вопросу человек в измятом коричневом костюме.

Он очень внимательно, изучающе смотрел на подростка. Подросток же, – это можно было понять с первого взгляда, – готов был заплакать. Впрочем, причина подобного его состояния оставалась непонятной.

– Горячих блюд можно отведать в ресторане или кафе. Иди в гостиницу, там, конечно же, есть и ресторан, и кафе. А, может, кафе есть где-нибудь и здесь, возле метро. Я не знаю точно... – сказал человек в измятом коричневом костюме.

Глаза подростка наполнились слезами.

– Я же спросил вас, совсем не имея ввиду кафе или ресторан. Там так дорого! Я хочу знать, где здесь поблизости можно съесть какое-нибудь горячее блюдо за пятнадцать рублей. Суп или кашу... Или какие-нибудь горячие блинчики с творогом или мясом... Или... Или... – слезы стали душить его и, не договорив, он пошел прочь.

– Постой! Постой, мальчик! – громко воскликнул ему

вслед человек в измятом коричневом костюме так, что сразу несколько человек на маленькой площади стали смотреть в его сторону.

– Постой мальчик! – продолжал человек в измятом коричневом костюме.

Подросток остановился и молча повернулся к человеку в измятом коричневом костюме. По лицу его текли слезы.

– Может быть, у тебя нет денег и ты голоден? Я могу дать тебе денежки...

– Вы что с ума сошли?! Нет, я не попрошайка!.. – воскликнул подросток. – Я просто хотел быстро съесть какое-нибудь второе горячее блюдо. Мне нужно сейчас съесть какое-нибудь горячее блюдо. Иначе у меня станет болеть голова. Вы что?!.. Отстаньте от меня! – он развернулся и быстро пошел, чуть ли не побежал прочь.

Человек в измятом коричневом костюме тоже развернулся и тоже пошел прочь в сторону, где у него не было совершенно никаких дел – в сторону гостиничного корпуса. Пройдя шагов двадцать, он вновь развернулся и пошел обратно к торговым палаткам возле станции метро...

...Подкрадываясь к выслеженному им подростку, прячась в толпе народа, повалившего как раз в этот момент из дверей метро, человек в измятом коричневом костюме со щемящей болью в сердце увидел, что подросток вылил на грудь, на свою кофточку томатный соус, которым была приправлена сосиска с булочкой. Подросток пытался как-то стереть со-

ус с рубашки, неловко перепачкал еще и рукав, чуть было не уронил сосиску, потом, чтобы освободить руки и заняться пятном на рубашке, затолкал чуть ли не всю сосиску с булочкой разом себе в рот, давясь и обжигаясь попытался прожевать их, раскраснелся, еще больше разнервничался. Вид у него был чрезвычайно жалкий.

– Вы что так на меня смотрите? – вымолвил он наконец, когда съел свою горячую сосиску с булочкой.

Человек в измятом коричневом костюме, пользуясь замешательством подростка, уже некоторое время стоял и без стеснения рассматривал его:

– О, нелепый, странный, глупый подросток, посмотри как ты перемазался!.. Зачем же ты все это наделал?!.. – воскликнул человек в измятом коричневом костюме и, уловив, что подросток сейчас опять убежит, уже более спокойно спросил:

– Постой не исчезай, мне знакомо твое лицо? Где же мы могли с тобой встречаться, как ты думаешь? Где же я мог тебя видеть, как ты полагаешь?

– Не знаю... Я вас не знаю. Я никогда вас не встречал, – пробормотал подросток. – Скажите пожалуйста, где главный вход в гостиничный корпус? – спросил он следом.

Человек в измятом коричневом костюме замешкался с ответом и подросток, не дожидаясь, пока тот что-нибудь скажет, побрел через площадь в сторону ярко подсвеченных снаружи белых гостиничных корпусов.

Человек в измятом коричневом костюме, тем временем, подбежал к ближайшему телефону-автомату, который он заметил еще раньше, вытащил из внутреннего кармана измятого пиджака городскую телефонную карточку, вставил ее в прорезь и принялся набирать номер мобильного телефона коллеги, что был сегодня днем вместе с ним в Измайловском парке.

– Ты знаешь – состоялось! – воскликнул человек в измятом коричневом костюме, едва коллега ответил на звонок.

– Что? Что состоялось?!.. – удивился тот больше неожиданному заявлению товарища, чем позднему звонку – между ними было принято звонить друг-другу после работы и обсуждать какие-нибудь вопросы, которые могли быть связаны с чем угодно: с тем, что сказал днем одному из них двоих Глава представительства, с только что прошедшей телепередачей, с какой-нибудь сенсационной мировой новостью. Оба в этот момент по определенному стечению обстоятельств были одиноки и им хотелось общаться друг с другом.

– Состоялось то, что теперь у меня есть повод для оптимизма, – пояснил своему товарищу человек в измятом коричневом костюме. – Есть событие, факт, происшествие, на котором, уверен, может укрепиться, как растение на маленьком клочке земли среди безжизненных скал, мой оптимизм. Я встретил некого очень знакомого мне человека... Мне кажется, это чертовски, чертовски занимательно и интересно!

Человек в измятом коричневом костюме был уверен, что

сейчас его товарищ что-то ответит, как-то заинтересованно продолжит разговор, что сейчас они, хоть и немного, хоть он и по уличному телефону автомату звонит, и второй – отвечает по мобильному телефону, а значит, – деньги идут, но поговорят, хотя бы самую малость, но второй, тот, что был сегодня в темно-синем пиджаке и серых брюках, сказал:

– Слушай, я сейчас... В общем, давай потом поговорим. Давай, потом. Пока, пока... – вслед за этим в трубке раздались короткие гудки.

Человек в измятом коричневом костюме разочарованно повесил трубку на рычаг. К автомату уже стояла очередь из нескольких человек. Когда они успели собраться? – Человек в измятом коричневом костюме даже не заметил!

Он отошел от телефона-автомата. За рядом торговых палаток через площадь, через проезжую часть высились ярко подсвеченные белые гостиничные корпуса.

Голова у человека в измятом коричневом костюме была полна каких-то неясных соображений, предчувствий, мысли путались, в настроениях царил полный сумбур, – то его охватывала радость от того, что он встретил подростка, который так поразил его, то он вспоминал свою недавнюю парковую эпопею, потерянные ключи...

Можно так же отметить, что человек в измятом коричневом костюме едва ли не перешел уже грань безумия от всех тех событий, что на него сегодня свалились... Нет, наверное, все-таки не перешел. От перехода этой грани его удерживала

радость, которую он испытывал от встречи с самим собой, только гораздо моложе.

«Стоп! – пронеслось в голове у человека в измятом коричневом костюме. – Он же ничего не спросил ни про ключи от сейфа, ни про мое исчезновение с работы!.. Вот так дела! Странно! Чем же это можно объяснить?»

Он хотел немедленно вернуться к телефону-автомату, набрать номер коллеги вновь и спросить его про то, что происходило на работе во время его отсутствия, но тут же он передумал. Медленно он двинулся в сторону белых башен гостиничного комплекса. Там сейчас странный знакомый незнакомец, там сейчас и подросток, что недавно поедал горячую сосиску с булочкой!

«Кругом одна ложь! – продолжало нестись в голове у человека в измятом коричневом костюме. – Все события сегодняшнего вечера – это сплошная реакция моего организма на ложь, на сплошную мрачную сюрреалистическую ложь, которая разлита повсюду. То, что произошло сегодня со мной, было случайностью, но разве можно поверить в то, что можно случайно услышать на ночной алее парка разговор, который уже однажды состоялся, а потом встретить человека, случайно похожего на тебя, каким ты был раньше, а затем случайно встретить подростка, похожего на тебя такого, каким ты был, когда был подростком? То, что это случайность – это ложь. Но разве не существует и не чувствует себя прекрасно и более чудовищная, и более отупляющая ложь?!..»

Ведь кругом одна большая, мрачная, угрюмая, отупляющая сюрреалистическая ложь! И люди верят в нее! Значит и я должен верить в свою угрюмую и отупляющую сюрреалистическую ложь: все, что со мной происходит – это цепь случайностей и совпадений. Какими бы странными и необъяснимыми не казались бы мне все случившиеся факты, они на самом деле объясняются простой цепью случайных совпадений, стечением обстоятельств. Это ложь. Но нынче ложь становится явью. Вот и эта ужасная ложь про случайность стала явью. Да и какое мне дело до того, ложь это, или нет?! Я не должен тратить свои силы на то, чтобы ломать над этим голову. Это – цепь случайных совпадений. Но очень интересная и внушающая оптимизм цепь. Я так и сказал ему: состоялось то, что теперь у меня есть повод для оптимизма. Моя жизнь больше не будет скучна и мрачна. Я буду интересоваться самим собой, но таким, каким я был, когда был моложе, или таким, каким был подростком. Я буду интересоваться самим собой и общаться с самим собой... А что, если я больше сам себя не увижу? Где гарантия, что подросток или молодой человек появятся вновь?...»

Мимо него прошла группа о чем-то болтавших между собой и весело смеявшихся приезжих, очевидно, направлявшихся в гостиницу. Человек в измятом коричневом костюме медленно пошел вслед за ними. Потом остановился. Нет, он не пойдет туда! Что ему там делать? Хватит. Этот вечер пора заканчивать: он решил отправиться домой и как можно

скорее лечь спать. Дома, в кровати, он может предаться приятным воспоминаниям о том, как он встретил самого себя, только моложе. Встреча с прекрасным состоялась!

– Осторожней же! Шатается, как пьяный!.. Приличный же вроде человек... – услышал человек в измятом коричневом костюме рядом с собой. Пожилая женщина, которую он толкнул, была возмущена.

– Извините, – он потер ладонью лоб.

Неожиданно мысль, как удар молнии, поразила его: ему же надо было ехать смотреть новости. Информационные потоки в его голове ослабевали! Еще немного – и в его голове воцарится ужасная, могильная тишина. Ему требовалось свежих информации!.. Впрочем, то, что с ним происходило, и те сильные впечатления, которые на него теперь навалились, тоже, без сомнения, были полноценным информационным потоком, так что он погорячился, когда испугался, что информационные потоки иссякли. Они не иссякали и не иссякли. Просто теперь информация поступала к нему в мозг не из телевизора или радиоприемника, а напрямую из самой жизни.

Между тем, с того места на площади возле метро, на которой теперь стоял человек в измятом коричневом костюме, было видно, что пьяница по-прежнему дремал на ступеньках, что вели в подземный переход, и его, пьяницу, по-прежнему совершенно ничего не интересовало. Эта вопиющая несправедливость резанула по нервам человека в из-

мятом коричневом костюме, и к нему разом вернулся и тот ужас, который он испытывал от осознания того, что он потерял такие важные ключи от сейфа представительства, и сознание бестолковости и нелепости всего того, что происходило с ним в этот вечер, и, – и это главное, – он понял все невероятное отличие, которое разделяло и различало его с этим беспробудно спавшим на ступеньках подземного перехода пьяницей: он, человек в измятом коричневом костюме, служил хранилищем и вместилищем информации, он внимал ей и впускал ее в себя, оттого-то и происходили с ним все эти события, оттого-то и попадался ему на его странном пути в этот странный вечер он сам, но только гораздо моложе, оттого-то и имел он все основания подозревать, что этот подросток, что так нелепо и жалко давился горячей сосиской с булочкой и обливал свою, похоже, единственную приличную кофточку соусом – это тоже он сам, но только – когда был подростком, и именно потому, и только потому, что он так восприимчив для информации, служит для множества информации мишенью, так бестолков и неупорядочен, и страшен этот вечер. И его, этот вечер, и его самого, человека в измятом коричневом костюме, необходимо немедленно упорядочить. И единственным средством для упорядочения может быть только напиток до бесчувственного состояния и сесть на ступеньках подземного перехода рядом с давно сидящим на них пьяницей.

Человек в измятом коричневом костюме решил немед-

ленно ехать домой.

В пустой унылой квартире, где на кухне падает из неисправного крана на тарелку со следами томатного соуса вечная струйка воды, сейчас никого нет и только автоответчик иногда включается: «Сейчас меня нет дома...» Невыносимо будет оказаться в этой пустой квартире и начать думать о том, что же сегодня с ним произошло. Нет, это невыносимо!

Тем не менее, он все-таки развернулся и пошел обратно туда, где был вход в метро. После всех мыслей он все-таки осмелился направиться туда, где был вход на станцию метро. Это был подвиг с его стороны! Он и сам никогда не мог предположить, что способен на подобный героический поступок.

Человек в измятом коричневом костюме так и не дошел до метро, а в какой-то момент развернулся и пошел обратно, в сторону гостиничного комплекса. Он лишь примерно представлял, куда шли знакомый незнакомец и подросток, который ел сосиску с булочкой, а потому действовал больше наугад, – перейдя широкую проезжую часть и миновав автостоянку, он направился к тому корпусу, что стоял чуть поодаль.

Потом он нашел вход в корпус, попал внутрь и там, – о удивление! – Он был просто поражен: недалеко от дверей стоял... его коллега в темно-синем пиджаке и серых брюках.

Но это было не последнее удивление, которое он испытал, попав в холл гостиницы.

Здесь же, в холле, оказывается, стояли знакомый незнако-

мец, подросток, который недавно ел сосиску с булочкой, – он держал за руки немолодых мужчину и женщину, видимо, это были его отец и мать. Тут же стоял какой-то наголо стриженный мальчик, очень смахивавший на беспризорника. Видимо, он и был беспризорником. Рядом с беспризорником стояла девушка лет семнадцати-восемнадцати, нарядно одетая и с какой-то невообразимой прической, накрученной на голове.

Все эти люди стояли перед экраном телевизора, по которому шла программа новостей. В ней рассказывали о последствиях очередного террористического акта. Человек в измятом коричневом костюме хотел было броситься к телевизору, чтобы не упустить ни слова из того, что говорилось про случившиеся ужасные события, но удержался. Ему подумалось, что из всех информационных потоков, которые уже обрушились и еще обрушатся на него в холле гостиницы, телевизионные новости о последствиях очередного ужасного террористического акта – это не самый главный информационный поток.

«Странно, – подумал человек в измятом коричневом костюме. – Странно, что именно так я подумал...»

В центре этой маленькой группки стоял чрезвычайно нарядно одетый молодой мужчина и, судя по всему, что-то объяснял им. Причем, все пятеро слушали его с огромным вниманием.

– Дремушая российская жизнь скоро подойдет к своему

естественному концу! – расслышал человек в измятом коричневом костюме. – Но я – оптимист и полагаю, что для меня этот общий конец концом не будет. Я весел и жизнерадостен, и полагаю, что такие, как я, не пропадут ни в какой ситуации, и я уверяю вас, что я, моя звезда, мы оба – я и моя звезда – будем сиять на нашем российском небосклоне все ярче и ярче, какие бы перемены и катаклизмы не поражали наше тупое и много раз побитое и, все-таки, так от этого бития и не поумневшее в своей серой и глупой массе общество!..

Человек в измятом коричневом костюме вдруг понял, что он несколько раз видел этого чрезвычайно нарядно одетого мужчину по телевизору, – но кем тот был, он вспомнить не смог, – кажется, журналистом, но, может быть, и нет...

Рядом с коллегой в темно-синем пиджаке и серых брюках стояло двое каких-то молодых мужчин, на которых человек в измятом коричневом костюме только что просто не обратил внимания. Вот они отвлеклись от чрезвычайно нарядно одетого молодого мужчины и все трое стали о чем-то оживленно беседовать. При этом коллега в темно-синем пиджаке стоял к двери влоборота, так что вошедшего человека в измятом коричневом костюме он не заметил.

Постояв совсем немного, может быть, меньше минуты у входных дверей в гостиничный корпус, человек в измятом коричневом костюме направился к своему коллеге в темно-синем пиджаке и серых брюках. Тот, словно уловив это

каким-то шестым чувством, резко повернулся в его сторону. В это мгновение человек в измятом коричневом костюме заметил мобильный телефон, который его коллега держал в правой руке так, словно только вот-вот недавно закончил говорить по нему.

«Должно быть, это он после разговора со мной так и не убрал телефон в карман», – подумал человек в измятом коричневом костюме. – «Ага, все ясно! Значит, ждет прихода дополнительных информации. Иначе, чего бы он стал стоять с телефоном в руках».

Увидав человека в измятом коричневом костюме, его коллега, который был одет в темно-синий пиджак и серые брюки, чрезвычайно удивился.

– Как?!.. Ты?! Что ты здесь делаешь?! Вот уж кого не ожидал увидеть! – воскликнул он, за одну секунду ужасно разволновавшись.

Впрочем, через мгновение человек в темно-синем пиджаке и серых брюках пришел в себя.

– А ты?.. Что ты здесь делаешь?! – в свою очередь поразился человек в измятом коричневом пиджаке.

В ответ на этот вопрос человек в темно-синем пиджаке рассказал, что сегодня в этом корпусе гостиницы разместятся на ночлег участники телевизионной передачи. Они приехали в Москву из разных уголков страны, и вот, так или иначе, все вместе оказались в этом холле гостиницы. Причина того, что человек в темно-синем пиджаке тоже здесь оказал-

ся, была чрезвычайно проста: для участия в съемках передачи в Москву приехала приемная дочь одних его родственников, которые жили не в самом близком Подмосковье. Как понял человек в измятом коричневом костюме из рассказа своего коллеги в темно-синем пиджаке, это был маленький городок где-то на границе то ли с Калужской, то ли с Рязанской областью. Одним словом, городок, который располагался в самом дальнем и самом заштатном уголке Московской области, откуда было удобней добираться в столицу уже даже не на электричке, а в купейном вагоне, вздремнув на верхней полке не такой уж и маленький промежуток времени.

Приемная дочь родственников коллеги в темно-синем пиджаке приехала прямо к тому до мой, так как предполагала остановиться в Москве у него. По определенным причинам коллега, который в этот день носил темно-синий пиджак, не хотел, чтобы приемная дочь его родственника из Московской области останавливалась у него дома, а потому решил оплатить ей номер в гостинице. К тому же, она пришла к нему на квартиру не одна, а с мальчишкой-беспризорником, впрочем, уже отмытым по случаю участия в передаче, с которым познакомилась уже на телецентре.

Там же, на телецентре, она узнала, что многие будущие участники передачи собираются остановиться именно в этой гостинице, о чем и сказала человеку в темно-синем пиджаке и серых брюках. Так что тому не пришлось раздумывать, в какую гостиницу отвезти приемную дочь своего родствен-

ника, благо гостиница, ко всему, была еще не из самых дорогих, что только укрепило его в принятом решении.

Удовлетворившись объяснением, которое предложил ему его коллега в темно-синем пиджаке и серых брюках, человек в измятом коричневом костюме что-то сбивчиво рассказал ему о своей встрече с двойниками и затем остался стоять возле него, в то время, как к тому подошла приемная дочь его родственника, за ней – беспризорный мальчишка, а потом вокруг них собралось еще несколько человек, имевших отношение к будущей передаче, некому ток-шоу, ради которого все эти люди и приехали в столицу. Подошел к ним и чрезвычайно нарядно одетый мужчина, который, как потом понял человек в измятом коричневом костюме, был журналистом, и родители с подростком, который лишь недавно ел горячую сосиску с булочкой, тоже подошли, незнакомый незнакомец – и тот приблизился к образовавшемуся скоплению народа, хотя и остановился все же на некотором удалении от него.

Неожиданно, чрезвычайно нарядно одетый молодой журналист окликнул двух людей, которые до этого стояли и о чем-то оживленно беседовали чуть поодаль.

– Эй, что вы там стоите? Идите сюда! – громко позвал он их. И уже обращаясь к тем людям, что стояли возле него:

– Я хочу рассказать вам про то, что вот у этого человека... – тут молодой чрезвычайно нарядно одетый журналист показал на сотрудника представительства в темно-синем пи-

джакет и серых брюках. – Так вот, у него есть один очень забавный и оригинальный приятель, который очень страстно и странно относится к информационным потокам. Разговаривая сегодня с ним, с этим своим приятелем, он взял и записал весь их разговор на диктофон, который брал с собой на важные переговоры. Он вообще всегда берет с собой на важные переговоры диктофон, чтобы потом еще раз прослушивать и переживать захватывающие детали этих переговоров. Такой вот странный человек!.. Так вот, когда его приятель начал говорить про информационные потоки, он тут же включил свой диктофон на запись. Вот эти два человека (это относилось к двум людям, только что беседовавшим поодаль, а теперь подошедшим поближе) – они репетируют сцену, основанную на этом разговоре, чтобы представить ее на будущей передаче как бы невзначай, точно бы и не отрепетированная это сцена, а просто диалог из жизни... Ну что ж, этот разговор того стоит, потому что разговор чрезвычайно интересный.

– Ты подлец! Как ты смел это сделать?!.. Как ты смеешь предавать эти наши разговоры гласности?! – выкрикнул в этот момент с искаженным лицом человек в измятом коричневом костюме, глядя на своего коллегу по работе в темно-синем пиджаке.

– Подождите-подождите! – воскликнул чрезвычайно нарядно одетый молодой мужчина и быстро встал между двумя коллегами по работе, должно быть, подумав, что сейчас

будет драка.

– Я хочу добавить только одно, – продолжал он рассказывать. – Имя забавного и оригинального приятеля, который чрезвычайно возбужден множеством информационных потоков само по себе достаточно необычно – Не-Маркетинг!

– Честное слово, все было совсем не так! Вернее, так, но смысл другой: я не предавал гласности... То есть... Там никак не будешь упомянут ты! – проговорил человек, одетый в темно-синий пиджак и серые брюки, обращаясь к Не-Маркетингу, тому, что был одет в измятый коричневый костюм.

– Ну а его имя, – молодой чрезвычайно нарядно одетый журналист показал на человека в темно-синем пиджаке и серых брюках. – Маркетинг!..

– Э, нет! – возмущенно сказал коллега в темно-синем пиджаке и серых брюках. – Это совсем не то!.. Я рассчитывал, что вы упомянете мою фамилию!.. Про то, что я – Маркетинг, знает только очень узкий круг лиц!

– Ну и народ! – изумился чрезвычайно нарядно разодетый мужчина. – Просто даже и не знаешь, что подумать!.. Я же хочу, как лучше!.. В моем деле всегда возможен скандал. Он даже желателен. Неужели вам хочется быть во все это замешанным?! Какой вам прок?! Вы – солидный сотрудник солидного представительства крупной транснациональной корпорации, вам-то зачем во все это лезть?!..

– Так ведь и так уже влез! И так все поймут, кто есть кто!..

– Ну хорошо, я стану упоминать ваши фамилию, имя и

отчество!.. Нет, впрочем, я не буду упоминать их!.. Да и потом, сейчас ведь мы не перед камерой, сейчас вообще можно говорить что угодно... К тому же, я вообще не решил: включать это или нет... Но даже если это и случится, вы все равно так и останетесь лицом под псевдонимом!.. Вы – из тех, кто мне уже успел невероятно надоест. Вы все, кто здесь сегодня собрался – какие-то ужасные и невероятные идиоты, подобных которым я вообще никогда в жизни не видел. Хотя, чего же здесь удивляться – сейчас кругом только одни идиоты. Идиот на идиоте сидит и идиотом погоняет!

Лицо человека в темно-синем пиджаке и серых брюках потемнело. Чрезвычайно нарядно одетый молодой мужчина тут же проговорил:

– Впрочем, извините за резкость, за грубые слова, вы не идиот, идиот – это я.

– Я рассчитывал, что вы хотя бы раз упомянете мое имя по телевизору. И это будет мой вклад в информационные потоки! Я стану существовать как бы в нескольких ипостасях. Я – настоящий, реально существующий, и я – тот, который вообразится всем после вашей передачи: человек, который передал запись разговора со своим приятелем!

– Идиот на идиоте сидит и идиотом погоняет, господин Маркетинг в темно-синем пиджаке и серых брюках, – сокрушенно проговорил чрезвычайно нарядно одетый журналист.

– Я не про вас, не про вас, про себя! Надеюсь, вы понимаете!.. – тут же добавил он.

– Как же ты смел передать кому-то запись нашего разговора! – вновь начал возмущаться человек в измятом коричневом костюме.

– Пойми, разговор мне очень понравился! – попытался оправдаться его коллега, который в этот день был в темно-синем пиджаке. – Меня он очень заинтересовал, так сказать, с информационной точки зрения. Ты знаешь, я ведь тоже хочу выпускать в мир огромное количество информационных потоков, я хочу создавать множество информационных потоков. К тому же, ты не должен обижаться – я записываю на диктофон вообще очень многие разговоры, но...

Но в этот момент их разговор был прерван.

Глава III

«Я выступаю за то, чтобы лжи было как можно больше»

Их разговор был прерван речью до этого молчавшей девушки:

– Почему вы все время бесконечно говорите про информационные потоки, а ни слова не сказали про родителей? Про то, что можно навсегда порвать со всеми родственниками? Про то, что можно праздновать момент полного и окончательного освобождения от всех родственников?.. – спросила тут та самая приемная дочь коллеги человека, одетого в измятый коричневый пиджак, которого молодой чрезвычайно нарядно одетый журналист назвал Не-Маркетингом.

– Эльвира, вы как всегда говорите про одну и ту же свою тему! – воскликнул чрезвычайно нарядно одетый молодой журналист.

– Да, я, действительно, как всегда говорю про одну и ту же тему, но просто среди всех ваших информационных потоков для меня нет темы важнее, чем полное и окончательное освобождение от всех родственников. Я подождена и очарована этой темой! Если бы вы знали, каким счастьем было для меня то, что совсем недавно я узнала, что мои родители, которых я всегда считала настоящими, биологическими роди-

телями, на самом деле в биологическом-то смысле как раз и не имеют ко мне никакого отношения. Они просто-напросто удочерили меня! Это было давным-давно... Вот такая история!..

– Прекрасно, прекрасная ситуация, про которую вы нам сейчас рассказали!.. – воскликнул тем временем знакомый незнакомец, действительно, весьма напомилавший некоторыми своими чертами человека в измятом коричневом костюме. – Мне очень нравятся подобные радостные, светлые ситуации. Я и сам сейчас нахожусь примерно в такой же ситуации. То есть, конечно, не в точно такой, если говорить о фактах, потому что я не освободился недавно полностью и окончательно от своих родственников.

– Да, точно! – потрясенно проговорил человек в измятом коричневом костюме. – Ведь и я тоже был в точно такой же ситуации! То есть, конечно, не в точно такой, если говорить о фактах, потому что я не освободился в тот момент полностью и окончательно от своих родственников.

– Но ощущение радости и света существует, – продолжал говорить знакомый незнакомец. – Мне кажется, я вполне могу начать какую-то новую жизнь. Я вообще люблю постоянно начинать новую жизнь. Это у меня такой способ существования.

– Да, ведь и я любил начинать новую жизнь! И для меня это был просто способ существования, – все поражался человек в измятом коричневом костюме.

– Да нет, вы не поняли! – воскликнул вдруг знакомый незнакомец. Теперь он уже обращался к человеку в измятом коричневом костюме. – Вы ничего не поняли. Это не просто шутка с моей стороны! Я вот уже несколько дней хожу гулять в парк, катаюсь на каруселях и думаю, думаю, думаю...

К ним присоединился тот самый стриженный почти наголо мальчишка, который был похож на беспризорника:

– Да вот, а у нас в Озерах вообще жить невозможно! Кругом одни дебилы!..

– Родители, Озера!.. Что за странные информационные потоки! – поразился вдруг человек в измятом коричневом костюме. – Я ничего не понимаю!.. Всего этого быть не может! Что это за дикий бред такой! – воскликнул он так, как будто несколько мгновений назад это не он с огромным энтузиазмом принимал участие в этом разговоре. – Кругом одна ложь! Кругом одна явная и тайная ложь и полное отсутствие всяческого здравого смысла. Это ненормальность!.. Это полная и явная ненормальность!..

– Понимаете, все это чушь, чушь, чушь! Мы не про то говорим!.. – заговорил знакомый незнакомец. – Вот вы, например, девушка, не про то говорите... Вы говорите про то, что вы, наконец-то, избавились от ненавистных вам родителей. Но факт-то вовсе не в этом. Ведь вы, наверняка, на практике-то от них никак не избавились. И не избавлялись, скорее всего. Как вам от них избавиться, если вы, скорее всего, вместе с ними под одной крышей живете в вашем маленьком

городке, из которого вы приехали?! Избавление произошло только в вашей голове. Фактом явилось только то, что появилась информация про то, что вы избавились. Вы избавились, но с другой стороны, вы и не избавились. То есть, теперь эти два события и два состояния станут существовать одновременно – информация про то, что вы избавились, будет жить теперь полноценной жизнью, и реальное положение вещей, в котором вы реально вовсе ни от кого не избавились – тоже останется фактом. Но вы должны скрывать информацию про то, что вы реально не избавились, от всех. Таким образом, никакой информации про то, что вы реально не избавились не будет.

– Какая же ты сволочь! – выругался вдруг нарядно одетый молодой журналист. – Какой же ты гад! Информация!.. Факт!.. – передразнил он знакомого незнакомца. – Вот из-за таких, как ты и пухнут головы, и влезает в них вся эта бесконечная информация!.. А нельзя ли попроще, пояснее, какими-нибудь простыми словами!.. Ведь это же очень важно: простые, ясные слова с ясным, понятным, однозначным смыслом!..

– Нет, нельзя!.. Я изъясняюсь именно так, как нужно, именно теми словами, какими нужно!.. – возразил знакомый незнакомец с некоторым напором и ожесточением в голосе. В эту минуту он никак не ответил на оскорбление.

– Кому нужно?!.. – спросил его нарядно одетый молодой журналист.

– Нужно!.. Нужно!.. – страстно ответил знакомый незнакомец. – Мне нужно. Всем нужно!..

– Нет, тебе не может быть это нужно, – неожиданно спокойно и чрезвычайно серьезно ответил нарядно одетый молодой журналист.

– Откуда вы знаете, что мне нужно? Вы что, можете заглянуть мне в душу? – тон, с которым знакомый незнакомец задал этот вопрос, был тоже очень спокойным. – Избавление этой девушки произошло только в ее голове. И реальным фактом явилась только информация о том, что ее избавление произошло... Но, тем не менее, это очень позитивная информация. И в производстве таких информационных важна мобильность. Крайне важна особая мобильность и интенсивность. Таких положительных и чрезвычайно важных информационных должно быть много! Подобный информационный поток должен быть очень широким. Пусть даже это и ложь. В этом смысле я выступаю за царство лжи!.. Я выступаю за то, чтобы лжи было как можно больше.

– Ах вот как!.. Ну и сволочь ты все-таки!.. Не-ет, просто так я это не оставлю, тебя надо хорошенько проучить, иначе ты совсем обнаглеешь и вконец разойдешься!.. – с этими словами чрезвычайно нарядно одетый молодой журналист подскочил к знакомому незнакомцу и схватил того за ворот рубашки.

Страшное смятение изобразилось на лице Не-Маркетинга, одетого в измятый коричневый костюм. Каких-то

несколько мгновений он колебался...

Тем временем чрезвычайно нарядно одетый молодой журналист кричал:

– Если ты еще раз скажешь в моем присутствии... Нет, если ты еще раз вообще рискнешь сказать про информационные потоки лжи, то это высказывание закончится для тебя летальным исходом!..

В следующее мгновение Не-Маркетинг подскочил к чрезвычайно нарядно одетому молодому журналисту и знакомому незнакомцу и, схватив знакомого незнакомца за руку, принялся трясти его с такой силой, что чрезвычайно нарядно одетый молодой журналист даже пораженно отпустил ворот знакомого незнакомца.

– Да, если ты хоть слово скажешь про потоки лжи, то я душу из тебя вытрясу!.. – громко говорил при этом Не-Маркетинг.

– Отпустите меня, наконец, идиот! – знакомый незнакомец оттолкнул Не-Маркетинга.

– Прекратите! – к ним уже спешил сотрудник службы безопасности гостиницы. – Прекратите немедленно!..

– Какой-то кретин!.. – сказал знакомый незнакомец, когда Не-Маркетинг, наконец, отпустил его.

– Какой-то кретин! – еще раз повторил знакомый незнакомец и посмотрел на тех, кто стоял рядом с ним, словно приглашая их согласиться с ним и поддержать его в этом сообщении. Потом он перевел взгляд на Не-Маркетинга и ска-

зал, глядя ему в глаза:

– Убирайтесь отсюда! Я больше не желаю вас видеть. Вы пришли сюда следом за мной, можно сказать, это я привел вас сюда. И вот теперь я говорю вам – я больше не желаю с вами общаться. Уходите отсюда!

– А вы!.. А вы!.. А вы... – задыхаясь от гнева обратился он к молодому чрезвычайно нарядно одетому журналисту, но так и ничего не сказал. Возникла пауза...

* * *

– Пойдемте от него! – проговорил чрезвычайно нарядно одетый молодой журналист, уводя Не-Маркетинга в сторону.

Через мгновение он спросил Не-Маркетинга:

– Я слышал, как вы там рассуждали про информационные потоки... Вас что, действительно интересует эта тема?..

Не-Маркетинг даже немного растерялся, настолько слова чрезвычайно нарядно одетого молодого журналиста застали его врасплох.

– Да, в общем-то интересует... Да, конечно интересует! – не сразу ответил он.

– Все что вы там говорили про информационные потоки – это ерунда! – тоном, не допускающим возражений проговорил нарядно одетый молодой журналист. – Никаких информационных потоков не существует. Столько информации просто не существует в природе. В моем понимании сло-

ва «информация» и «ложь» – абсолютно тождественны. Это синонимы. Существуют потоки лжи. И потоки лжи, действительно, все увеличиваются и убыстряются. Их интенсивность возрастает до миллиардов терабайт в секунду, а, может быть, и это скорее всего, и гораздо больше...

– Да, но... – не нашелся, что сказать Не-Маркетинг. Он и сам много думал про ложь, но почему-то теперь не нашелся, что сказать. После некоторого молчания он, наконец, заметил:

– Странные пошли события. Странно развивается вечер. Здесь, в холле гостиницы, я вновь встретил двух человек. Я хотел спросить их прямо и честно... Но почему-то как-то даже совсем забыл про эту тему. Хотя, как я мог про такое забыть!.. О ужас, что со мной происходит?!..

Тем временем, чрезвычайно нарядно одетый молодой журналист продолжал говорить так, словно бы его и не интересовало вовсе, что скажет Не-Маркетинг, словно бы ему, вообще-то, было совершенно все равно, скажет Не-Маркетинг что-нибудь или вовсе ничего не скажет:

– Я приглашаю вас на конференцию. Совсем скоро на моем личном сайте, который я содержу, чтобы поддерживать свой личный брэнд, пройдет большая, можно сказать, бесконечная конференция, информационный диспут, круглосуточная дискуссия, посвященная теме увеличившихся и убыстрившихся информационных потоков. Заходите. Примете участие... Вам есть что сказать, – я это вижу. Я знаю,

что вам есть, что сказать. Но вы совершенно неправы... Но сейчас мы не будем вести об этом речь. Сейчас мы заскочим в номер. Заскочим в один из номеров этой гостиницы. Кое-кто, мне кажется, уже успел туда уйти...

Он повел Не-Маркетинга к лифту.

– Скажите, там будет телевизор? – спросил Не-Макре-тинг, когда они уже зашли в кабину и молодой, чрезвычайно нарядно одетый журналист нажал кнопку одного из этажей.

– Думаю, что да...

– Чертов лифт! – возмутился Не-Маркетинг. – Если это – лифт, то тогда что же такое не-лифт?!.. Это не лифт, а самый настоящий замедлитель времени. Вот-вот по телевизору начнутся новости, причем, практически, по всем каналам одновременно, и тут бы нам добраться поскорее до какого-нибудь телевизора, а мы катим в лифте, ползем еле-еле между этажами!..

Неожиданно он перескочил на другой предмет:

– Я хочу поскорее увидеть тех двоих...

– Не понимаю, о каких двоих вы все время говорите? – заинтересовался чрезвычайно нарядно одетый молодой журналист.

– Это слишком долго объяснять! – отмахнулся Не-Маркетинг.

– Что за странный ход событий! – проговорил он следом. – Как будто я попал в облако странного дурманящего газа, как будто весь мир попал в него и у всех начался самый настоя-

щий бред, весь мир сошел с ума. Там же были эти двое! Я же хотел спросить у них прямо и честно... Кажется сейчас двери откроются...

Двери лифта, действительно, в этот момент распахнулись, и они оказались на гостиничном этаже, который отчего-то был освещен достаточно тускло.

Вскоре они уже шли по коридору, – туда, где в дальнем его конце виднелась наполовину раскрытая дверь гостиничного номера. Из-за двери доносился звук громко работавшего телевизора, – как раз в этот момент действительно шла одна из вечерних программ новостей... Слышались громкие голоса.

Еще через несколько мгновений они зашли в комнату, в которой сидели те самые участники телепередачи, которых до этого Не-Маркетинг уже встречал в фойе гостиницы. Они смотрели телевизор, они прильнули к экрану маленького телевизора, который был в этой комнате. Было ужасно тесно и душно.

– Проходят информации, информации идут, информации идут и идут, а у меня такое ощущение, что что-то радостное и прекрасное вот-вот случится со мной. Что-то радостное и прекрасное должно со дня на день, с часа на час случиться со мной. Я прекрасно понимаю это. Это неизбежно, мне никуда не деться от этого. Да я и не хочу от этого бежать куда-то. К чему бежать? Я и сам хочу, чтобы это радостное и прекрасное как можно скорее случилось, – говорил собравшимся в комнате людям знакомый незнакомец – тот самый человек,

который был невероятно похож на Не-Маркетинга – такого, каким он был, когда был значительно моложе.

Не-Маркетинг тут же принялся очень внимательно смотреть на знакомого незнакомца.

– Вы?! Опять?! Что вы на меня так смотрите? – заметив его, с некоторым испугом в голосе проговорил тот.

– Господи! Как я был молод! Как я был глуп! – воскликнул Не-Маркетинг, а сам, тем временем, протиснулся к телевизору ближе. – У меня тоже были именно такие ощущения: что нечто радостное и прекрасное вот-вот случится, и... Что показывают? – вновь, как и в разговоре с журналистом, он неожиданно перескочил на другую тему. При этом он едва ли не ткнул пальцем в экран телевизора. Кажется, в мгновение ока знакомый незнакомец перестал интересовать его.

– Проходят информации, информации идут, информации идут и идут, – заладил знакомый незнакомец. Впрочем, развитие темы, на которую постоянно рассуждал Не-Маркетинг, в исполнении знакомого незнакомца отличалось от того, каким оно бывало до сих пор у Не-Маркетинга:

– Показывают одну историйку про террористические акты. Какой-то один большой сериал, событие следует за событием и чрезвычайно интересно смотреть. Ощущения! Ощущения следуют за ощущениями! Образы следуют за образами. Образцы для подражания следуют за образцами... Мы чувствуем, что...

Не-Маркетинг не дал ему закончить:

– Вы чувствуете, как время раздваивается, удваивается, как что-то странное, непонятное, такое, чего мы сами себе еще не можем объяснить, проистекает из телевизора?!.. – воскликнул он. И следом проговорил:

– Так и есть! Только так и может быть. Эти случаи давным-давно описаны в специальной литературе. К примеру, так называемый «шведский сериал»...

– Что за шведский сериал? – спросила тут же та самая приемная дочь. – Меня очень интересует эта тема. Ведь я и в Москву приехала именно для съемок на телевидении. Тема телевидения меня очень интересует... Расскажите, пожалуйста, что это за шведский сериал. Я никогда не слышала ни о чем подобном.

Вообще-то, Не-Маркетинга сейчас больше всего интересовала тема знакомого незнакомца и того подростка, который, как ему казалось, был просто копией его, каким он был в подростковом возрасте, но, однако, и тема воздействия телевидения на жизнь человека, тема шведского сериала его тоже крайне интересовала, так что Не-Маркетинг решил объяснить все очень подробно, поскольку он был не уверен, поймут его или нет, он не знал наверняка, возможно ли сейчас, в этот странный вечер, когда все находившиеся в комнате столь устали, когда на каждого человека в этом номере гостиницы обрушились те или иные, прежде непривычные для этого человека обстоятельства, когда в этом номере гостиницы столь тесно и душно, так вот, возможно ли сей-

час объяснить, как может раздваиваться, удваиваться, усиливаться, становиться интересней жизнь, расслаиваться время, когда помимо потоков всевозможных событий возникают потоки информации, посвященные этому событию. Не-Маркетинг решил объяснить все очень подробно, но при этом он боялся, что его объяснение станет очень длинным, что его перестанут слушать, что его не дослушают до конца, он сам не верил в то, что его объяснение произведет в конце-концов какое-то впечатление на слушателей, но, тем не менее, он принялся объяснять:

– Давайте представим следующую картину: Швеция, одна тысяча девятьсот семьдесят третий год. День недели – четверг. В кредитный банк, который располагался в стокгольмском районе Норрмальмсторг, врывается грабитель. И это и есть то самое событие, которое надолго осядет в памяти не только криминалистов, но и людей телевидения. Да, точно, дело началось именно в четверг и ни в какой другой день! В кредитном банке человек, вооруженный скорострельным карабином, потребовал выдать ему все деньги, имеющиеся в кассе. А кто-то из работников банка, как всегда бывает в подобных несчастливых для грабителей случаях, успел нажать на кнопку сигнализации. Стражи закона примчались в мгновение ока: грабитель не только не успел исчезнуть из помещения банка, но и хотя бы одного, самого маленького мешка с вожделенными деньгами в руки не успел взять. Тут уж, после того, как примчалась полиция, грабителю на вы-

бор оставалось не так много разных вариантов, да он и не выбирал особенно, а просто взял восемь банковских служащих в заложники, а полицейским выкрикнул, чтобы они и не думали приближаться к банку, иначе он вмиг перестреляет всех заложников.

Не-Маркетинг окинул взглядом всех, кто находился в тесном гостиничном номере. Никто не говорил ни слова, все внимательно слушали. Такое внимание к рассказу его ободрило, и он продолжил:

– Ровно пять с половиной суток или, иначе, сто тридцать два часа длилась осада банка. Я не могу, да и не хочу рассказывать сейчас и здесь обо всех подробностях, которые так или иначе связаны с этой драматической осадой. Однако, самое главное все же скажу: телестанции, передвижные телестанции работали возле банковского здания непрерывно во все время драматической истории, все сто тридцать два часа и ни минуты меньше, – продолжал рассказывать Не-Маркетинг. – Телевидение постоянно транслировало в эфир все события, что происходили в банковской истории. Причем, масса народа высказывало свое мнение по этим событиям: политики, журналисты, известные актеры и режиссеры, просто люди с улицы – все, все комментировали по телевизору то, что происходило в банке. Причем, и репортажи, и комментарии шли по телевизору с очень большой частотой, по несколько раз в день, так что за ними было очень хорошо и интересно следить. Это был самый настоящий многосерий-

ный фильм. Но только гораздо более интересный, потому что все в нем было непридуманным. Степень драматизма и настоящести была самая предельная – единица. Это было не выдуманно, а было на самом деле... – Не-Маркетинг замолк...

– Эти двое... Я все хочу их спросить прямо и откровенно... – он окинул маленький гостиничный номер и тех, кто в нем находился, странным взглядом и уже был готов сказать что-то, но договорить ему не дали...

– Представьте себе сериал, который не только не вымышлен, а, напротив, появился вопреки желанию публики и, тем не менее, как ни хочет публика, чтобы он прекратился, а он все идет и идет, – словно бы помогая рассказу Не-Маркетинга, обратилась к тем, кто собрался в маленьком гостиничном номере, приемная дочь родственников Маркетинга.

– Перестаньте, прекратите эти ужасные разглагольствования про телевидение. Эта тема для меня невыносима, я ненавижу ее!.. – громко проговорил чрезвычайно нарядно одетый молодой журналист.

– А я люблю телевидение и люблю говорить про него, – не унималась приемная дочь родственников Маркетинга.

– Да, верно, верно! – тут же согласившись с ее предыдущим высказыванием про сериал, который не был вымышлен, воскликнул Не-Маркетинг. – Там появилось много побочных линий, много побочных информационных потоков, в этом сериале, который пронизывал красной нитью все информационно-новостные потоки. Одна из них – про коро-

ля Швеции Густава VI Адольфа, который перенес операцию на желудке и после нее находился в больнице. Как я вам говорил, злодей захватил банк в четверг, а состояние короля ухудшилось ночью с воскресенья на понедельник. Из клиники, где он лежал, пошел еще один очень мощный и напряженный информационный поток, который наложился на информационный поток из банка, где преступник захватил заложников. Атмосфера в умах стала крайне напряженной. А все это происходило во время избирательной кампании. Поэтому ситуация в банке и возможные пути выхода из нее были тем моментом, о котором высказывались все кандидаты в депутаты парламента. И во многом их успех на выборах зависел от того, какую роль они сыграют в этой истории. Кто-то требовал немедленного штурма, чтобы «показать террористу, где раки зимуют», кто-то напротив, предлагал выполнить все условия террориста, а народ смотрел на все это и обалдевал, и запутывался, и сходил с ума еще больше, потому что все люди – немного сумасшедшие. От этого шведского сериала одурели все – и политики, и простые зрители, и террорист, захвативший в банке заложников, и заложники, и полицейские, которые окружили банк плотным кордоном.

– Подождите, подождите, прекратите рассказывать! Тут важное сообщение! Я поймал по радио важное сообщение! – воскликнул один из находившихся в комнате людей. В руках у него был маленький радиоприемничек.

– Я знал, что солнце, если его разогнать в тысячи раз, обя-

зательно упадет на землю! – вдруг, следом за этим первым возгласом, воскликнул подросток, который, как представлялось Не-Маркетингу, был похож на него такого, каким он был, когда был в таком же возрасте. – Слишком большой темп, слишком много информации!

– Да! Вы все про какую-то шведскую историю рассказываете. А по телевизору идут истории ничуть не хуже. И не одна! – сказал мальчишка-беспризорник, показывая рукой на экран небольшого телевизора.

– Новости, новости, сейчас покажут последние новости! – воскликнул тот человек, который сидел ближе всех к телевизору.

– Эти двое... – проговорил Не-Маркетинг. – Я все хочу их спросить...

Но вот наконец долгая заставка новостного выпуска была показана до конца и из телевизора понеслось:

«Экстренный выпуск. Полчаса назад произошел очередной захват заложников. В автобус, который был готов закрыть двери и отъехать от автобусного вокзала, вошел человек и, неожиданно выхватив из сумки взрывное устройство, объявил, что автобус захвачен, а все его пассажиры и водитель объявляются заложниками».

– Сделайте потише! Я же говорил вам: и по радио идут очень важные и интересные сообщения! – воскликнул человек, который до этого говорил про важное радиосообщение. Кажется, это был отец подростка, который, как был уверен

Не-Маркетинг, являлся копией его самого, каким он был, когда находился в том же возрасте.

– Сообщения?!.. Какие сообщения?.. Что за сообщения? – спросили сразу несколько человек из разных углов комнаты.

Отец Не-Маркетинга-подростка ответил, что сообщения касаются совершенно новых и неожиданных подробностей террористических актов, случившихся ранним утром этого дня.

Через телевидение и радио во все это время практически непрерывно на тех, кто был в комнате, обрушивались мощные информационные потоки, связанные только с одним – с самыми свежими террористическими актами.

– Я хочу сказать про информацию... – начал Не-Маркетинг. – Все вокруг переполнено диким количеством информации. Я сам сегодня отправил около двух сотен всевозможных писем по разным адресам И это все практический одновременно, в какой-то ничтожно малый промежуток времени! Образовалась информационная какофония... Мне хочется засорять собой окружающий мир все больше и больше, но в голове какой-то полный информационный сумбур. Я дурею от всего этого!.. Я сейчас уже очень сильно устал. И я думаю, что именно моей усталостью вызван некоторый нынешний сумбур во всех этих информациях. Я устал и потому – слишком много информации!

– Какая связь?!.. Ваша усталость и информации – они никак не связаны!.. – сказал отец подростка.

Не обращая на него внимания, Не-Маркетинг продолжал:

– Усталость – прочь! Прогнав усталость, я смогу восстановить нормальную работу телевидения.

– Нет, стоп!.. – настаивал отец подростка. – При чем здесь нормальная работа телевидения?..

– Я не в состоянии прогнать эту усталость, – проговорил Не-Маркетинг. Он выглядел изнуренным. – И что-то странное из-за нее происходит со всеми этими информациями. И что-то странное происходит со всеми этими событиями. Какая-то непонятная каша, информационное месиво, в котором я теперь нахожусь. Я все хотел кое-кого спросить, но я никак не могу спросить... Черт, видимо, ничего не получится! Не та обстановка!.. И еще эти потоки информации, которые постепенно ослабевают в моей голове.

Отец подростка хмыкнул и повернулся обратно к экрану телевизора. Не-Маркетинг же еще некоторое время побыл в гостиничном номере, а затем, ни с кем не прощаясь, вышел в коридор, дошел до лифта, спустился вниз и минут через десять уже катил в такси домой, в свою маленькую съемную квартирку в районе станции метро «Речной вокзал» – отдыхать.

Придя домой, к себе в квартиру, Не-Маркетинг разделся и лег спать, но сон не шел. Тогда он встал и включил телевизор, лег обратно на кровать, принялся переключать каналы. По одному из них показывали какой-то старый фильм ужасов.

Сюжет фильма заключался в том, что в океане плыла яхта,

на которой путешествовали какие-то богатые люди. В один из моментов в самом начале фильма плывшие на яхте люди увидели в океане шлюпку. Шлюпка была пуста, и единственным, что обнаружили в ней люди с яхты, была лежавшая на скамейке довольно большая кукла. Ее доставили на яхту, где она очень понравилась девочке, – был среди пассажиров и один ребенок. Но затем стали твориться зловещие события: поздним вечером на яхту налетела стая птиц, причем птицы атакывали как раз эту самую куклу, – птицы с клекотом набрасывались на нее и клевали ее, девочка в ужасе плакала, а потом, неожиданно, зрители фильма увидели, что рот куклы окровавлен так, будто она кусала нападавших на нее птиц и перепачкалась в их крови. Потом стали пропадать пассажиры яхты, а девочка замкнулась в себе и все время бегала по яхте, прижав к груди ужасную куклу. Иногда она пряталась от остальных пассажиров и что-то шептала ей...

Тем временем Не-Маркетинг все думал про знакомого незнакомца и про то, что случилось между ним, Не-Маркетингом, и знакомым незнакомцем в холле гостиницы. Теперь Не-Маркетинг был уверен в том, что знакомый незнакомец – это он сам, только гораздо моложе.

Не-Маркетинг подошел к открытому окну и посмотрел вниз: на маленькой площади перед домом стояла масса желтых автомобилей такси, – от желтого цвета рябило в глазах, шашечки прыгали перед глазами, слово «такси», написанное на множестве автомобильных бортов, застревало в голове.

И опять из радиоприемников, которыми были оборудованы прокатные машины, неслась информация об ужасных террористических актах, – новости, свежие новости, передавали свежие ужасные новости!..

В этот момент в съемной квартире Не-Маркетинга раздался телефонный звонок. Оказывается, это чрезвычайно нарядно одетый молодой журналист воспользовался телефонным номером, который он узнал от Маркетинга.

– Только что я смотрел один очень старый фильм ужасов... – пояснил Не-Маркетингу нарядно одетый молодой журналист. – Это все не то! Не тот ужас, не тот подход... Но одно, пожалуй, мне понравилось, одно я считаю в этом просмотре весьма ценным для себя: этот фильм настоящий, он слеплен очень добротнo и очень честно. В нем нормальное зло показано с точки зрения нормальной правды. Нормальной, понимаете вы меня?!.. Нормальной, психически полноценной, а не сумасшедшей правды. Понимаете вы меня?!..

– Понимаю, понимаю... – Не-Маркетинг отчаянно закивал головой. – Вы смотрели старый фильм ужасов про куклу? Про ужасную куклу с окровавленными зубами?

– Да, про куклу! – как-то с напором проговорил нарядно разодетый молодой журналист. – Про куклу! И если бы вы хоть одним глазом посмотрели хотя бы маленький кусочек этого фильма, вы бы не стали бы глупейшим и ужаснейшим образом утверждать, что эта кукла была ужасна. Эта кукла вовсе не была ужасна. Конечно, она не была и прекрасна. Но

ужасной ее тоже никак назвать нельзя!..

Глава IV

Возвращение в счастливую реальность

– ...Странно. Что со мной сегодня было?.. – проговорил человек, который был по-прежнему в измятом коричневом костюме, положив трубку и потирая лоб. – Какой странный вечер был, однако. Нет, все-таки я позволю себе роскошь неверить в то, что со мной произошло. Это мне пригрезилось, померещилось, показалось. Впрочем, вряд ли все это могло мне просто померещиться, – заметил потом человек в измятом коричневом костюме в сильной задумчивости. – Налицо раздвоение, расстроение и даже расчленение моей личности. Но это ерунда и глупость. Такого просто не может быть, хотя... Хотя, почему этого не может быть, если я уже разговариваю сам с собой?

В этот момент в маленькой съемной квартире вновь раздался звонок телефона.

Человек в измятом коричневом костюме взял трубку: никто ничего не говорил, молчание... Он положил трубку обратно на телефонный аппарат.

«Что же все-таки там, в районе Измайловского парка со мной произошло?.. К чему все это было? Что это все было?» – мучался Не-Маркетинг. Само собой, никакого ответа на

все эти вопросы у него не было, и он даже не знал, где можно искать на них ответ.

– Одно можно сказать точно, – проговорил Не-Маркетинг, все еще разговаривая сам с собой. – Я должен вернуться в реальность. И эта реальность обязательно должна быть счастливой. Потому что я, без всяких сомнений, счастливый человек. А всё это неблагополучие, которое сопутствует мне – оно только бред, оно только мне кажется!.. Итак, возвращение в счастливую реальность!

Он хлопнул в ладоши, словно приглашая счастливую реальность войти в комнату.

Вдруг его охватил ужас: как же он мог уйти из Измайловского парка, как же он мог уйти от тех каруселей, что были в детстве?!.. Стоп. Почему вдруг он подумал про карусели? Ведь не катался же он сегодня в Измайловском парке ни на каких каруселях... Да, сегодня не катался. Но в детстве он катался, катался однажды в этом парке на каруселях!.. Именно в этом парке он однажды катался на каруселях.

Не-Маркетинг заметался по комнате. Наверное, сходное ощущение он испытал бы, осознай вдруг, что оказался на вокзале в чужом городе, в чужой стране, без копейки денег, а поезд его – вон уходит, уже виден только последний вагон, и скорость – все больше, больше, и не догнать, никак не догнать!

Но в его положении все было не так плохо, как в случае с поездом. Он мог немедленно вернуться на карусели, в парк.

Метро еще работало. Даже на такси тратиться – и то не придется.

Да, точно, он не может больше оставаться сейчас в этой комнате, когда где-то там остался и продолжает быть и шуметь деревьями Измайловский парк, и там что-то такое происходило с ним, – что, он даже и не понял, но что-то было, что-то очень важное, что-то после чего началось все это – эти знакомые незнакомцы и подростки. Там, в парке, в Измайловском парке была какая-то важная информация, там было что-то, там было какое-то странное ощущение, какой-то намек. Здесь, – он посмотрел по сторонам вокруг себя, на свою самую обыкновенную, самую ординарную московскую комнату, – здесь не было ничего, здесь было лишь четыре стены, тюрьма, которая наглухо скрывала от него любую информацию. Он подскочил к телевизору, судорожно надавил на кнопку, – телевизор не включился (видимо, штепсель был просто выдернут из розетки)...

Он принялся спешно собираться обратно в Измайловский парк.

Да, точно, все дело в информационных потоках. В Измайловском парке был какой-то давний, какой-то забытый информационный поток. В детстве, когда он был на каруселях, в его голову входила какая-то важная информация, какой-то длинный информационный поток, вереница из ноликов и единиц. Освежить ее, эту вереницу из ноликов и единиц, вспомнить можно только на каруселях Измайловского

парка.

Вот он был уже вновь одет. Впрочем, вся процедура одевания заключалась единственно в том, что он опять повязал галстук и накинул пиджак. Больше ничего...

...Он приближался к преддверию Измайловского парка. Непонятно, почему до сих пор он не испытывал дикого страха от того, что ему предстояло выполнить: зайти темной ночью в парк. Здесь, на границе парка и остального города было, действительно, жутко. Фонари, которые тут и там горели у входа в парк, только усиливали атмосферу гибельного мрака, которая исходила от чащи деревьев, раскачавшихся под ударами сильного ветра.

Больше всего Не-Маркетинга в этот момент беспокоило не то, как он войдет в парк, а то, что кто-то может сейчас смотреть на него и думать: интересно, с какой же это целью может этот человек в коричневом костюме и галстуке двигаться в сторону темного ночного парка?!..

Напряжение в голове Не-Маркетинга нарастало. Он подходил к парку все ближе, ближе...

Вот он уже шел по парку. Было пустынно, но совсем не темно, впрочем, он шел по центральной аллее, и здесь было много фонарей. Но уже по сторонам этой центральной аллеи было черным-черно, густые заросли кустарников и ветви деревьев не пускали свет фонарей туда, где заканчивался асфальт.

Напряжение в голове Не-Маркетинга становилось все

сильнее и сильнее. Теперь только один информационный поток входил в него с огромной скоростью, – он состоял уже не из нулей и единиц, а одних лишь жутких единиц страха. Но Не-Маркетинг держался, он понимал, что это только начало, только главная аллея, только совсем недалеко от входа в парк. Он не смог совладать с собой и обернулся: точно так же, как и когда он бежал из глубины парковой чащобы к выходу, теперь, когда он шел от входа в глубину парковой чащобы, позади высился ярко освещенный белый прямоугольник гостиничного корпуса. Там сейчас должны быть приехавшие на съемки телепередачи мальчишка-беспризорник, приемная дочь дальних родственников коллеги, что был сегодня одет в темно-синий пиджак и серые брюки – Маркетинга, там могли быть знакомый незнакомец и подросток, что ел возле станции метро горячую сосиску с булочкой, там могли быть и его родители.

Напряжение, напряжение нарастало, страх врывался в голову Не-Маркетинга мощным потоком, но он, тем не менее, не переставал двигаться вглубь парка. Он был здесь совершенно один. Никого не было ни впереди, ни по сторонам, ни (он обернулся) ни позади него. По крайней мере, он никого не видел. Ужасное лицо, которое он все ожидал увидеть, нигде не обнаруживало себя.

Он достаточно далеко зашел от входа, и вот уже фонари стали светить вокруг него как-то совсем уж тускло, да и стояли они здесь гораздо реже, чем на самой границе парка, – Не-

Маркетинг едва успел отметить это неприятное обстоятельство, как впереди показались пустынные, безлюдные круги каруселей.

Не-Маркетинг остановился. Он понял, что просто не в силах идти дальше. Да что там «не в силах идти дальше». При виде пустынных каруселей его охватил такой панический ужас, что он едва тут же не кинулся наутек. Не-Маркетингу стало ясно, что именно сейчас должно произойти нечто ужасное: весь сегодняшний вечер подводил его именно к тому, что должно произойти именно сейчас. Он медленно, цепenea от страха, обернулся – никого нигде не было видно, фонари, мрачные черные заросли по сторонам, давно уже закрытые кафе-стекляшки, неподвижное чертово колесо (Чёртово!.. Даже колесо здесь было – чёртово!). Подул ветер, и деревья зашумели. Не-Маркетинг все же пошел в сторону каруселей.

Он катался здесь в детстве. Впрочем, на этих ли самых карусельках он катался в детстве, и стояли ли те карусельки его детства именно здесь?.. Он ничего уже не помнил, все стерлось в памяти, это было так давно, и все с тех пор могло перемениться.

Не-Маркетинг вошел в какую-то маленькую калиточку и оказался возле самых каруселей, – небольшая площадка, на которой они располагались, со всех сторон была окружена низеньким заборчиком. Опять подул ветер, и опять зашумели деревья. Окошко маленькой крашеной будки с вывес-

кой «КАССА» было наглухо закрыто фанерным щитком. Не-Маркетинг подошел к каруселям и сел на дощатый помост, над которым застыли разноцветные лошадки. Не-Маркетинг заплакал. Он озирался по сторонам, нелепым образом стесняясь, что кто-нибудь увидит его плачущим, и ревел все сильнее и сильнее. Дул резкий, холодный ветер, совсем не обычный для летней ночи, шумели деревья.

В какой-то момент, размазывая по лицу слезы, Не-Маркетинг выхватил из кармана лист бумаги со страничкой чата, распечатанной из Интернета. Ему было непросто читать, слезы застилали ему глаза, но он попытался разобрать смысл скакавших и расплывавшихся строк...

На страничке было написано:

«Лысый Бобик сказал: Не замечали ли вы по фильмам, да, прежде всего по фильмам, а еще – по музыкальным клипам, что такое, казалось бы, веселое и жизнеутверждающее явление, как карусели, часто возникает там с каким-то достаточно странным, очень печальным смыслом – смыслом разочарования, неудачи, неблагополучия?»

Агнесса отвечает Лысому Бобику: А не пошел бы ты, Лысый Бобик, куда подальше?! Не портил бы ты всему честному народу настроение! Причем тут карусели, неблагополучие, разочарования, неудачи, неблагополучие?»

«Что за бред? – подумал Не-Маркетинг. – Что за Лысый Бобик? Что за Агнесса? Мир сошел с ума? В этом Интернете – одна ахиня. Как можно всерьез публиковать и читать

такое?!»

«Повешусь, обязательно повешусь! – подумал дальше Не-Маркетинг. – А я-то думал, как это все происходит!.. – Вот оно, оказывается, как... Приходит миг и необходимость самоубийства становится совершенно очевидной. Мне сейчас даже не плохо, и не очень плохо. Мне никак, эмоций уже нет никаких. Повеситься, конечно, в таком состоянии обязательно придется. Тут не может быть никаких других вариантов. Обязательно повешусь!» – всерьез додумал Не-Маркетинг.

Сейчас, понял Не-Маркетинг, что-то обязательно произойдет. Впрочем, ему уже было на все наплевать. Он уже не очень-то и боялся. Ему даже было любопытно.

Он вновь принялся осматриваться по сторонам и вновь никого нигде не увидел. Тогда Не-Маркетинг прошел через калиточку и отправился вглубь парка, прочь от каруселей. Опять Не-Маркетингу стало страшно.

За каруселями начиналась темная, дремучая часть парка. Какое-то время Не-Маркетинг двигался во все уменьшающемся свете фонарей, который струился по парку со стороны каруселей. Но вот настал момент, когда свет каруселей оставил его, и вокруг стало совершенно темно. Впрочем нет, на его счастье ночное небо было достаточно ясным: от звезд, от луны тоже было немного светло. Теперь Не-Маркетингу стало уже не просто страшно, а жутко... Вдруг!.. Ох!.. Он замер и чуть не скончался от разрыва сердца: какой-то зверь пулей промчался через чащу метрах в пяти от него. Что это

было? Собака?..

Некоторое время Не-Маркетинг стоял без движения, потом опять двинулся по темной дорожке все дальше, вглубь парка. Он не был уверен, что двигается в правильном направлении, но надеялся в конце-концов набрести на то кафе, где сегодня он оказался запертым в полном одиночестве и где чуть раньше увидел ужасное лицо с глубоко запавшими глазами. Может, это и был самоубийца? Господи, а не он ли сам был там, с другой стороны окна?!

Он находился в ночном парке уже достаточно долго, но, как ни странно, с ним до сих пор ничего не случилось. Хотя, почему «как ни странно»? Не-Маркетинг подумал: ну кому будет нужна идти ночью в Измайловский парк?! Вполне возможно, что сейчас он, Не-Маркетинг – единственная живая душа во всем этом большущем парке. От этой мысли ему стало легче. Раз он – единственная живая душа во всем парке, то и бояться ему нечего. В следующую секунду он понял, что вот теперь-то, именно теперь что-то ужасное и произойдет! В тот самый момент, когда он, наконец-то, успокоился и подумал, что ему ничего не грозит, всё и произойдет. Но разве не для этого он сюда, в парк приехал в поздний час, разве не для того, чтобы что-то случилось? Ведь каким бы ужасным ни было то неведомое что-то, что может произойти с ним в парке, оно даст ему главное, то, что так важно для него теперь, в этот час – ясность. То, что случится, будет информацией, которая ляжет недостающими кирпичиками

в здание, и наконец-то большое целое и главное станет ясным и понятным. Не-Маркетинг смело шагнул вперед.

Но ничего не произошло. Он вышел на какую-то широкую просеку, по которой проходила линия электропередачи, перешел через нее и вновь углубился в темную чащу. Ему было жутко.

Но в следующее мгновение ему стало еще жутче.

– Мне же сейчас невероятно хорошо! Кругом – один непонятный мрак, но кажется, что из этой черной неизвестности в меня входят тысячи всяких информационных потоков, они просто зашифрованы от меня, и шифр мне неизвестен. Но я чувствую, как что-то происходит сейчас, в эту вот самую минуту, секунду, хотя ничего не происходит, но что-то происходит. И я вдруг понял, что это блуждание по ночному парку, где ничего не происходит, но что-то совершенно непонятное, но чрезвычайно важное происходит, это блуждание по ночному парку затягивает меня в некое странное состояние, которое не является жизнью, но гораздо важнее, чем жизнь, потому что в этом состоянии все пропитано некими очень важными информационными потоками, которые врываются в меня в этой темноте, но я опасаюсь, что оступлюсь и с этой черты между странностью и сумасшествием, упаду в явное сумасшествие... Нет, я сейчас не в жизни, но где я?!.. – проговорив все это вслух, а ему очень важно было проговорить все это вслух, Не-Маркетинг посмотрел по сторонам, а потом сказал еще:

– Боюсь, что завтра я не смогу жить нормальной жизнью, потому, что мне станет нехватать этого парка и того, что здесь происходит, вернее, мне станет очень нехватать тех тысяч информационных потоков, которые проносятся здесь сквозь темноту. Информация, информация! Чернота и мрак – они хранят информацию!..

– Ну вот, – прошептал он затем еще. – Теперь, когда я сказал все вслух, теперь точно ничего не произойдет...

Всё это время, проговаривая свои мысли вслух, он большей частью достаточно быстро шел по темной аллее, но тут вдруг остановился, почувствовав, что ужасно устал. Он сошел с аллейки в сторону и прислонился спиной к стволу толстого дерева и затем медленно сполз по нему, оказавшись в конце-концов сидящим на корточках. У него слипались глаза. Ветер как раз в этот момент стих, Не-Маркетинг подумал: с каким наслаждением можно было бы сейчас заснуть!.. Затем его мозг, который отказывался уже работать, действительно окутал легкий туман. Не-Маркетингу казалось, что он не спит, но в какие-то моменты он с ужасом думал: я же сейчас действительно засну, засну в парке, ночью, сидя на корточках под деревом! Он, видимо, на самом деле засыпал и дремал так, сидя по деревом, некоторое время, но все же казалось ему, что он не спит, что это только на секундочку, что он просто на чуть-чуть присел отдохнуть, потому, что умирился, но сейчас он, конечно же, встанет и пойдет дальше...

В конце-концов он очнулся. Сколько времени прошло, по-

ка он сидел под деревом, Не-Маркетинг не знал, но, должно быть, прошло меньше часа. Все тот же мрак, лишь слегка разбавленный светом луны и звезд, окружал его.

Он чувствовал себя отдохнувшим и полным сил, так, словно проспал много часов без перерыва. Не-Маркетинг поднялся с корточек, – странно, но ноги его совсем не затекли. Медленно, точно бы пробуя ногами дорогу, он двинулся дальше по странному, ему самому неведомому маршруту.

Довольно долго он шел между темных чащоб, и вот уже впереди стали видны немногие освещенные окна домов с другой, противоположной от главного входа, стороны парка. Не-Маркетинг остановился: похоже, ему не суждено теперь набрести на то жуткое пустое кафе. В этот момент жуткое кафе было как раз за его спиной, – он просто не различил его черный силуэт на фоне темной парковой чащобы. Прежде чем обернуться, Не-Маркетинг все же постоял, глядя на дальние огни, и потом резко, словно почувствовав чей-то взгляд, обернулся – никого. Перед ним было кафе...

* * *

Не-Маркетинг медленно подошел к кафе и опять резко обернулся, – все же ему казалось, что кто-то наблюдает за ним из укрытия. Но в такой темноте, он, конечно же, никого не разглядел. В этот момент небо как раз закрыло тучами, и свет звезд и луны, который до этого помогал Не-Мар-

кетингу, уже почти не пробивался к земле. Он развернулся и тронул стекло кафе руками, – холодная и слегка влажная, скользкая поверхность. Он попытался различить что-то там, за стеклом, внутри кафе, но чернота за окном была совершенно угольная, Не-Маркетинг не различал даже столика со стульями, который, как он знал наверняка, стоял там, по ту сторону стекла, именно в этом месте.

Затем Не-Маркетинг отошел от кафе и долго смотрел по сторонам, пытаясь увидеть кого-то, кто обязательно должен был таиться теперь в темноте где-то поблизости. Но только мрак был вокруг, и по-прежнему шумели деревья, – как раз вновь усилился ветер. Странно, но он уже начал чувствовать себя в ночном парке довольно сносно, – волны паники и парализующего страха больше не накатывали на него. Некоторое время Не-Маркетинг простоял в раздумьи. Потом он развернулся и не очень решительно принялся обходить кафе, целясь туда, где, как он знал, был черный ход. Если с того момента, как он выскочил отсюда, в кафе больше никто не приходил, дверь черного хода должна быть по-прежнему открыта.

Медленно двигаясь вдоль стены кафе, он один раз чуть не упал, споткнувшись о какую-то палку, лежавшую на земле, – ему даже пришлось схватиться о стену. В другой раз ветка дерева, что росло возле самой стены кафе, расцарапала ему щеку. Впереди явственно угадывались темные очертания двери. Не-Маркетинг подошел к ней совсем близко и

замер, прислушиваясь. Оттуда не доносилось ни звука.

Не-Маркетинг понял, что у него хватит сил отворить дверь и войти внутрь темного кафе, но он медлил. Он опять обернулся, посмотрел по сторонам, некоторое время вглядывался в колыхавшиеся под ударами ветра деревья. Потом опять посмотрел на черневшую дверь. Он не спешил, он не входил, хотя знал, что у него теперь достаточно запасов воли, достаточно решительности и хладнокровия, чтобы оказаться там, внутри, добраться через кухню до зала со столиками, сесть на тот самый стул, на котором он уже сидел сегодня днем, когда увидел то самое ужасное лицо. «Лицо самоубийцы», – как почему-то вновь подумалось ему.

Не-Маркетинг зажмурил глаза. Нарочно долго не открывал их, потом открыл, опять обернулся и посмотрел по сторонам, – ничего вокруг не изменилось. Не-Маркетинг принялся вспоминать подробности фильма ужасов, который он успел посмотреть этим вечером по телевизору: одинокая яхта в океане, шляпка, в которой на сиденье покоится... шляпка. Погоди, погоди, Не-Маркетинг, какая шляпка?! Не шляпка, а кукла! На борт яхты поднимают куклу, которая неизвестно откуда и как оказалась посреди океана. И после этого мрачные и непонятные никому события начинают твориться на борту яхты. Окровавленный рот куклы, хлопающие крыльями птицы, ночь...

Не-Маркетинг вновь обернулся, вновь посмотрел по сторонам: темно, мрачно... Странные события стали твориться

на борту яхты после появления куклы. Не-Маркетингу стало очень страшно. Господи, зачем он отправился в этот идиотский парк?! Что за бред про все эти информации и информационные потоки постоянно лезет к нему в голову?! Не-Маркетинг толкнул дверь кафе и вошел внутрь.

Там, внутри кафе, он двигался на ощупь, постоянно наткался на стены, странно – но он не свалил ничего в темноте, его то и дело охватывала паника, ему казалось, что он заблудился в этом мрачном черном лабиринте, что он беззащитен, что вот-вот будет нане сен удар, но он в который раз брал себя в руки, пытался найти верный путь. Не-Маркетингу казалось, что эта пытка, этот ужас, эта череда состояний, когда он то вот-вот должен был с криком заметаться по черным комнатам, пытаясь немедленно отыскать выход, или когда его охватывало какое-то невероятное, тоже в своем роде жуткое состояние оцепенения, в котором он, как зомби, шарил рукой по стенам, пытаясь выйти в зал кафе, так вот, ему казалось, что пытка в том и заключается, что смена состояний бесконечна, что он так и будет то тупеть, то паниковать, пока, наконец, не умрет, надорвавшись, и упадет замертво на пол этого жуткого кафе. Но все, что ему казалось, никак не влияло на продолжение пытки, и пытка продолжалась, продолжалась, продолжалась...

– А-а-а! Я больше не могу! Боже, вытащи меня отсюда, вытащи! – во весь голос закричал в отчаянии Не-Маркетинг и в эту же секунду он, наконец-то, вышел в зал кафе.

Не-Маркетинг замер, потрясенный собственным криком и неожиданной раз вязкой путешествия по лабиринту. Так он стоял довольно долго. Ничего не происходило: никто не сбегался на его крик, да и кто мог услышать его в темном, глухом углу ночного парка, в кафе, которое давно было закрыто?.. Он мог кричать сколько угодно без всяких последствий.

Тем временем, ветер немного разогнал тучи, закрывавшие небо, и как-то враз зальчик кафе осветился мертвым, призрачным светом. Это было похоже на то, как в театре медленно зажигается свет, освещая сцену.

«Ага, вот, значит, когда случится что-то ужасное!» – догадался Не-Маркетинг. Он опять почувствовал себя уставшим и, отодвинув один из стульев от столика, сел на него. Его охватила страшная сонливость и, не в силах бороться с ней, он задремал. Перед тем, как провалиться в сон, он подумал, что так и не увидит того ужасного, что произойдет, ведь когда все произойдет, он будет спать.

Проснулся Не-Маркетинг так же неожиданно, как и заснул. Сразу он различил где-то в глубине кафе звуки воды, которая текла из крана. Странно, но, кажется, прежде их не было слышно.

– Какая-то чертовщина происходит из-за этих бесконечных информационных потоков, – проговорил Не-Маркетинг вслух, поднялся со стула и подошел к окну. – Кругом – одна ложь, ложь, ложь... Я ожидал чего-то жуткого, какой-то раз-

вязки, но ничего не произошло. Пустота, тишина, чернота, ничего не видно. Никто не нападает на меня. Нигде не видно жуткого маньяка, таинственного злоумышленника, который бы угрожал мне. Что это означает?.. Это означает только то, что время изменилось, решительно изменилось время! – с удовлетворением проговорил он. И сам для себя пояснил:

– Теперь сразу ничего не происходит. Время уже не то, время изменилось. Теперь все чувствуют и знают, что через какое-то время обязательно что-то произойдет, но, тем не менее, очень долго ничего не происходит и происходить не будет. Наступило время не действий, а информационных потоков, работают не мускулы, а мозг, движутся не ноги, а информация. Вся эта ночь очень связана с сегодняшним днем ужасных террористических актов, с этими огромными информационными потоками, которые обрушились сегодня на мою, да и не только на мою, голову. Одно мне только непонятно, одно меня только гложет, – неким непонятным и невероятным образом все эти ночные страхи прочно увязаны в моей голове с моим детством. Как увязаны, какая связь – не понимаю. Может быть, в моей голове после сегодняшних ужасных террористических актов ожили некие детские страхи? Может быть... А может, и это скорее всего – я слишком устал от всех этих кошмаров, слишком переутомился и мне хочется обратно в ясный и светлый, беззаботный мир детства. Помню, что в детстве я тоже несколько раз ходил ночью в лес, – проверял и закалял силу воли. Впрочем, это

было уже не в детстве, а в отрочестве... Тогда тоже, как и сейчас, в моей голове была страшная путаница. И было много лживых мыслей... Стоп! Это очень важно: в детстве я тоже получал информацию. И я не мог с ней справиться. Я не мог отличить правду от лжи, а лжи было очень много. Всю свою жизнь я не мог справиться с этим потоком лжи, который сначала был тоненьким, но и мой мозг был слабеньким, потом мой мозг стал сильнее, но и ложь стала нестись ко мне огромным потоком и разливаться вокруг меня морями. Что же было тогда, в детстве, на карусельках? Неужели тоже вокруг меня была лживая информация?!.. Ну да, точно, была!.. Ведь карусельки – это сплошная ложь. Ведь деревянные лошадки совсем не похожи на лошадок настоящих. Настоящие лошади гораздо больше по размерам, они не бывают красного, желтого и синего цвета, они не разрисованы цветами, и от них пахнет конюшней. Итак, с самого раннего детства я был окружен неправдой. Пусть это и была неправда во спасение, но это была неправда. Все эти катания на карусельках были сплошными потоками лжи, большой и цветистой неправдой.

Не-Маркетинг несколько раз прошелся по темному залу кафе от одной стены до другой. По-прежнему ничего не происходило. Находиться в кафе дольше Не-Маркетингу не хотелось. Но и мысль об обратном пути до двери черного хода через тесные подсобные помещения вызывала в нем дрожь. Все же в конце-концов он решился... Впрочем, на этот раз он, хоть и задевал за какие-то предметы, хоть и шарил рука-

ми по стенам, но прежней пытки уже не было, – испытание оказалось гораздо более легким, чем в первый раз, и довольно скоро Не-Маркетинг оказался на свежем воздухе позади кафе.

Медленно он побрел по ночному парку. Отчего-то ему опять захотелось вызвать из памяти некоторые картины из того фильма ужасов, который он успел посмотреть этим вечером по телевизору, но чувство страха не возникало, как он ни старался.

Тут вдруг его осенило:

– Господи! Да я же, действительно, просто настолько уже устал, что меня уже ничто не может тронуть!.. И весь этот маразм – это тоже от усталости!.. Ощущение, что кругом одна сплошная ложь – тоже от усталости! Надо было просто вовремя сказать себе: утро вечера мудренее, и тогда все встало бы на свои места. А так, от такой усталости – чего только не покажется, чего только не подумаешь!..

Но все же, он сам себе не поверил: он не мог поверить в столь легкий выход, в столь простое разрешение всех своих сомнений, страхов и неблагополучий. Странно, но именно в этот момент, лишь теперь, только теперь он вспомнил, что потерял ключи от сейфа представительства и так и не нашел их, – ведь именно из-за потерянных ключей он во второй раз сегодня оказался в Измайловском парке. А уж за вторым разом последовал и третий.

Быстрым шагом он пошел по парку, при этом он взгляды-

вался в темноту и с нетерпением ожидал, когда между деревьев станет пробиваться свет, что исходил от фонарей над каруселями. Возбуждение его было велико.

«Ложь, ложь, кругом одна лишь ложь, – думал он. – Но странно, – приходило ему в голову. – Как много всего построено на лжи, сколь во многих вещах ложь – нечто вроде крови, без которой это многое умрет в тот же час, как будет эта ложь разгадана. Но ложь, даже самая простая и примитивная, каждый раз оказывается неразгаданной. Точнее не так... Точнее – каждый раз ложь оказывается воров, который не пойман, а значит – не вор. Но почему – не пойман? Потому, что глупость. Глупость идет рука об руку с ложью, и этой глупости так много, что количество глупости переходит в качество, и глупость тогда уже не глупость, а норма. И всему остальному в жизни ничего не остается другого, как жить в условиях всеобщей лжи и глупости, и это не жизнь, а странное состояние шиворот-навыворот, когда совершенно не на что опереться, когда каждый момент можно ждать лишь одного – подвоха и разочарования, но, поразительно, эта непрочная телега из лжи и глупости примерно движется вперед, но только куда? О ужас! Куда она движется?! Кажется, я знаю, куда она движется – к апокалипсису, к концу света».

Впереди показались карусели, которые были ярко освещены фонарями. Не-Маркетинг прибавил шагу. Очень скоро он уже был возле заборчика, за которым лежал городок

аттракционов.

Вот оно – еще одно порождение лжи – карусельки! Странное оцепенение вновь охватило Не-Маркетинга. Он начал припоминать свои детские годы, начал воскрешать в памяти тот день, когда он катался на этих карусельках. А может, карусельки тогда находились совсем не в этом месте?.. Могли он в тот день вообразить, что через много лет случится ночь, когда он будет стоять возле забора в оцепенении и вглядываться в залитый светом городок аттракционов, а вокруг будет темная парковая чащоба и деревья будут размахивать ветвями, и шуметь ветер. О, как хотел бы он вернуться в прошлое, назад в прошлое!.. Как же он мог сегодня потерять связь, не проследить за теми двумя, которые были так похожи на него, но только в другие, гораздо более ранние периоды жизни?!.. В прошлом было что-то важное, что-то значительное, что-то, что было связано с этими вот карусельками. Но что?..

Мысли Не-Маркетинга становились все более плоскими, простыми и какими-то ежедневными: прошлое... Что-то значительное... Детские воспоминания про карусельки... – Разве это мысли?!.. В них уже не было ничего от безумия террористических актов, которые происходили днем. Надо бы было вновь послушать новости, но Не-Маркетинг слишком устал. Ему показалось, что и весь мир наравне с ним на сегодня слишком устал. Ничего не происходило. По-прежнему ничего не происходило. Впрочем, теперь он уже знал: то,

что ничего не происходит – это часть нового времени, новой ситуации, так и должно быть. И не надо обольщаться насчет того, что ничего не происходит. Ничего не происходит не потому, что все в порядке, а потому что индустриальная эпоха закончилась, наступила эпоха информационных технологий, и вместо событий из плоти и железа теперь происходит информация из слов и разрушенных нервных клеток. А это гораздо ужасней и страшней, – события все-таки честны, они происходят, а не прячутся. Им просто трудно спрятаться, они всегда на виду и в них все – правда. Информация же и нервные клетки – это совсем другое, это почти всегда ложь, ложь, ложь!.. Вся информация, все мысли в жизни Не-Маркетинга были сплошной ложью. Всегда, от детства до отрочества, от отрочества до зрелости. Да и сейчас тоже ничего не поймешь, – одна ложь кругом, зыбкая и обманчивая информация, как этот ночной парк, как темное закрытое кафе, в котором ни черта не поймешь. Вот так!.. Медленно Не-Маркетинг побрел к выходу из парка, время от времени оборачиваясь и бросая взгляд на карусельки. День ужасных террористических актов закончился. Не-Маркетинг достаточно нанервничался, напереживался, и наконец-то он почувствовал, что ему пора в маленькую квартирку – просто лечь спать. Опять он почувствовал ужасную усталость, сам не помня себя поймал такси и уснул уже в нем, едва назвав улицу, на которую надо было ехать... Последнее, что он подумал, перед тем, как уснуть, было: апокалипсис... Когда он случится?..

Надо бы выяснить из библии все подробности. Хотя, что это даст?.. Его личный апокалипсис уже, кажется, происходит – он потерял ключи от сейфа представительства. Его личный апокалипсис уже случился... И еще эти страшные террористические акты!

Часть вторая

Фестиваль фильмов ужасов

Глава V

Фабрики по производству информации

Весь предыдущий день и ночь с их побегами в парк были бы невозможны, если бы не особое состояние, подавленное и нервное одновременно, в котором пребывал в последнее время Не-Маркетинг. Кстати, шутливое, но не зло-шутливое, а ласково-шутливое прозвище это, Не-Маркетинг, закрепилось за Николаем (а одновременно за Павлом закрепилось Маркетинг), когда на одном из тренингов, проводимых в их представительстве транснациональной корпорации, они участвовали в какой-то сложной и запутанной бизнес-игре и выбрали себе, совершенно не думая, что они к ним прилипли, такие псевдонимы... Потом один из сотрудников, тоже участвовавших в тренинге, стал и после него называть их в шутку этими псевдонимами, потом это подхватили и другие сотрудники представительства. Так и закрепилось за Николаем и Павлом – Не-Маркетинг и Маркетинг.

Так вот, о состоянии Не-Маркетинга... Крайне неблагоприятная ситуация, в которой он находился и которая и была причиной его нервозности, давила на него в последние дни особенно сильно... Может быть из-за нее он и видел многое несколько преувеличенным и искаженным... Может быть из-за нее ему и казалось через-чур важным то, что на самом деле не только не имело сколь-нибудь серьезного значения, а, напротив, было совершенно второстепенным предметом... Хотя, кто знает, справедливо ли винить те или иные обстоятельства в том, что мы воспринимаем окружающий мир как-то не так?!..

Совсем недавно Не-Маркетинг чудовищно пострадал от одной лживой и жульнической фирмы, которая, получив с него деньги в качестве предоплаты за квартиру, исчезла... Пропавшая сумма была огромна для служащего, пусть и оплачиваемого значительно выше среднего... Это был полный крах!.. Увы, и такими еще бывают реалии современных дней! С большим трудом он, и без того имея серьезный расход на съем квартиры, выделил, скопил эти деньги и вот теперь они пропали и вернуть их не было никакой надежды... А он и без того уже изнемогал от этих съемных квартир, он и без того думал, когда еще ужасное не произошло, что вот, терпение его иссякает и силы его иссякают и в этот-то момент он как раз и подошел к тому, чтобы стать обладателем собственной квартиры и больше не нужно ему много терпения, потому что терпеть осталось по сравнению с тем, сколь-

ко он уже вытерпел, совсем немного... И вот – крах, удар!..

Впрочем, Не-Маркетинг держался, не смотря ни на что, держался! Он старался сохранять оптимизм... Иного бы такие обстоятельства могли просто убить в самом прямом смысле этого слова: какой-нибудь инсульт, инфаркт, – мало ли народу мрет в наши дни в самом расцвете сил и лет!.. Увы, это ведь тоже суровая реалья нашего времени!

Тут как назло, с очередной хозяйкой очередной съемной квартиры назрел очередной кризис – она требовала, чтобы Не-Маркетинг убрался задолго до отмеченного в их договоре срока... Момент переезжать был для него исключительно невыгодный... Хозяйка выдумывала бог знает что, была ужасна, несправедлива, скандалила, звонила ему на работу, угрожала конфисковать вещи... В общем, бред наступил полный. Хотя, что же удивляться: беда поодиночке не ходит и ворота надо раскрывать широко. Впрочем, по сравнению с потерянными деньгами скандал с хозяйкой был мелочью, но именно соломинка, как известно, способна иной раз переломить хребет даже самому выносливому верблюду...

Иного варианта, кроме как снимать квартиру у Не-Маркетинга не было, поскольку в единственной квартире, в которой он имел какие-то основания проживать, жил его отец, с которым он находился в ужасных и чрезвычайно запутанных взаимоотношениях. Поэтому ему казалось более удобным переносить весь этот ужас съемных квартир, нежели жить с отцом.

Квартирное неблагополучие было главным... Но было и еще одно, носившее, так сказать, характер совсем уж общий и в некотором смысле так уж непосредственно и не касающийся лично Не-Маркетинга, но учитывая свойства Не-Маркетинга, вернее, некоторые его склонности – интерес к информации и вовлеченность в мировую политику самым отчаянным образом, так вот, именно это обстоятельство, уже упомянутое в начале первой части – жуткие террористические акты, самым непосредственным образом тоже влияло на все дело. Впрочем, конечно, больше в качестве сопутствующего фона и настроения...

Заметить необходимо, что, конечно, хотя все умом, разумеется, понимали ужасность всего происходящего (теракты), но все-таки происходило оно довольно далеко и точно бы всех и не касалось. Но вот количество происходившего и его черты вдруг как-то подвели всех к тому, что им как-то, вопреки доводам рассудка, что все это слишком далеко, так вот даже им стало не по себе потому что, как метко выразился один сотрудник представительства «Что-то уж больно крутовато!»

Вот в таких обстоятельствах и произошли эти побег в Измайловский парк...

* * *

...Проснулся он с мыслью, что не смотря ни на что, на-

до участвовать в эпохе информационных технологий, и если уж и вбирать в себя ложь, то вбирать ее в себя как можно больше. Тогда, сравнивая разнообразные лжи между собой, устраивая им, так сказать, перекрестный допрос, легче понять, в чем же, на самом деле, заключается истинное положение вещей.

Не-Маркетинг быстренько встал с кровати, умылся, сварил кофе, и тут в голову ему пришла идея, что коль уж он решил вбирать в себя ложь самую разнообразную и в самых больших количествах, то логично было бы приступить к этому немедленно. И тут же он быстро проанализировал каналы, по которым могла бы приходить к нему ложь: телевидение, радио, телефон, слухи, которыми его могли «угостить» большей частью на работе, конечно, всякие там газеты и журналы и, естественно, одно из самых главных – Интернет, электронная почта. Про обычную почту Не-Маркетинг как-то не подумал. В современном мире она уже не могла служить полноценным источником информации.

В этот момент в квартире раздалась телефонная трель. Не-Маркетинг подскочил к телефону: звонил тот самый нарядно одетый молодой журналист, с которым Не-Маркетинг познакомился накануне, во время всех этих происшествий, которые на него навалились.

– Где вы были?! – тон, с которым говорил молодой журналист, был раздраженным. – Появилась масса новых информации, множество новых сообщений, мне хотелось об-

меняться с вами мнениями, но я не мог вас найти. Скажите, о несчастный, смотрите ли вы сейчас телевизор? – спросил он Не-Маркетинга.

– Нет, – ответил тот.

– Тогда немедленно включайте!.. – воскликнул молодой журналист, который накануне вечером был чрезвычайно нарядно одет. – Потoki информации просто-таки турбулентные, они сбиваются в один огромный ураган и этим ураганом людей сбивает с ног. В нашем новостном сериале появилось множество новых серий и сюжетных поворотов, которые вы, дорогой мой, я уверен, проспали. Вчера я выступал против тех, кто слишком увлекается всеми этими информационными потоками. Я могу откорректировать свои слова... Впрочем, совсем немного... Совсем немного откорректировать свои слова в том, что врага надо хорошо знать, чтобы бороться с ним успешней. В то время, как вы там мирно спали, я провел совершенно бессонную ночь...

Договорить молодому журналисту не удалось, потому что Не-Маркетинг повесил трубку. Только недавно он принял решение вбрызгать в себя ложь в самых невероятных количествах, но сейчас не смог вынести даже разговора про то, что в данный момент показывали по телевизору. Он чувствовал себя слишком уставшим, слишком измученным потоками информации. Ему вдруг захотелось отдохнуть.

– Господи, я же сейчас опоздаю на работу! – встрепнулся он. – И я так и не нашел ключи... Потерянные ключи от

сейфа представительства!..

Он поспешил как можно скорее одеться и позавтракать. От этого напряжения, от постоянных взглядов на часы он чрезвычайно устал и в метро по дороге задремал. У входа на станцию он приобрел газету, но так и не развернул ее, – когда?!.. Да и потом, он сам не знал, для чего купил эту газету, ведь всем средствам информации давно уже предпочитал СМИ электронные...

...Итак, он оказался в офисе. Чувство у него при этом было ужасное, – Не-Маркенигу казалось, что сейчас произойдет какая-то невероятная, чудовищная по своей грубости сцена, что на него начнут орать, топтать ногами, но ничего не происходило. Напротив, мимо пробежал Глава представительства и, поймав на себе чрезвычайно затравленный взгляд Не-Маркетинга, кивнул ему головой и приветливо улыбнулся.

Недоумевая, почему Глава представительства не спрашивает его про ключи от сейфа, Не-Маркетинг подряд выпил несколько чашек кофе и потихонечку начал пытаться работать.

– Черт возьми, ты, как всегда, выглядишь свежим и отдохнувшим, – услышал позади себя Не-Маркетинг. Он обернулся и обнаружил, что к нему подошел его коллега в темно синем пиджаке и серых брюках.

– А я вот совершенно разбит! – продолжал говорить человек в темно-синем пиджаке и серых брюках. – Пришел домой

уже поздно, совсем не отдохнул и не выспался. Ты уже познакомился с последними новостями?.. – как бы между делом осведомился он.

– Нет, еще ничего не слышал.

– Посмотри сайт «Интербизнесимиджинг». Вновь началась эта бодяга с заложниками! – проговорил коллега, который сегодня, как и вчера, был одет в темно-синий костюм и серые брюки.

– Да! – Не-Маркетинг судорожно засуетился, запуская на своем компьютере соответствующую программу. – «Интербизнесимиджинг» – это, действительно, стоящий сайт. Все сжато, насыщенно, да и адрес удобный...

– Верно! Адрес удобный!.. – подтвердил коллега Не-Маркетинга в темно-синем пиджаке и серых брюках. – Я люблю, когда адрес – это короткая, простая, легко запоминающаяся аббревиатура.

– Нет, я прекрасно понимаю, что моя любовь к получению многообразной и обильной информации уже перешла все границы и выглядит достаточно смешно, если не странно! – с чувством заговорил Не-Маркетинг. – Но сам я не считаю получение информации ни смешным, ни странным делом! Дело это для меня чрезвычайно, можно даже сказать, жизненно важно. Я не могу оставаться без информации ни минуты! Без информации я тотчас зачахну, засохну, выветрюсь и превращусь в сухую скорлупу без содержания! По крайней мере, именно так я все это ощущаю сам!

Не-Маркетинг жадно прильнул к экрану компьютера и набрал в окошке браузера название сайта, который рекомендовал ему коллега.

– Черт возьми, я так и не сделал этого! – вдруг выругался Не-Маркетинг вслух.

– Что?.. Ты что-то забыл? – удивленно спросил его коллега, который был одет в темно-синий пиджак и серые брюки.

– Вспомнил, что накануне собирался отправлять от себя в окружающий мир как можно больше информационных потоков. Хотел заполнить ими мир. И потом совсем забыл, что собирался это сделать!

Но коллега в темно-синем пиджаке и серых брюках уже не слушал Не-Маркетинга, – увидав, что к его столу, который располагался в противоположном конце зала, подошел начальник одного из отделов представительства, он поспешил на свое рабочее место.

Тем временем к Не-Маркетингу повернулся сотрудник, чей стол стоял наискосок от его.

– Что-что вы говорите?.. – спросил он с любопытством.

– Я говорю, что за сегодняшнее утро я не направил ни одного сообщения из того огромного количества сообщений, которые я планировал разослать своим клиентам сегодня утром. Осознание этого факта меня ужасно расстраивает!..

– Так отправьте же!.. С клиентами надо работать. А заодно посмотрите те сообщения, которые я направил вам. Я

направил вам несколько ссылок на информационные сайты. Там есть очень интересные информации. Помнится, позавчера вы мне говорили, что информация в какой-то момент полностью прекратится. Так вот, она не прекратилась, – последние слова сидевший наискосок сотрудник произнес с язвительной усмешкой. – И судя по всему, не прекратится в ближайшее время. По крайней мере, на это указывают многие косвенные признаки.

Не-Маркетинг прильнул к экрану компьютера и, получив электронные послания, принялся заходить на те сайты, ссылки на которые направил ему этот сотрудник.

К его столу подошел Глава представительства:

– Итак, господин Не-Маркетинг (Глава представительства тоже пользовался этим ласково-шутливым прозвищем), пора приступать к важной работе! Мы уже подошли к самому началу фестиваля.

– Да, она вот-вот начнется, – даже не поняв, о чем идет речь, согласился Не-Маркетинг и посмотрел в сторону. – Впрочем, что начнется?.. Какой еще фестиваль?

Глава представительства продолжал говорить, совершенно его не слушая. Слова Не-Маркетинга, похоже, были ему безразличны:

– Вы должны проконтролировать, как проходит наша рекламная кампания на кинофестивале, который мы спонсируем.

– Должен, значит, проконтролирую, – опять согласился

Не-Маркетинг.

– Да, обязательно проконтролируйте! Этот кинофестиваль для нас очень важен, – проговорил Глава представительства, отходя от стола Не-Маркетинга.

– Совершенно не понимаю, о каком кинофестивале идет речь, – пробормотал Не-Маркетинг, когда Глава отошел от его стола на достаточное расстояние. – Какой-то кинофестиваль...

Тут к его столу опять подошел коллега в темно-синем пиджаке и серых брюках.

– Что, строжит?

– Он ничего не спросил про ключи! Странно!

– Какие ключи?

– Я потерял ключи от сейфа представительства, – мрачным, обреченным тоном раскрыл Не-Маркетинг свою тайну.

– Да это-то я уже знаю, – с усмешкой сказал его коллега, который в этот день был одет в темно-синий пиджак и серые брюки. – Кстати, ты знаешь, где они у тебя вчера вывалились из кармана?

– Где? – громко воскликнул Не-Маркетинг.

– В прокатной машине. В конце дня шофер прокатной машины не поленился, и привез их к нам в офис. Отдал секретарю. А та передала ключи Главе представительства, – улыбаясь рассказал коллега Не-Маркетинга.

– Ах вот как! – поразился неожиданному разрешению истории с потерянными ключами от сейфа представительства

Не-Маркетинг.

– Какой-то кошмар!.. – проговорил он следом. – Сначала я потерял эти ключи, а вот сегодня он подошел ко мне и принялся говорить про какой-то кинофестиваль, о котором я совершенно ничего не знаю. Кажется, я даже имел неосторожность обмолвиться ему об этом. Ну ведь такого же не может быть: чтобы на носу был какой-то кинофестиваль, который мы спонсируем, и про который я, – человек, который непосредственно отвечает за этот вопрос, ничего не знаю!.. Но ведь не мог же и Глава представительства настолько запутаться, чтобы начать рассказывать мне про то, чего на самом деле нет. Странно, опять ложь! Очень странная и непонятная ложь. Очень витиеватая ложь. Какое-то странное чувство охватывает: что-то не в порядке, но вот что?..

– Тише-тише... – озираясь сказал коллега Не-Маркетинга, который был одет в темно-синий пиджак и серые брюки. – Что-то ты уж очень разгорячился!

– Нет, я не просто разгорячился, я очень сильно разгорячился, я ужасно разгорячился, я чувствую, что меня просто медленно убивают, уничтожают, загоняют за ту грань, за которой я совсем скоро сойду на нет, перестану существовать, вымру, испарюсь, скроюсь из глаз, как будто меня и не было. И виной тому – информация! Одна лишь информация виновата в этом. Во всем виноваты определенные комбинации тех или иных информации, проклятых информации. Информация – вот мой враг! Определенная информация, распро-

странению которой содействуют вполне определенные люди, – тут уж Не-Маркетинг говорил очень громко, так что расслышали многие, почти все из тех, кто находился в офисе. За исключением разве что Главы представительства.

В этот момент сотрудник, чей стол стоял наискосок от стола Не-Маркетинга, и который, оказывается, все прекрасно расслышал, проговорил:

– Что ты волнуешься, надо просканировать этот фестиваль, только и всего. Просканируешь, а там будет ясно. Там многое будет ясно... Я думаю, там вообще все будет ясно, – добавил он в конце очень глубокомысленно.

Тут Не-Маркетинг, словно устыдившись того, что произошло, быстро вышел из просторного зала, в котором работали сотрудники представительства.

Оказавшись за дверью, на которой снаружи, со стороны коридора висела табличка с названием их фирмы, Не-Маркетинг медленно дошел до лифта, спустился на первый этаж и через несколько мгновений уже стоял на улице, у подъезда. Через автоматические прозрачные двери, которые даже не успевали закрываться, непрерывно входили и выходили люди, одетые в деловые костюмы – в этом офисном здании, помимо фирмы Не-Маркетинга, располагалось еще множество больших и маленьких конторок.

В этот момент Не-Маркетинг осознал, что информации не только попадают в его голову откуда-то извне, но и его голова, сама по себе, создает то и дело внутри себя какие-то соб-

ственные информации, – его, Не-Маркетинга, собственный, оригинальный продукт. Мыли Не-Маркетинга в этот момент выглядели примерно так:

«– В чем это заключается? То, что голова создает внутри себя свои собственные информации?»

– А вот в чем: вот например, сейчас мне показалось еще более странным, чем до этого, то обстоятельство, что Глава представительства никак не посвятил меня в подробности своего спонсорства некоего кинофестиваля.

– Ну и что же дальше? Что же из того, что не посвятил?

– Как я могу понимать? Как я могу понимать этот внутренний диалог?

– Да как хотите! Как вы хотите, так и понимайте.

– Отлично! Пусть будет так. Глава представительства почему-то не посвятил меня в подробности своего спонсорства кинофестиваля. Всё было сделано в большой тайне от меня. Как вы думаете, что за этим таится?

– Что же за этим таится? Что может за этим таиться?

– За этим таится та информация, что Глава представительства уже не полагается на меня. Точнее, он не хочет на меня полагаться. Он решил меня уволить, – вот какая информация за всем этим таится.

– Какой ужас! Мне остается только дрожать от страха. Посмотрите, как я дрожу от страха от того, что только что получил от вас информацию, что меня уволят. Это, действительно, ужасно. Я, действительно, дрожу от страха.

– Это очень плохо, что дрожишь от страха. От этого дрожания надо бы избавиться. Это дрожание, если оно не прекратится в какой-то очень обозримый, очень короткий срок, может вполне и очень легко тебя доканать. Это большая проблема. От дрожания надо избавиться. Но как избавиться от дрожания, если только что получена информация, что Глава представительства решил от меня избавиться?!...»

Не-Маркетинг отошел от дверей в сторону, – он очень нервничал и хотел успокоиться, ему хотелось уединиться где-нибудь, присутствие людей мешало ему успокаиваться. Но и в стороне от дверей стояло каких-то два человека: они ждали машину, курили, непрерывно разговаривали с кем-то по мобильным телефонам...

* * *

Было еще только начало рабочего дня, но солнце уже припекало. Постояв некоторое время в задумчивости, Не-Маркетинг подошел поближе к двум ожидавшим автомобиль бизнесменам и прислушался, о чем они говорят, – успокоиться никак не получалось, и Не-Маркетинг хотел хотя бы отвлечься от тревоживших его мыслей.

– Потоки информации, генерируемые разными, отнюдь не дружественными друг другу сторонами, все время конкурируют между собой. И мы, представители одной из сторон, должны делать так, чтобы наши потоки информации, то есть

те потоки информации, которые отправляем в мир именно мы, забивали все остальные. Для остальных потоков просто не должно оставаться ни места, ни времени, – говорил один из бизнесменов. – Для этого необходимо наш информационный поток сделать наиболее плотным, для этого необходимо не спать, не прохлаждаться, а непрерывно генерировать и отправлять в мир информацию за информацией. И под информацией я понимаю все – в том числе и поразивший всех сотрудников нашего офиса необычный цвет галстука, который я сегодня впервые одел.

– Да это точно... – соглашался с ним второй бизнесмен. – Как говорил один ученый, информация – это любое различие, которое, в свою очередь, порождает другое различие. И ты правильно делаешь, что понимаешь потоки информации очень широко. Мы все – маленькие фабрики, мы производим информационные продукты. Мы выпускаем в свет информации о себе, о своем подходе к жизни, о том, что считают важным наши фирмы. Мы выпускаем в свет наши персональные и корпоративные сайты... То есть я хотел сказать, настроения...

– Достаточно блевотные, надо сказать, сайты, – громко проговорил Не-Маркетинг, глядя при этом в сторону, противоположную от этих бизнесменов. – Следовательно, и настроения тоже – блевотные. И галстук – идиотский. Совсем не модный. Позорище какое-то, где только такой можно было найти?!

Бизнесмены вздрогнули, посмотрели на Не-Маркетинга, но поскольку тот стоял отвернувшись совсем в другую сторону, ничего не сказали.

Тем временем у Не-Маркетинга в голове роились следующие мысли:

«— Глава представительства решил от меня избавиться. Меня, таким образом, не то, что со дня на день, а с часу на час уволят с работы, и, таким образом, мое финансовое благополучие под большой угрозой. А зарплату я получаю здесь прекрасную. Вряд ли где-то еще мне станут платить столько же. Какой ужас!.. Что же теперь делать?..

— Ничего не поделаешь. Остается только думать, что все это не так, что все это мне просто показалось.

— Но для того, чтобы думать о том, что Глава представительства вовсе не хочет от меня избавиться, необходима некая информация, некий информационный повод, который бы позволял мне думать, что информация о том, что он хочет от меня избавиться — неверная.

— Короче говоря, нужна информация, противоположная той, что получена.

— Да именно, нужна противоположная информация. Без этой противоположной информации успокоиться и придти в норму будет никак не возможно...

— Но никакой противоположной информации не поступало. Даже маленького намека на нее не было. Противоположная информация не поступала ниоткуда извне и не рожда-

лась в моей собственной голове. И от этого у меня тоже что-то нехорошо с сердцем и животом. Да, точно: я заболеваю от того, что не поступает ниоткуда никаких опровергающих информации. Уже достаточно долго ниоткуда не поступает никаких опровергающих информации».

После этого, постояв некоторое время в задумчивости, Не-Маркетинг подошел к одному из двух других ожидавших автомобиля бизнесменов и спросил:

– Простите пожалуйста, вы не знаете, какой сейчас фестиваль проходит в Москве?..

Другой бизнесмен, который в тот момент как раз говорил по телефону, тут же схлопнул свой мобильный аппарат и повернулся к спрашивавшему Не-Маркетингу.

– О, фестиваль!.. Да, конечно, знаю... Нет, не знаю... – тем временем ответил первый бизнесмен, к которому, собственно, и обратился Не-Маркетинг.

– Фестиваль? Странно... Я точно знаю, что сейчас нет никакого фестиваля, – проговорил второй бизнесмен.

– Странно?.. Что странно? – а это уже проговорил Не-Маркетинг. – И вас совершенно не удивил мой вопрос?! – поразился он.

– Фестиваль... Какой же сейчас фестиваль? – судя по выражению лица, мучительно пытаюсь вспомнить, забормотал первый бизнесмен.

– Вас совершенно не удивил мой вопрос?! – вновь спросил Не-Маркетинг на этот раз уже достаточно громко. – Я –

совершенно незнакомый вам человек, подхожу к вам на улице, задаю совершенно идиотский вопрос про фестиваль, и вы готовы тут же отвлечься от всех своих дел и приняться выяснять, какой сейчас в Москве проходит фестиваль?! О, вы, глупцы!.. Да вы ведь даже не знаете фестиваль чего!.. Фестиваль по чему!.. Как же вы можете ответить мне на вопрос, какой сейчас проходит фестиваль!.. До чего же глупы люди!.. Какую же еще информацию, кроме поразительно глупой и бестолковой информации могут отправлять в большом количестве в окружающий мир подобные люди?!..

– Кто вы такой? – спросил Не-Маркетинга второй бизнесмен.

– Информация наползает со всех сторон на фоне полной глупости окружающих меня идиотов, – спокойно сказал Не-Маркетинг. – Кругом одни идиоты!

– Пойдем, нечего слушать всю эту ахинею, – проговорил первый бизнесмен и потянул второго за рукав к краю тротуара, – в этот момент как раз подъехала их машина.

И тут же Не-Маркетинг услышал у себя за спиной:

– Что ты здесь стоишь?

Не-Маркетинг быстро обернулся, – конечно, кто же еще это мог быть?! Перед ним стоял его коллега, который был одет сегодня в темно-синий пиджак и серые брюки.

– Да вот, собираюсь ехать на тот самый кинофестиваль, о котором сказал Глава представительства, – ответил Не-Маркетинг.

– Что же не едешь?.. – ехидно поинтересовался коллега в темно-синем пиджаке и серых брюках.

– Если бы я еще знал, куда мне ехать? Именно в этом и заключается главный вопрос. Мне неизвестно, какой фестиваль спонсирует наша фирма, – мрачно проговорил Не-Маркетинг.

– Что же делать? Нет никакого выхода!.. – опять очень ехидно и даже, похоже, кривляясь, проговорил коллега Не-Маркетинга, который был одет сегодня в темно-синий пиджак и серые брюки. Он положил Не-Маркетингу руку на плечо и попытался увлечь за собой в некую неспешную прогулку вдоль фасада здания, но Не-Маркетинг резко скинул руку товарища со своего плеча.

– Я возвращаюсь обратно в офис, – сказал Не-Маркетинг. – Попытаюсь поискать в Интернете что-нибудь о проходящих в Москве кинофестивалях. Какую-нибудь информацию... Хоть что-нибудь! Нужна же хоть какая-нибудь информация! Без информации никак нельзя, а никакой информации нет.

Не-Маркетинг устало побрел в сторону автоматических дверей. Он чувствовал, что у него все сильнее начинают болеть и живот и сердце...

Итак, он прошел в здание, затем оказался в лифте, поднялся на этаж и дальше он даже, строго говоря, и сам не понял, как он оказался уже во всемирной паутине – в Интернете: он шарил в поисковиках, разыскивая информацию

о тех кинофестивалях, которые проходили в это время в Москве, – в конце-концов должен же был он отыскать там хоть что-нибудь!.. У него устали глаза... Информация, информация, информация – она по-прежнему была краеугольным камнем его существования. И по-прежнему не было ничего опровергающего ту самую плохую информацию о том, что Глава представительства хочет лишить его зарплаты.

Едва он нашел в поисковиках некую информацию о кинофестивале, который проходил в столице в эти дни, как к нему вновь подошел Глава представительства и положил на стол перед ним страничку из блокнота:

– Это у меня в кабинете забыли по-моему вы... Что-то по спонсированию. Какие-то пометки... Не знаю, нужно вам это еще или нет. Если не нужно – выбросите...

Глава представительства ушел. На страничке Не-Маркетинг увидел записанную от руки фамилию и имя человека, а также приписку – «кинофестиваль, офис», дальше шло название кинотеатра. Записано было женской рукой, почерк был Не-Маркетингу не знаком, но страничка была вырвана из фирменного блокнота их представительства и выглядела так, как выглядят листочки, на которых делают пометки во время телефонного разговора... Может быть это записала секретарь Главы?..

Не-Маркетинг торопливо засунул страничку из блокнота в карман своего измятого коричневого пиджака, выключил компьютер и покинул офис.

Глава VI

ФИЛЬМ «АНТОЛОГИЯ НИЩЕТЫ»

Короткая поездка на метро не отняла у него много времени, и очень скоро Не-Маркетинг уже стоял перед входом в один из модных кинотеатров в самом центре Москвы.

«Кинофестиваль фильмов ужасов» – было написано на огромном панно, которое висело рядом со стеклянными дверями. Не-Маркетинг прошел за них. Внутренности популярной киношки были точно такими же, какими Не-Маркетинг запомнил их во время ее последнего посещения. Прежде, примерно полгода тому назад, он уже был здесь, видел и эту блестящую никелем полукруглую барную стойку, которая располагалась в самой середине холла, скользил взглядом по каким-то фотографиям и афишам в нарядных рамках, развешанным тут и там по стенам, рассматривал большой стенд с планом зрительного зала кинотеатра, скучал на одном из стульев, что стояли вдоль стен. С прошлого раза здесь ничего не изменилось. Впрочем, а почему что-то должно было измениться? Ужасные террористические акты, которые произошли накануне, никак не могли воздействовать на интерьер любимого молодежью кинотеатра в центре столицы на другом краю земного шара. И все же Не-Маркетинг пытался различить во внутренних помещениях популярной киношки какие-то перемены, некие знаки, которые могли стать заметными толь-

ко после долгого и внимательного разглядывания. Ему почему-то казалось, что после ужасных террористических актов здесь что-то все же должно было измениться, нечто, какая-то информация должна была появиться после террористических актов и здесь. Некое едва заметное «менем, текел, фарес» должно было появиться на одной из стен.

Не-Маркетинг некоторое время побродил по холлу кинотеатра, рассматривая афиши и фотографии, а затем достал из кармана бумажку, на которой было записано имя человека, с которым он должен был здесь встретиться, – офис фирмы, которая проводила кинофестиваль, который, в свою очередь, спонсировала фирма Не-Маркетинга, располагался в здании кинотеатра.

Не-Маркетинг подошел к охраннику и спросил, где ему найти офис, в котором работает указанный в бумажке человек. Охранник взял из рук Не-Маркетинга бумажку, долго рассматривал ее, потом со словами «Не знаю, ничем не могу вам помочь» возвратил измятую бумажку у Не-Маркетингу.

Некоторое время постояв возле охранника в задумчивости так, что тот даже начал нервничать, Не-Маркетинг медленно пошел в сторону кассы кинотеатра.

Там он купил билет на сеанс, который должен был вот-вот начаться, и через пару минут уже входил в зрительный зал. Он сам не знал, почему он так сделал, – скорее всего, ему просто подсознательно хотелось отвлечься от всего, что происходило в последнее время, а встреча могла немного и

подождать... Впрочем, он даже не собирался сидеть на киносеансе до конца.

Не-Маркетинг торопливо пробрался на свое место в самой середине ряда, сел в кресло, и тотчас свет погас. После короткой рекламной заставки фильм начался.

Пока на экране в тишине медленно разворачивался логотип кинокомпании, которая сняла этот фильм, Не-Маркетинг расслышал голоса парня и девушки, сидевших за его спиной:

– Кажется, это должно быть очень интересно! – проговорил с восторгом парень.

– Все, кто смотрел этот фильм говорят, что здесь классно закрученный сюжет. Просто ни на секунду не дает перевести дыхание, – откликнулась девушка.

– Да-да, точно! – а это уже парень. – Я читал в Интернете рецензию... Рецензию на этот фильм.

– И что пишут в Интернете? – в нетерпении перебила его девушка.

– Как раз то и пишут, что в этом фильме самое главное не игра актеров, не музыка, ни режиссура, а сценарий – бешено, дико, классно закрученный сюжет. Такой сюжет, подобного которому никогда не было и не будет!

В этот момент с силой страшного громового раската раздался один единственный фортепьянный аккорд, и на экране мертвенным фосфоресцирующим зигзагом вспыхнуло название:

«АНТОЛОГИЯ НИЩЕТЫ»

«– При чем тут антология нищеты?! При чем тут вообще нищета, если фильм – фильм ужасов?!

– Да, действительно, странно: информация, которая сокрыта в названии – это информация совершенно противоположная прежней информации об чрезвычайной остросюжетности этого фильма.

– Что-то здесь не так... Вряд ли фильм с названием „Антология нищеты“ может быть остросюжетным. Хотя, чем черт ни шутит: может, это некий оригинальный ход, трюк, и название вовсе ничего не значит, и даже наоборот, значит обратное».

Позади раздалось, – говорил молодой человек из той беседовавшей парочки:

– Вот, точно – это тот самый фильм, рецензию на который я читал. «Антология нищеты» – здесь должен быть чрезвычайно, совершенно невероятный, захватывающий и динамичный сюжет!..

– Да-да, мне тоже об этом говорили, – вторила ему девушка.

Между тем, действие фильма начинало разворачиваться. И делало это чрезвычайно медленно, тупо и скучно. Сначала показали какой-то ужасный бред, потом – вообще полную ерунду, так что совершенно ничего не было понятно. Фильм производил на Не-Маркетинга самое тягостное, самое посредственное, самое идиотское впечатление. В тех

первых эпизодах, которые Не-Маркетинг уже успел посмотреть, речь шла о семье, которая все выходные проводила в увеселительном детском парке, чем-то похожем на «Диснейленд», но не «Диснейленде», причем каждый из членов семьи – и отец, и мать, и их дочка – по-своему парк не любил и совершенно откровенно при других членах семьи ругал его на все корки. Причем понять, почему эта семья, при всем при этом, продолжает упорно проводить в парке выходные дни, не представлялось никакой возможности. Авторы фильма не давали для этого ни малейшего намека. Какие-то невнятные затянутые сцены обычных бытовых разговоров перемежались не менее долгими показами всевозможных видов детского увеселительного парка и недовольными высказываниями о нем всех троих членов семьи. Потом действие фильма перескочило по времени вперед лет, как минимум, на десять.

Подростящая девочка с фанатичным постоянством каждый вечер обходила множество дорогих магазинов в центре города, бродила по улицам, каждый раз надолго останавливаясь перед различными уличными рекламами и рассматривала их. При этом она еще успевала встречаться с неким молодым человеком и, сидя в его компании за столиками дешевых кафе, каждый раз показывала ему фотографии того самого парка, в котором она постоянно проводила время в детстве вместе с родителями. Почему надо было тогда, в детстве, обязательно ходить в парк, а потом, в более зрелом воз-

расте – делиться воспоминаниями о нем со своим кавалером, при том, что парк этот ей так не нравился, было непонятно. Игра актеров была отвратительна и неправдоподобна, операторская работа тоже была ниже всякой критики. Но, тем не менее, Не-Маркетинг упорно продолжал смотреть фильм.

Сзади опять раздался громкий шепот молодого человека:

– Прекрасно! Отличный фильм! Я так и думал, что здесь очень интересный, динамичный и прекрасно проработанный сюжет. Я обожаю подобные остросюжетные фильмы, – восторгался он.

– Да, мне кажется здесь очень ясная и очень динамичная сюжетная линия, – соглашалась с ним громким шепотом его девушка. – Актеры играют отменно, вообще – сюжет такой, что не оторвешься от просмотра! Хочу заметить, что «Антология стадного чувства» – замечательный фильм!

Тут же в голове Не-Маркетинга возникли такие информации:

«– При чем тут „Антология стадного чувства“?!

– Ну да... „Антология стадного чувства“ тут совершенно не при чем. Фильм-то называется „Антология нищеты“!

– И при том, этот фильм – фильм ужасов. Ведь показывается-то он в рамках фестиваля фильмов ужасов!..

– Все правильно: нищета – это ужас. Значит „Антология нищеты“ – это фильм ужасов. Только и про антологию нищеты в нем особенно-то ничего и нет».

– Да, «Антология стадного чувства» – это, действительно,

замечательный, остросюжетный фильм! – согласился, тем временем, с девушкой молодой человек.

– Стоит только включить свет в зале, как все кошмары исчезнут, – раздался откуда-то из первых рядов громкий детский голос.

– Ничего не понимаю... – пробормотал вслух Не-Маркетинг, как вдруг в зале, действительно, начал сначала медленно, постепенно увеличивая яркость, а потом разом, во всю силу – зажегся свет.

Но свет был включен всего несколько кратких мгновений, тотчас он вновь погас. И на экране неожиданно появилась новая заставка киностудии, впрочем, совершенно другая заставка, совершенно другой киностудии, чем появлялась перед «Антологией нищеты», – ту Не-Маркетинг запомнил достаточно хорошо. Затем возникло название фильма: «Антология массового сознания». После этого начали показывать опять какую-то историю про семью из трех человек, которая все свое свободное время проводила в парке... В целом, это была та же самая история, которую Не-Маркетинг уже видел в «Антологии нищеты», которую сидевшая сзади парочка называла «Антологией стадного чувства». Но только в «Антологии массового сознания» играли уже совсем другие актеры, впрочем, не менее бесцветные и бездарные, чем в предыдущем фильме. Скучища в этом новом фильме, – впрочем, почему же вдруг стали неожиданно показывать новый фильм? – была не меньше, а даже больше, чем в преды-

душем, – по крайней мере, это было вдвойне скучно смотреть хотя бы потому, что Не-Маркетинг только-только все это уже один раз просмотрел, – вариации одного и того же занудного и совершенно непонятого действия различались лишь в самых незначительных деталях.

Позади Не-Маркетинга, тем временем, вновь раздался шепот:

– Да, сюжет, действительно, самый что ни на есть исключительный!.. Хорошо, что мы сегодня пошли в кино, – голос принадлежал девушке.

– Роль того, что было, увеличивается, а роль актера снижается. Роль прошлого чрезвычайно увеличивается, во много раз! Черт возьми, история повторяется! История в который раз повторяется.

«– Странно... Странно... Странно! Чей это голос?! Это не голос ее молодого человека. Это голос какого-то взрослого человека.

– Да, точно: мужской голос не был голосом молодого человека. Но кто это сказал? Кто впустил в зрительный зал эту странную информацию».

Не-Маркетинг резко обернулся. Но в темноте, конечно же, разглядеть что-либо было почти невозможно. Тем не менее, Не-Маркетингу показалось, что действительно, рядом с молодым человеком сидит некий мужчина, который пытается записать что-то в блокнот, – кажется, это его страница так явственно белела в темноте.

Не-Маркетинг повернулся обратно, к экрану. Вновь слышался тот же самый голос, только звучал он уже гораздо более громко:

– Роль прошлого чрезвычайно увеличивается, во много раз. Увеличивается также роль режиссера, который может по-своему корректировать так и эдак. Но это же пошлость и ложь, это какой-то странный и дебильный театр марионеток. Но почему же он так реален и навязчив?! Одно и то же повторяется вновь и вновь, и все, словно нарочно, хлопают в ладоши!

Уже не могло быть сомнений, что говорил все это, конечно же, не тот молодой человек, который сидел вместе с девушкой позади Не-Маркетинга.

Не успел Не-Маркетинг об этом подумать, как голос громко заметил:

– Вот это сюжет! Вот это классное действие! Всё разворачивается очень динамично! Здорово!..

Не-Маркетинг подумал, что опять со всех сторон его окружает некая очень странная и очень невероятная ложь. И вот что поражало его больше всего: ничего не происходило, никакого взрыва, никакого события, которое бы показывало, что все же эта ложь угнетает кого-то, давит кому-то на сердце, вызывает в ком-то протест.

Не успел он додумать эту мысль, как случилось событие, которое он еще долго потом переживал и обдумывал...

Во-первых, как раз в этот момент экран неожиданно по-

гас. В зале сперва послышался недовольный ропот, а затем раздалось громкое топание ногами и свист, некоторые начали громко и неприлично ругаться. В такой обстановке прошло, может быть, не более минуты.

А потом, видимо, откуда-то из боковых дверей в зал быстро вошел, и даже не вошел, а вбежал человек. Впрочем, теперь в зале было еще более темно, чем тогда, когда показывали фильм, и Не-Маркетинг мог только догадываться по стуку торопливо ударившихся друг о друга дверных створок и по вдруг раздавшемуся крику, – настолько громкому и пронзительному, что он легко перекрыл топот и ругань возмущенных зрителей, что в зале появился некто...

Некто крикнул:

– Я больше не желаю показывать этот дебильный и лживый фильм! Осточертело! Сил нет больше! Это отвратительно и аморально! Я больше не желаю участвовать в этом! Увольте меня! Киномеханик отказывается работать. Забастовка.

После этого крика в зале воцарилась полная тишина. Никто больше не топал ногами и не свистел.

Вслед за этим опять торопливо стукнули друг о друга створки дверей, так, будто кричавший человек быстро вышел из зала, и затем в зрительном зале зажегся свет.

На сцену перед экраном, опять-таки торопливо вышел некий человек в черном костюме и черном же галстуке, судя по всему – администратор кинотеатра. Он объявил:

– Киномеханик неправильно выполнял свои обязанности. Он по собственной инициативе показывал какую-то странную историю, показывать которую был не должен. На самом же деле, фильм должен был быть показан совсем другой. Сейчас мы вам его и покажем. Фильм называется «Антология массового сознания».

Проговорив это, администратор ушел со сцены.

Свет в зале медленно, постепенно погас. Достаточно долго было совершенно темно, и по-прежнему тихо, – недовольного ропота слышно больше не было.

Но вот начали показывать фильм – опять появились на экране уже виденные Не-Маркетингом заставка киностудии и название фильма «Антология массового сознания». Но потом, действительно, пошел совершенно другой фильм. Это была очень грубая комедия из жизни учеников какого-то американского колледжа, в которой все веселье было построено на невероятно пошлых шутках из тех, что в ходу у подростков переходного возраста. Сюжет был чрезвычайно примитивен и представлял собой небрежную комбинацию нескольких историй, уже неоднократно встречавшихся в классической литературе, да и потом не раз переработанных множеством авторов, – талантливых и так себе.

В общем, сюжет был настолько знаком, понятен и предсказуем, что был уже и не нужен вовсе, и вся история была лишь поводом для того, чтобы дать хоть какой-то повод для набора пошлостей и удалого сквернословия.

Зрителям этот фильм чрезвычайно понравился, – зал то и дело взрывался дружным хохотом, восторженными восклицаниями и совершенно искренними громкими аплодисментами.

Но странно, чем больше Не-Маркетинг смотрел этот фильм, тем сильнее утверждалась в нем ощущение, что самая главная суть фильма, его посыл, его сверхзадача заключаются вовсе не в этом дебильном и временами до мерзости пошлом веселии, а в той неуловимой и загадочной информации, которая неким непостижимым образом была зашифрована, содержалась в странной атмосфере, неуловимой квинтэссенции фильма, который при всем своем идиотизме был скорее похож на реплику очень умного человека, который сознательно для чего-то изображает из себя идиота, прекрасно понимая, что те, кто слушают его, тоже понимают, что он не идиот и ведет себя, как идиот, специально. Фильм был репликой умного, паясничающего шута, который делает вид, что он умственно отсталый, но никак не репликой, произнесенной кем-то, кто на самом деле является умственно отсталым.

«– Странная информация! Невероятная информация! Что за информация таится здесь?!

– А главное – откуда она исходит, эта информация? Каким образом и кем она зашифрована? Зачем?

– Нет, это невероятно! Этого не может быть. Это дебильная ложь и больше ничего», – сталкивались информации в

голове Не-Маркетинга.

Он продолжал смотреть фильм, зал продолжал взрываться от хохота при каждой дегенеративной шутке киногороев, и Не-Маркетинг не уставал поражаться странной двойственности, фальшивости, которая исходила от этого фильма: глупый, он был одновременно чрезвычайно умным...

«— Нечто чрезвычайно умное содержится в этом фильме.

— Нет, это невероятно! Этого не может быть. Это ложь, придурковатая ложь и ничего кроме придурковатой лжи!

— Наоборот, это не ложь. Фильм чрезвычайно умный», — продолжали бороться в голове Не-Маркетинга информации разных направленностей.

В этот момент зал дружно засмеялся, но как раз после того, как смех немного стих, его перебил громкий детский голос:

— Ненавижу эти вонючие фильмы! Кругом одни фильмы!..

Кричавший мальчик вскочил, — он сидел на одном из первых рядов, — потом он повернулся к залу, и Не-Маркетинг узнал в нем того колоритного беспризорника, который приехал в Москву на съемки телепередачи и остановился в гостинице возле Измайловского парка.

— Не может быть, чтобы беспризорник такое говорил. Глупый, жалкий, бездомный беспризорник должен любить такие фильмы. Так что не может быть, чтобы беспризорник такое говорил. Отсюда вывод — этот беспризорник, на самом деле, подсадная утка, — опять Не-Маркетинг услышал позади

комментарии того же самого взрослого мужчины, которого он уже один раз пытался разглядеть в ряду позади себя.

– Нет, это не подсадная утка, – неожиданно для самого себя проговорил Не-Маркетинг, обернувшись. – Я его знаю: он приехал в Москву для съемок телешоу.

– А-а, ну вот: вы сами мои слова и подтвердили, хотя хотели их опровергнуть. Раз он связан с телевидением, значит – точно подсадная утка. Разве вы не знаете ничего про эти шоу?!.. Это же, на самом деле, сплошной обман. Там же все действие только на всевозможных подсадных утках и держится. Нет, раз парнишка с телевидения, значит, этот эпизод – точно какая-то инсценировка, обман, ложь. Кругом одна наглая ложь! Наглая, отвязанная ложь. Что же будет?! Куда мы катимся?! Кошмар!.. – запричитал сидевший позади Не-Маркетинга человек.

– Кругом одна наглая, отвязанная ложь, – как зачарованный повторил за ним Не-Маркетинг.

И тут же в его голове застучало:

«– Что-то слишком много происходит сегодня всяких неординарных событий.

– Ничего странного, – такое случается.

– Скорее всего такой всплеск неординарных событий связан с произошедшими накануне ужасными террористическими актами, – попытался он найти объяснение. – Психика общества перевозбуждена. Массовое сознание просто-таки одурело. Вот и происходит черти-чего!»

В этот момент Не-Маркетинг увидел, что приехавший на съемки телепередачи беспризорник, задевая за ноги сидящих зрителей и то и дело чуть ли не валясь на них, начинает, спиной к сидящим, медленно пробираться к проходу. Несколько мгновений Не-Маркетинг сидел, точно оцепенев, а потом тоже вскочил и, боясь упустить беспризорника из виду, так же спиной к сидевшим зрителям, так же задевая ногами об их ноги и поминутно чуть ли не садясь на них, спешно начал пробираться к выходу.

В конце концов Не-Маркетинг оказался в проходе даже раньше, чем успел выбраться из своего ряда беспризорник. Темнота здесь была такая, что Не-Маркетинг почти ничего не мог различить. Несколько мгновений он стоял, пытаясь все же рассмотреть впереди силуэт беспризорника, но – безуспешно. Еще через несколько мгновений беспризорник наткнулся в полной темноте на Не-Маркетинга.

– Ой! – воскликнул беспризорник. – Извините... Что?!.. Что такое?! Отпустите меня! У меня есть билет. Я купил билет!

Дело в том, что Не-Маркетинг в темноте схватил его за руку.

– Стой! Куда ты?.. – Не-Маркетинг не отпускал руку беспризорника.

– В Америку! В Нью-Йорк, в Вашингтон, в Сан-Франциско, в Лос-Анджелес!.. Пустите!.. – приехавший на съемки телепередачи беспризорник отчаянно вырывался. – Что вам

от меня надо?! Пустите, я свободный человек!.. Я – свободный человек! Отпустите!.. Это не я кричал!.. Меня заставили! Заплатили! Заставили!.. Противники фильмов заставили! А мне фильм очень нравится!..

– Заставили?! Противники фильмов заставили?!.. – потрясенно отпрянул в темноте от беспризорника Не-Маркетинг. – Значит, все-таки подсадная утка?!..

– Так куда же ты так от меня вырывался? Куда ты из зала с самой середины фильма отправился?.. – закричал Не-Маркетинг на беспризорника.

Какой-то человек (кажется, это был сотрудник службы безопасности), оказавшись возле них, молча вытолкал обоих из зала. Не-Маркетинг был так увлечен тем, чтобы беспризорник не сбежал, что едва ли даже посмотрел на этого человека.

– Я же сказал вам, в Америку я собрался, – с некоторым раздражением ответил беспризорник Не-Маркетингу уже за дверями.

Створки дверей за ними закрылись, они были в холле.

– Зачем же тебе в Америку?

– Здешнего нашего мира на самом деле уже нет. Это просто жалкая окраина какого-то другого, большого, яркого и светлого мира. И единственное, что может хоть как-то реабилитировать наш здешний мир в своих собственных глазах – это гибель другого, большого яркого и светлого мира. Здешний мир стал таким, потому что он был глуп. Мир ко-

рявый и пропащий. Что же делать?.. Нет совершенно никакой надежды. Уже точно нет никакой надежды. Ориентиры, система координат теперь одна, но только на этой системе координат мы находимся на разных уровнях. И это очень, чрезвычайно важно!.. Потому что существует эталон, некая норма, планка...

– Постой – постой, что ты говоришь? Я ничего не понимаю!.. Какой эталон? Скажи про эталон... Про него тебе тоже сказали противники фильмов?..

* * *

Все это время: не только нынешний, не только предыдущий, но и вообще все последние дни Не-Маркетинг постоянно терзался, – не дурной ли сон он видит? Может быть, он только спит и все, что происходит с ним, все речи и разговоры, которые он слышит – лишь сон? Причин тому было несколько. Во-первых, он сам про себя в последнее время знал, что он пребывает в нехорошем, болезненном состоянии. Но об этом уже было немного рассказано выше. Во-вторых, – и это здесь было самое главное, самое основное, самое важное, – на Не-Маркетинга невероятно сильно действовали события, что происходили в их офисе и сама тревожная атмосфера, которая в последнее время в офисе воцарилась, некоторая ужасная тайна... Или не было никакой тайны, а был лишь бред?.. Но по порядку! Пришло время рассказать

некоторые вещи по порядку, пояснить, почему еще все так скверно было с Не-Маркетингом... Ведь эти события, обстоятельства влияли на него едва ли не больше, чем его собственное неблагополучие...

В последнее время появилось еще одно ужасное обстоятельство: в их офисе «видели смерть». Закавычено недаром, потому что такой бред, конечно, воспринимать всерьез нельзя. Но тем не менее, он наглядно дает понять насколько странной и неблагополучной была обстановка в представительстве транснациональной корпорации. Дело в том, что возможно это вышло из действительно имевшей место угрозы каких-то там террористов, где-то там, далеко, в другой части света – угрозе нанести удар по этой транснациональной корпорации. Такая угроза действительно была. Но этот удар, если он и планировался, был бы реален где-то там, далеко, в другой части света, а не здесь.

Потом кто-то из сотрудников рассказал – так, между прочим – что вроде бы, незадолго до аварии на подлодке «Курск» один из моряков, служивших на ней, написал домой странную фразу: «по лодке ходит смерть». А потом в офисе заговорили, что один из сотрудников сказал, что видел, как «по зданию ходит смерть».

Тоже дурость, но в качестве поощрения вроде бы должна была состояться поездка на уик-энд всех сотрудников представительства в одну из блестящих европейских столиц и вроде бы какой-то идиот сказал при Главе, который знал ис-

торию про «по зданию ходит смерть», что вот, мол, «сядем в самолет всем представительством, и вместе с самолетом все грохнемся». Вроде бы просто шутка, пусть и неуместная, но вроде бы Глава представительства вспылил и сказал, что раз все такие идиоты и могут всерьез обсуждать такой бред, то он отменяет поездку и никто никуда не поедет, мол, сидите дома, а не ездите по Европам, раз такие суеверные идиоты. Но так же потом говорили, что ничего такого не было, что Глава представительства вспылил, а потом и остыл, и поездка не отменена, а просто немножко перенесена по срокам, потому что приезжает важный гость, точнее гостья... Из главной конторы.

Но тут-то и начался еще один бред, который продолжался до сих пор и который уже не был просто слухом. Доподлинно было известно, что гостью, которую ждали в офисе из главной конторы зовут... мадам С. Вроде такой тонкий намек – мадам Смерть. Мол, в офис едет Смерть. Впрочем, тут же и говорилось, что это Глава представительства, человек желчный, злой, но не без юмора, решил таким образом зло подшутить над своими сотрудниками – мол, это он заявил, что ждет в офис в гости мадам С. Мол, раз вы не серьезные бизнесмены, а суеверные старушки, верящие в смерть с косой и в капюшоне, то и получите! Понервничайте еще... Шутки – штуками, а все так и говорили теперь – мол, ждем мадам С. Впрочем, официально как бы ничего и не было, и никого и не ждали, а говорили только шепотом, как будто ничего и

не было, а только по большому секрету особо посвященные сообщали особо доверенным: едет мадам С.

И все бы это ничего, да упали продажи и стали поговаривать о сокращениях, и Глава представительства ходил чернее тучи и все срывал раздражение на сотрудниках да еще и обстановочка в мире сложилась какая-то уж больно того... тревожная! Теракты за терактами, а биржи и бизнес, а курсы и индексы на такое, как известно, временами реагируют весьма ощутимо, значит – на одной отдельно взятой судьбе одного отдельно взятого представительства одной отдельно взятой транснациональной корпорации это тоже могло отразиться!

Впечатлительные сотрудники, конечно, страдали от всего этого больше других. И первый среди впечатлительных – Не-Маркетинг! Может быть от этого у него и заходил ум за разум... Может быть...

* * *

В этот момент позади Не-Маркетинга раздалось:

– Охранник сказал, что вы меня разыскивали...

Не-Маркетинг резко обернулся... Перед ним стоял достаточно молодой человек, одетый во все черное, – черный костюм, черную рубашку и даже черный галстук, – и внимательно и пытливо смотрел на Не-Маркетинга.

– Я?!.. Вас?!.. – как это часто бывает в подобных случаях,

Не-Маркетинг не сразу понял, в чем заключается дело.

– Нуда... Вы подходили к охраннику и спрашивали, где меня найти. Я... – и тут молодой мужчина в черном назвал то самое имя, которое было написано на бумажке Не-Маркетинга, которую дал ему Глава представительства.

– Ах, да! Извините... – Не-Маркетинг смутился. – Значит, это вы – руководитель той самой фирмы, которая занималась организацией этого кинофестиваля и принимала жертвования от спонсоров.

– Совершенно верно, – молодой мужчина в черном улыбнулся. – Пойдемте ко мне в офис. Там все-таки будет удобнее говорить, чем здесь.

– Да, конечно. Только... – как раз в этот момент Не-Маркетинг вспомнил про беспризорника, от которого его неожиданно отвлек этот человек. Он обернулся:

– Черт возьми! Где же он?!

Не-Маркетинг ошарашено озирался, но беспризорника и след простыл.

– Вы кого-то потеряли? – вежливо осведомился молодой мужчина в черном.

– Только что здесь стоял мальчишка!.. Вы... Он...

– Я не знаю, я смотрел на вас, – упреждая вопрос проговорил молодой мужчина. – Он что-то украл у вас?

– Нет...

– Что-то произошло?

– Это будет вам не очень интересно... – пробормотал

Не-Маркетинг под испытующим, притворно озабоченным взглядом молодого мужчины в черном костюме.

– Что ж, тогда пойдемте ко мне в офис, – с некоторой усталостью в голосе проговорил молодой мужчина. Он повернулся и, жестом пригласив Не-Маркетинга за собой, пошел куда-то в сторону самого дальнего угла холла кинотеатра, – мимо полукруглой барной стойки, мимо афиш и фотографий в красивых рамочках, развешанных на квадратных колоннах.

Следом за молодым мужчиной Не-Маркетинг прошел за узкую металлическую дверь и оказался на тесной лестнице, которая вела куда-то на верхние этажи здания.

Здесь, в неярком свете, который исходил от плафонов, что висели под самым потолком, Не-Маркетинг миновал несколько пролетов узкой лестницы, глядя в спину молодого мужчины в черном. Через точно такую же, как и внизу, узкую металлическую дверь они прошли в коридор одного из верхних этажей, и там молодой мужчина в черном пропустил Не-Маркетинга вперед себя в один из маленьких кабинетов, двери в которые были по обе стороны этого коридора, такого же полутемного, как и та лестница, по которой они только что поднимались, только вот освещался коридор не плафонами, а светильниками, которые были вделаны в пластины подвесного потолка, – больше половины этих светильников не горело.

В кабинете стояли черный канцелярский стол, дорогая мягкая мебель – кожа тоже черного цвета – диван и огромное

кресло и несколько черных же стеллажей, на которых стояли канцелярские папки, подобранные по цветам: один ряд – папки только темно синего цвета, другой – только голубого, третий – красного. Были еще ряды желтые и зеленые. На разных стеллажах стояли одинаковые по цвету ряды папок.

– Присаживайтесь, пожалуйста!

Не-Маркетинг вздрогнул: фраза вывела его из оцепенения, он понял, что уже некоторое время, не обращая никакого внимания на хозяина кабинета, просто стоит и заморожено рассматривает папки. Меж тем, молодой мужчина в черном костюме уже занял свое место за столом и, в свою очередь, испытующе разглядывал Не-Маркетинга.

Не-Маркетинг присел на краешек кожаного дивана.

– Я хотел вас спросить про спонсорство кинофестиваля фильмов ужасов, которое осуществляет наша фирма...

– Ваша фирма? А как называется ваша фирма?

Не-Маркетинг протянул молодому человеку в черной одежде свою визитную карточку.

– Ах вот как!.. Ну что ж, о вашей фирме я, конечно, знаю. Но только из вашей рекламы о ваших грандиозных маркетинговых акциях. Что же касается спонсорства кинофестиваля фильмов ужасов, то я просто не понимаю, о чем идет речь. Вы не осуществляете никакого спонсорства нашего кинофестиваля.

– Постойте... Но вы – ... – и тут Не-Маркетинг назвал имя и фамилию, которые написал ему на бумажке Глава предста-

вительства.

– Да точно. Это я, – подтвердил молодой мужчина в черном.

– Но вы же должны знать Главу нашего представительства! – настаивал Не-Маркетинг. Он был крайне удивлен.

– Уверяю вас, что я не только что Главу представительства вашей фирмы не знаю, но даже ни разу не разговаривал ни с кем из вашей фирмы. Вы – первый! – собеседник Не-Маркетинга тоже был изрядно поражен странным разговором. Не дожидаясь, пока Не-Маркетинг еще чего-нибудь скажет, он продолжал:

– Да, действительно, наша фирма занималась организацией кинофестиваля фильмов ужасов и всеми вопросами, связанными с его финансированием, в том числе, на наш счет поступали деньги спонсоров, но ваша большая и уважаемая фирма никогда не имела к спонсированию этого кинофестиваля никакого, ни малейшего, даже косвенного отношения. Мы не получили от вашей уважаемой фирмы ни цента, ни копейки. Да и как это могло произойти, если между нашими фирмами никогда не было ни одного контакта.

– Как это ни одного кон такта?! Что же я к вам тогда пришел?..

– Да так, ни одного контакта. А зачем вы сюда пришли, это вам видней...

– Это какой-то бред! Послушайте, уважаемый, вы, наверное, что-то путаете. Я совершенно точно знаю, что на-

ша фирма внесла деньги на проведение фестиваля фильмов ужасов.

– По вашему, я что, их украл?!

– Нет, почему, украл? Просто я ничего не понимаю. Происходит что-то странное.

– А я-то здесь при чем?

– То есть как это, при чем? Я – представитель корпорации, мне дали задание встретиться с вами и выяснить, как идут дела, что делается в рамках нашего спонсорства... А вы говорите, что вы с нашей корпорацией никаких дел никогда не имели... Выходит, в нашей корпорации творится какой-то бред. Этого не может быть. Мы – крупная, солидная корпорация...

– Я очень уважаю вашу корпорацию, но вы первый ее представитель, которого я вижу.

– Послушайте, а вы уверены, что вы знаете обо всем, что происходит у вас в фирме?!. Я не знаю, быть может, кто-то вел переговоры с нашей корпорацией и не поставил вас в известность?

– Я – директор! Кто здесь мог вести переговоры?!

– Я не знаю!.. Я, знаете ли, сталкивался по своей работе со многими российскими корпорациями и не в обиду вам будет сказано... Вы только не обижайтесь! Я ничего не утверждаю, я просто пытаюсь понять эту дикую и странную ситуацию... В российских корпорациях иногда происходят совершенно невероятные вещи! Ну что поделывать, если бизнес у нас все-

таки еще молодой... Ну уж, по крайней мере, моложе, чем на Западе!

– То есть вы упорно пытаетесь объяснить мне, что на самом деле я – идиот?..

– Нет, я просто хочу, чтобы вы еще раз проверили... Я уверен: здесь какое-то недоразумение, ошибка.

– И ошибаюсь, конечно, именно я, потому что я – представитель молодого российского бизнеса и обязательно должен ошибаться, а вы – крупная иностранная корпорация, которая пришла меня поучить?!

– Да нет, я так не говорю, просто здесь какая-то ошибка...

– Но почему вы так уверены, что ошибаюсь я, а не вы?!

– Да потому, что мне дал такое задание руководитель нашего представительства! Не мог же он сказать, что мы спонсируем ваш кинофестиваль, хотя на самом деле, это не так!.. Ну войдите же наконец в мое положение!..

– Послушайте, вы что, надо мной издеваетесь что ли?!

– Да нет, я просто уверен, что здесь какая-то ошибка!

– И ошибаюсь, конечно же, я – неразумный представитель молодого российского бизнеса?!..

– Мне кажется, да... – наконец проговорил Не-Маркетинг и обреченно замолчал.

– Да-а, вы, однако, наглый человек!.. – протянул директор фирмы. – Приходите ко мне... Наглый...

– Да нет, просто мне нужно узнать, что сделано в плане спонсорства!.. Мы перевели деньги...

– Это – ложь! Вы не переводили никаких денег!

– Как, ложь?!.. Это не ложь!..

– Это – ложь! Наглая ложь!

– Почему?!

– Да потому, что вы – наглый лжец!.. – тихо, но внятно произнес мужчина в черном костюме. На его лице выступили красные пятна. – Вы, как и все представители этих огромных и наглых фирм – лжец!.. Вы все там, в ваших огромных корпорациях, только и делаете, что лжете, вы нагораживаете одну невероятную ложь на другую! В этом суть всего вашего бизнеса! Как вы смеете отнимать у меня мое драгоценное время своими отвратительными и беспардонными потоками лжи?! Немедленно уходите из этого кабинета, вы, представитель огромной и наглой, лживой корпорации! Знайте, что я не только вас ни капельки не боюсь, но вы должны опасаться меня, потому что моя ненависть готова выплеснуться через край! Так что, пока этого не произошло, уходите из этого кинотеатра и больше никогда здесь не появляйтесь! Я запрещаю вам приходить в этот кинотеатр! Вы – отвратительный и наглый лжец, типичный представитель большой и лживой корпорации! Если вы вместе со своей фирменной корпоративной бизнес-ложью еще раз появитесь в холле или зрительном зале этого кинотеатра – пеняйте на себя! Считайте это моим первым и последним предупреждением. А я слов на ветер не бросаю: вы дорого заплатите за пренебрежение к моим словам, ведь мне уже терять нечего – я смертник!

Молодой мужчина в черном костюме выбрался из-за стола и подойдя к двери открыл ее для Не-Маркетинга.

– Бред какой-то! – проговорил Не-Маркетинг. – Солидный человек и вдруг: терять нечего, смертник! И после этого я должен верить вашим предыдущим словам?!

Он встал из-за стола и недоуменно посмотрел на директора фирмы-организатора.

– Что ж... Вы не верите в серьезность моей угрозы... Она кажется вам неестественной, бредом сумасшедшего... – задумчиво проговорил директор, словно бы сам с собой рассуждая. – В таком случае, надо доказать вам, что угроза серьезна, что какой бы неестественной и выдуманной она на первый взгляд вам ни казалась – она вполне реальна и не считаться с ней – смертельно опасно... Вы приходите в следующий раз в этот кинотеатр, можете даже зайти ко мне в кабинет – вы убедитесь в том, что все это не бред сумасшедшего, что ненависть к таким, как вы, готова в этом мире уже давно перелиться через край и смерть и ужас вам!.. И вы поймете, почему я сказал вам, что я смертник... Поймете, неверующий вы человек, но будет поздно!..

Он показал Не-Маркетингу на открытую дверь... Тот медленно, все еще не веря в реальность того, что происходило с ним, вышел из кабинета в коридор.

Дверь за ним с шумом закрылась.

Не-Маркетинг остановился.

Дверь открылась вновь:

– Помните о моем предупреждении и скорей уходите отсюда! И больше не появляйтесь здесь никогда. Пусть беда все же не произойдет!.. – выкрикнул молодой мужчина в черном костюме.

Не-Маркетинг хотел еще раз сказать директору фирмы про то, что он сумасшедший, но почему-то не решился, – против воли – и это было ему неприятно – он начал его бояться...

Дверь снова захлопнулась.

Словно во сне, медленным шагом Не-Маркетинг вышел на лестницу и, то и дело оборачиваясь и глядя наверх, спустился вниз, в холл кинотеатра.

Там он на мгновение остановился и ничего не видящим взглядом уперся в тускло блестящую барную стойку. Он совершенно ничего не понимал.

Именно в этот момент к нему подошел незнакомый мужчина, которого Не-Маркетинг прежде никогда не видел, и проговорил:

– Как вам фильм?

Не-Маркетинг узнал его голос, – это был голос того самого человека, который во время сеанса сидел где-то позади него.

– Я просто потрясен этим фильмом! – проговорил Не-Маркетинг, еле сдерживая дрожь, которая охватывала его от волнения. – Я до сих пор не в силах осознать, в чьей гениальной голове мог родиться замысел такого необыкновенного фильма. И какой прекрасной должна быть киностудия, на

которой смогли воплотить в жизнь такой восхитительный замысел! И какой замечательной, необыкновенной и волшебной должна быть та единственная и несравненная страна, в которой только и есть такие несравненные киностудии!

Не-Маркетинг сделал паузу, – как он это очень часто делал, когда говорил что-то, будучи в состоянии крайнего нервного возбуждения. И после паузы, словно за это краткое мгновение успев немного восстановить силы, продолжил с еще большей нервной дрожью в голосе:

– Вам может показаться, что я шучу, что это комичная речь, что я на самом деле так не думаю, но правда в том, что я действительно так думаю. Я, действительно, потрясен этим фильмом. Это очень двойственный фильм. Он может показаться дегенеративным на первый взгляд. Но это если только вы не поняли одного... Впрочем, это одно... Оно очень странное и непонятное. И я даже не могу рассказать это словами, но это... Это некий вселенский мудрый, наимудрейший ум, который, без всякого сомнения, породил этот фильм, который, без сомнения, руководил создателями фильма, которому, без всяких сомнений, этот фильм чрезвычайно необходим, и который, я это вижу, сквозит в каждой сцене, в каждом диалоге, в каждом кадре этого фильма!..

Незнакомец всплеснул руками:

– Он возбужден! Он бредит! Он не соображает, что он говорит! Это ужасный, отвратительный, невозможный фильм!.. – проговорил он с явным сожалением и разочаро-

ванием глядя на Не-Маркетинга.

– Да это так... – устало согласился Не-Маркетинг. – Я каюсь... Я действительно брежу наяву... Это ужасный, отвратительный, невозможный фильм.

Не-Маркетинг пошел от него прочь, к дверям кинотеатра и через мгновение оказался на улице.

На улице было достаточно жарко, людно, пыльно, весь переулочек, в котором находился кинотеатр, был забит автомашинами, – пробка начиналась в том месте, где ручеек машин из переулка впадал в реку большой улицы, на которой не было никакого движения – с того места, на котором стоял Не-Маркетинг, эту большую улицу с повисшим над ней маревом выхлопных газов было прекрасно видно.

Не-Маркетинг вспомнил о приехавшем на съемки телепередачи беспризорнике. На всякий случай посмотрел по сторонам, но беспризорника, конечно же, нигде не было.

Глава VII

Ожидаемый визит мадам С

– Ты опытней меня, лучше знаешь язык – все эти аббревиатуры, которыми пользуются иностранцы... Пойдем, поможешь разобраться в одном до жути интересном сообщении, которое я буквально десять минут назад получил по электронной почте. Вернее, получил не десять минут назад, а гораздо раньше: вернулся после нашего разговора на свое рабочее место, сел, а почту-то проверить и не удосужился. А оно уже давно лежало там!.. – заговорил в коридоре коллега Не-Маркетинга, одетый в темно-синий пиджак и серые брюки. – И вот только недавно проверил – и обнаружил!

– Да что за сообщение?! – воскликнул Не-Маркетинг, ничего не понимая. Он только что вышел из лифта на этаж и теперь направлялся в офис.

– В моей почте – расписание прилета мадам С.! – проговорил Маркетинг. – Я не смог в нем точно разобраться, – написано оно по-английски, а я ты знаешь, язык так толком и не выучил, хотя и обещал нашему Главе сделать это еще два года назад. Ну да не за это меня здесь держат! Я надеюсь, ты мне как всегда поможешь разобраться во всех языковых хитросплетениях, и сейчас мы с тобой узнаем точную дату и время, когда мадам С. появится в нашем офисе. Пойдем к моему компьютеру, – он потянул Не-Макретинга за собой.

Оба пошли в зал, к его рабочему месту, к компьютеру, в котором, как он говорил, находилось электронное письмо с расписанием прилета мадам С.

Подойдя к столу, коллега Не-Маркетинга взял в руки мышку и склонился над компьютером. Он запустил почтовую программу и дважды щелкнул по строке со странным названием какого-то письма, – название состояло из набора непонятных значков и перевернутых вверх ногами знаков препинания.

– Ты садись, садись! – похлопал его по плечу Не-Маркетинг.

Его коллега в темно-синем пиджаке и серых брюках сел на свое креслице. Не-Маркетинг продолжал стоять рядом с ним, тоже глядя в экран компьютера. Компьютер, тем временем, как-то замедлился – письмо никак не открывалось, на экране видны были одни лишь «песочные часы».

Прошла минута, другая – ничего! По-прежнему на экране компьютера были лишь маленькие песочные часы.

Наконец, текст письма начал проявляться: сначала показались какие-то его части, а потом оно высветилось полностью. Быстро пробежав по нему глазами, Не-Маркетинг не обнаружил в нем ничего необычного или подозрительного – обычное деловое письмо, скорее даже информационное сообщение, единственная цель которого заключалась в том, чтобы уведомить сотрудников, – разумеется, руководящих сотрудников московского представительства трансна-

циональной корпорации и, прежде всего, его Главу о расписании прилета командированной сотрудницы.

– Ну, и что здесь тебе непонятно? – спросил у своего коллеги Не-Маркетинг.

– Я не могу разобрать всех этих сокращений, – пожаловался тот.

– Ну ладно... – смягчился Не-Маркетинг. – Ну вот смотри: она едет очень сложным и очень петлистым маршрутом, заезжая с многочисленными пересадками с самолета на самолет во многие офисы нашей корпорации по всему миру. Практически, я даже не понимаю, как она может вообще выдержать такой мучительный и сложный маршрут, такое количество перекладных...

– Да, это, действительно, странно... – согласился коллега Не-Маркетинга в темно-синем пиджаке и серых брюках, глядя вместе с Не-Макретингом на длинный список сокращений, обозначающих пункты вылета и прилета, рейсы различных авиакомпаний, – все это вперемешку с датами, часами, минутами. – Как-то она петляет по странам!..

– Давай разберемся, где она сейчас и куда направится в самое ближайшее время, – предложил Не-Маркетинг.

– Итак... – Не-Маркетинг посмотрел на часы и потом – на экран компьютера, на котором было изображено расписание прилета мадам С. – Итак, давай проследим все, начиная со вчерашнего вечера. Вернее, нет: лучше проследим все, начиная со вчерашнего утра. Впрочем, зачем же нам следить,

начиная со вчерашнего утра?

– Да, да! Зачем же нам следить со вчерашнего утра?! – поддакнул коллега Не-Маркетинга, который был одет в темно-синий пиджак и серые брюки.

– Да, верно, – продолжал свои рассуждения Не-Маркетинг. – Посмотрим проще: где она сейчас? Так... Вот...

Не-Маркетинг схватил со стола остро отточенный карандаш своего коллеги и принялся водить им по экрану компьютера.

– Ага, вот! Нашел! Сейчас она в о Франкфурте!.. Промежуточная пересадка. Два часа она проведет в аэропорту. Да, видимо, для нее это будет немного утомительно!.. Такая важная персона – и потеряет два часа просто на ожидание в аэропорту! – продолжал Не-Маркетинг.

– Ничего, переживет: походит по беспошлинным магазинам, посидит в кафе, – заметил его коллега в темно-синем пиджаке.

– Подожди! – вдруг пораженно воскликнул Не-Маркетинг, увидав что-то в тексте письма. – Подожди!.. Как же мы сразу-то не заметили?!

– Что?! Что? – коллега в темно-синем пиджаке и серых брюках встревожился не на шутку.

– Это неоконченное расписание!.. Это расписание каких-то непонятных транзитных перелетов между разными пунктами. Но Москвы здесь нет! – воскликнул Не-Маркетинг.

– Как нет?! – не поверил коллега в темно-синем пиджаке и серых брюках. – Быть этого не может! Я точно знаю, что она вот-вот появится здесь. Да и потом, чего бы они прислали это расписание Главе нашего представительства, если Москвы-то в нем и нет?!

– Но Москвы здесь, тем не менее, нет. Вот, смотри: сейчас она во Франкфурте, потом – Стокгольм, потом – Хельсинки, потом – все обрывается!.. Расписание прилета мадам С. в Москву не завершено!

Вдруг его коллега в темно-синем пиджаке и серых брюках глянул куда-то, встрепнулся, пробормотал:

– Так, все, смотри, Глава представительства идет! Расходимся! Иди, иди на свое место! Поговорим чуть позже.

Не-Маркетинг выпрямился, окинул взглядом офис, действительно увидел приближавшегося к ним Главу представительства и медленно пошел к своему столу, плохо представляя, с чего начать. Дел – масса... Он был не в силах!.. В мыслях – полный разброд!.. Еще его очень интересовали последние новости о террористе, захватившем автобус. Потом – коллега в темно-синем пиджаке и серых брюках так и не рассказал ему о подробностях последних, только что случившихся террористических актов, – очередных в ужасной цепи террористических актов, случившихся в эти дни, – необходимо срочно узнать о них хоть какие-то детали... Думать, как решить историю с фестивалем, и не пытался... Для этого пункта требовалось особое настроение...

Его коллега в темно-синем пиджаке и серых брюках, тем временем, спешно закрывал электронное письмо с неоконченным расписанием прилета мадам С.

Вернувшись на свое рабочее место, Не-Маркетинг запустил программу входа в Интернет, задумался, на какой сайт лучше всего зайти. Тут он вспомнил про интернет-конференцию, о которой говорил ему молодой журналист, одетый накануне чрезвычайно нарядно.

Не-Маркетинг плохо помнил название сайта, на котором проходило, как выразился чрезвычайно нарядно одетый молодой журналист, «раскручивание его личного бренда». Выход был только один, и Не-Маркетинг им воспользовался, – он набрал имя и фамилию молодого журналиста в окошке одного из поисковиков и меньше, чем через минуту его компьютер уже загружался персональным сайтом его нового знакомого.

Название интернет-конференции – «Увеличение и ускорение информационных потоков» – красиво оформленное в виде большого прямоугольного банера, располагалось в самом верху заглавной страницы сайта молодого журналиста.

Не-Маркетинг щелкнул по банеру два раза мышкой и тут же попал на страницу пресс-конференции. Потом, сам не зная зачем, он подвинул мышку, и что-то там на сайте перелистнулось.

– Как же я устал от этой немоты!.. – бросилась в глаза Не-Маркетингу самая первая реплика на открывшейся страни-

це.

Какой немоты? Не-Маркетинг не видел предыдущего текста, – смысл фразы был ему непонятен. Он попытался вернуться на предшествовавшую страницу, чтобы посмотреть, что было написано до этого, но ничего не получилось. Он принялся читать дальше:

– Как же я рад, что информационные потоки теперь бьют со всех сторон, что они кардинально ускорились, что теперь я могу больше не сходить с ума от этой ужасной немоты, что я могу отправлять в мир столько сообщений, сколько захочу!.. – писал тот же самый участник интернет-конференции. – Образно говоря (так мне в моих фантазиях представляется), новая мировая власть, власть информации, своим первым декретом сделала декрет о борьбе с немотой. Можно что-то заявлять, говорить, пусть даже это и не соответствует истине, но не молчать, не молчать и не гложуть от тишины, от того, что ничего не происходит, кроме медленного умирания. Впрочем, разве заметно, как происходит медленное умирание? Нет, оно происходит совсем незаметно. А значит, и медленного умирания не происходит. Вообще ничего не происходит! Только тишина, немота – это ужас!..

Кто же это пишет? – заинтересовался Не-Маркетинг. Но он уже бежал глазами по строчкам дальше...

– Твое счастье, друг mdr, что ты понимаешь это: ужас – это тишина, немота. Гораздо ужаснее боль той скотины, которую мучают, но она при этом не только не знает, за что

ее мучают, но и не понимает даже того, что ее мучают!.. То есть это мучение, эту тупую боль она воспринимает, как естественное состояние, присущее жизни. Но это не жизнь! Ах, почему она так глупа!.. И это все тоже относится к теме постоянно ускоряющихся и усиливающихся информационных потоков... Потому, что глупая, тупая скотина, которая не понимала, что ее мучают, и что боль – это боль, а не естественное, неперемное, неизбежное свойство жизни, теперь попала в совсем новые условия. И теперь она уже...

– Ну вы, Хамы! Я попрошу вас, Хамов (именно так, с большой буквы, по-библейски, возвращая этому слову первородное звучание, я называю вас, потому, что нет в целом мире больших Хамов, чем вы, разнузданные и отвязные и глубоко милые моему сердцу, посетители моего персонального сайта), так вот, я попрошу вас, Хамов, не вводить меня в искус выкинуть ваши подлейшие и нахальнейшие речи с моего сайта вон, и не называть людей, пусть они даже не столь интеллектуальны, как вы, и не столь глубоко могут проникнуть в суть явлений нашей жизни, не называть людей скотиной! Именно для того, чтобы показать вам серьезность моих намерений, я и обрываю вас на полуслове.

Последняя реплика принадлежала молодому журналисту, который накануне был одет чрезвычайно нарядно.

Следующая реплика, опять выступал автор под псевдонимом mdr:

– Вот как?! Вы назвали меня Хамом, хотя я-то никого ско-

тиной не называл!.. Друзья, участники интернет-конференции, которые так же как и я по ошибке подарили свои реплики этому мерзкому сайту и его организатору, я предлагаю вам прекратить дискуссию на этом сайте, уйти с него и продолжить дискуссию уже на моем сайте, который называется очень просто – mdp.

Не-Маркетинг тут же вспомнил, что совсем недавно он по ошибке попал на сайт mdp – это сайт, целиком посвященный одному единственному заболеванию: маниакально-депрессивному психозу.

На рабочем столе Не-Маркетинга в этот момент зазвонил телефон. Нехотя он взял трубку.

Тут случилось нечто непредвиденное, мерзкое и предвещающее совсем недобрые события.

– Вы можете не приезжать сегодня на квартиру! – на другом конце по телефону говорила женщина. У ее голоса был на редкость, невероятно, чрезвычайно сварливый тон. Кто знал ее, знал, что таким тоном она говорила всегда, со всеми и без всяких исключений. Она сдавала Не-Маркетингу квартиру, она жила на его деньги (впрочем, этот пассаж она обыгрывала несколько иначе: Не-Маркетинг снимал у нее квартиру, он жил в ее квартире), одним словом, пассаж уже некоторое время назад перешел в скандал. Не-Маркетинг так устал переезжать, что отчего-то он теперь выносил этот скандал опасно долго, он не подыскивал новую съемную квартиру, новую жадную и скандальную и нечестную хозяй-

ку и не переезжал. Ситуация была крайне неестественная. И опасная... для его имущества, которое в любой момент могло быть выброшено из съемной квартиры или, как выражалась ужасная хозяйка, «конфисковано в счет погашения нанесенного ей ущерба». Имущество, конечно, по большому счету было мелочью – что такое имущество?! Ему ли, Не-Маркетингу ли, так увлеченному мировыми информацией, заботиться о каком-то там «имуществе»!.. Однако...

Услышав этот голос, Не-Маркетинг вздрогнул, на лице его отразились одновременные боль, досада, злость. Неблагополучие ширилось.

– Я вышвырну на лестничную клетку все ваши вещи, все-все, пусть забирают соседи, порву все ваши бумаги, я вижу, тут у вас много документов, имейте ввиду, порву на мелкие клочки! – продолжал ужасный женский голос.

Выражение лица Не-Маркетинга стало еще более угрюмым.

– Вы поняли?!.. Сегодня вы можете не приезжать на квартиру! Я больше не собираюсь терпеть такого неаккуратного и недисциплинированного жильца, который не выполняет всех договоренностей, который... Нет, я больше не могу терпеть даже намека на ваше присутствие здесь и тотчас вышвырну все ваши вещи на лестничную клетку! Слышите?! Вышвырну! Вышвырну все вещи!..

Недослушав, – из трубки продолжали нестись уже привычные ему угрозы, – Не-Маркетинг бросил ее.

Несколько мгновений он просидел в оцепенении. Вид у него был чрезвычайно подавленный...

He-Маркетинг вышел в коридор, зашел в туалет, открыл кран, побрызгал лицо водой, пригладил мокрой рукой волосы, закрыл кран, вышел из туалета... И тут он увидел *ее*: медленной, плывущей походкой она входила в лифт, она была в каком-то платье из газа...

В дальнем углу офиса, у экрана компьютера стояли чрезвычайно возбужденные люди.

– Заложник... Террор... – расслышал уже издали He-Маркетинг, подходя к ним.

Вот он уже стоит рядом с ними и через плечо коллеги в темно-синем пиджаке и серых брюках заглядывает в экран компьютера. Строчки информационных сообщений крупнейших новостных агентств прыгают у He-Маркетинга перед глазами. Смысл их заключается в следующем: во-первых, за рубежом произошел очередной террористический акт, во-вторых, продолжение вчерашней истории с захватом заложников в автобусе – террорист что-то задумал, но его план действий становится для всех наблюдателей, а главное – для спецслужб крайне загадочным. Что он задумал?! Прежде он выдвигал несколько вполне объяснимых с точки зрения логики террориста требований: вертолет, деньги. Потом он вдруг снял все прежние требования и велел, чтобы ему передали репертуар кинотеатров, располагающихся поблизости от места, на котором стоял теперь захваченный им

автобус с заложниками. Что бы это могло означать?

– Кинотеатры!.. – задумчиво произнес коллега в темно-синем пиджаке и повернулся к Не-Маркетингу:

– Ты ведь, кажется, сегодня был в кинотеатре. Что там у нас с кинотеатрами?

Все коллеги тоже повернулись к Не-Маркетингу.

– В каком смысле?.. – переспросил Не-Макретинг.

– Ну ты же знаешь ситуацию в кинотеатрах!.. – в голосе коллеги в темно-синем пиджаке зазвучало непонятное раздражение. – Ты же был сегодня на кинофестивале фильмов ужасов. Ты же знаешь, что может привлекать подобных личностей в кинотеатрах.

Неожиданно к ним подбежал человек: опять, при том, что не успело пройти со времени потрясших всех террористических актов и одних полных суток, и потом был ещё один масштабный террористический акт – и вот, не успели они отвернуться от экрана компьютера, как уже опять – новый, еще более кровавый террористический акт – о нем с пометкой срочно сообщили по радио!..

– Что?! Что там произошло?! – настаивал, тем временем, один из сотрудников представительства. – Гляньте же немедленно где-нибудь в Интернете!.. Какие подробности?! – волновался он.

Тот человек, который сидел за компьютером, принялся торопливо набирать адреса каких-то сайтов, но каждый раз он, видимо из-за нервного напряжения, ошибался, путал

буквы, и странички либо не загружались, либо открывались совсем не те, что были нужны.

В этот момент за спинами у склонившихся к компьютеру сотрудников представительства раздался голос Главы:

– Может быть, наконец, вы перестанете интересоваться только новостями и заинтересуетесь еще и работой?! Я понимаю, новости – это важно. Но ведь вы находитесь здесь для того, чтобы работать, не так ли?!

* * *

Вздрогнувшие от окрика сотрудники представительства тут же поспешили занять свои рабочие места. Тот сотрудник, на чьем компьютере они только что смотрели новости из Интернета, тут же закрыл их и открыл какой-то документ, – то ли счет, то ли коммерческое предложение, – Не-Маркетинг не разглядел. Он по-прежнему стоял возле этого стола, – в отличие от других сотрудников, не кинулся тут же к своему рабочему месту.

Не-Маркетинг повернулся вполоборота. Теперь он стоял лицом к Главе представительства.

– Интенсивность воздействия значительно увеличилась, – проговорил Не-Маркетинг.

– Какая интенсивность? – обалдело спросил Глава представительства.

– Что случилось? На вас лица нет!.. – добавил он.

– Эти террористические акты, точнее, их очередное возвращение, очередное пришествие этого кошмара, очередное за такой короткий промежуток времени – это уже ставит всю жизнь просто с ног на голову. Дело уже не в самих информациях, а в интенсивности информации... В интенсивности и порядке чередования информационных потоков. Такой порядок чередования и такая интенсивность делают нервное напряжение таким невероятным, что вся жизнь становится совершенно ненатуральной и лживой. Натуральная жизнь, исполненная правды, не может быть проникнута таким невероятным нервным напряжением... Всё это как-то ненатурально выглядит. Я воспринимаю эти сообщения о террористических актах как очередной выверт в дикой пляске чудовищной лжи. Что-то здесь не так: либо сообщения о террористических актах лживы, либо кругом таится одна лишь ложь, которая может порождать только такие ужасные события именно с такой невероятной, неправдоподобной интенсивностью. Все это как-то ненатурально. Куда же деваться от этой ненатуральности?.. Извините, я, кажется, заболтался... Мне надо идти работать...

– Эй, кто-нибудь, воды! – успел выкрикнуть Глава представительства.

Когда уже кто-то успел подхватить и усадить неожиданно ослабевшего Не-Маркетинга на стул и на него побрызгали водой и все, в том числе Глава представительства, успели поразиться чрезвычайной впечатлительности Не-Маркетин-

га и тому, насколько он близко к сердцу воспринял последние теракты (впрочем, все не особенно этому и удивились, потому что у всех на памяти был недавний случай со слезами, истерикой и самой настоящей «скорой помощью», когда в середине рабочего дня стало известно о террористическом взрыве в центре города, а одна сотрудница была уверена, что ее возлюбленный как раз в этот момент был в этой части города и телефон его перестал отвечать), так вот, Глава представительства, чтобы все не расслаблялись, – и даже это было немного жестоко, и все потом пеняли ему за это, Не-Маркетингу все-таки только что было плохо, – он сказал, обращаясь, конечно, к пришедшему в себя Не-Маркетингу, но и всех остальных, кто был рядом, конечно же, имея в виду:

– События происходят крайне ужасные и крайне серьезные. Но это, тем не менее, не означает, что нам можно больше не работать. Наоборот, в той неустойчивой экономической ситуации, которая теперь, я уверен, обязательно наступит, нам нужно будет работать гораздо интенсивнее. От нас понадобится гораздо более серьезная работоспособность, чем это было прежде. Мы должны ускорить и интенсифицировать нашу работу во много раз, иначе нашей фирме не выжить. И это касается и вас, – на этих словах Глава представительства повысил голос.

Он глянул на Не-Маркетинга, но все подумали, что он имеет ввиду вообще всех: «вас, сотрудников».

– Я бы сказал, это особенно касается вас, – продолжал

он. – Сейчас, в нынешней ситуации, когда все в мире столь неблагоприятно, от таких сотрудников, как вы, в первую очередь зависит, сможет ли наша фирма выйти из испытания. Именно с вами связаны мои основные надежды. Тем более, что и со мной, с этой фирмой, уверен, связаны и ваши личные надежды. Наша фирма не скупится и платит за труд достойно! Тем более теперь, когда экономическая ситуация становится все неблагоприятнее и неблагоприятнее...

– Спасибо, спасибо... – пробормотал Не-Маркетинг. – Я хотел проконсультироваться по одному вопросу, узнать ваше мнение. Я был сегодня в фирме, – Не-Маркетинг достал из кармана пиджака бумажку, на которой рукой секретаря Главы представительства было написано имя молодого мужчины, – того, что был одет во все черное. – Встречался с этим человеком... То, что он мне сказал... Я, конечно, понимаю – он лжет, но я не могу понять, зачем он это делает...

– Что такое?!.. – Глава представительства заговорил с Не-Маркетингом не скрывая раздражения. – Кто лжет?! Чего не можете понять?.. Мы платим, чтобы вы разобрались, решили проблемы и доложили нам... Если мне придется разбираться, а потом еще и вам объяснять, зачем вы мне нужны?!..

– Да, вы, конечно, правы... Я во всем разберусь сам и напишу отчет...

– Ну ладно, ладно! – смягчился Глава представительства. – Что за консультацию вы хотели получить?

– Дело в том, что они сказали, что не только не получали

от нас никаких денег, но и вообще не имели когда-либо каких-нибудь контактов с нашей корпорацией.

– Что за ерунда?!.. Кто вам это сказал? Может быть этот человек недавно там работает? Быть может просто не в курсе?.. Вы говорили с... – и тут Глава представительства назвал имя и фамилию, записанные на листке бумаги, который он передал Не-Маркетингу. – Мы имеем дело с ним... Он там главный!..

– Послушайте... У меня такое чувство, что никакого спонсирования кинофестиваля не было!.. Что вы сами что-то забыли... – злость, помимо воли охватывала Не-Маркетинга. – Может быть была какая-то идея, но так идеей и осталась!.. Вы уверены в том, вы говорите?!..

– Вы вообще, как?!.. – спокойно проговорил Глава. – Отдаете себе отчет, что говорите?!.. Послушайте, это какой-то маразм!.. – вскричал Глава представительства, окончательно выйдя из себя. – Если вы не выполните срочно этого задания, вы перестанете у нас работать! Как бы хорошо до этого не работали! – п робормотал Глава представительства. – В последнее время вы слишком увлекаетесь Интернетом, событиями в мире и всем таким прочим... В рабочее время надо заниматься работой!..

– Да, конечно!..

– Поезжайте туда, где проходит кинофестиваль и встретитесь с человеком, имя которого было в бумажке. Поговорите с ним. Вы должны проконтролировать, какую рекламу они

дали нам на фестивале...

– Я же вам сказал, я был там! Я только что оттуда!.. Этот человек сказал: он вообще ни разу с нашей фирмой не общался...

– Послушайте, Не-Маркетинг, – спокойно сказал Глава представительства. – Мы внесли на их счет одну из самых крупных сумм, и они обязаны сделать нам самую широкую рекламу. Пункт о широкой рекламе стоит в нашем спонсорском договоре. Если они говорят, что не имели никаких контактов, надо обращаться в суд... Я не знаю... В полицию!.. Этого не может быть!.. Этот человек так сказать вам не может. Здесь что-то не так, какое-то непонимание, недоразумение... Поезжайте туда и выясните...

– Да вы не представляете, что он нес!.. Что он смертник, что пожалею, если приду к нему еще раз, что это большие корпорации во всем виноваты...

Глава представительства расхохотался:

– Да он был просто пьян, Не-Маркетинг!.. Уж вы-то, как русский человек, должны хорошо знать нравы ваших соотечественников!..

– Он был абсолютно трезв. От него не пахло вином...

– Поезжайте к нему еще раз. Протрезвев он вам все расскажет...

– Да он не был пьян!..

– Значит, по ошибке вы встретились не с тем человеком, с которым я велел вам встретиться, – Глава представительства

опять начал раздражаться.

– Вы мне не говорили встретиться ни с каким человеком!.. Вы просто сказали мне проконтролировать, как проходит реклама!..

– Какая разница, велел я вам встретиться именно с ним или нет?!.. Все дела с нами ведет именно он. И никто кроме него с вами там такие вопросы обсуждать не стал бы!.. Во всех случаях, говорил я вам это или нет, я же не запоминаю дословно, что я вам говорил... Но вы-то встретились именно с ним!..

Не-Маркетинг почувствовал боль в сердце.

– Вы же только что сказали, что я с ним не встречался!..

– Покажите мне его визитную карточку. Вы должны были обменяться с ним визитными карточками! – с раздражением воскликнул Глава представительства.

– Я не обменивался с ним визитными карточками.

– Так откуда же у вас такая уверенность, что вы встретились именно с тем человеком, с которым я вам велел встретиться?!

– Но не может же такого быть, чтобы кто-то выдавал себя за этого человека! Это же полная чушь и бессмыслица! Зачем кому-то выдавать себя за него?! С какой целью?! Даже если я и не обменялся с ним визитными карточками... Мы же серьезные бизнесмены и нелепо даже думать, что кто-то из нас может играть в такие идиотские игры! – на этот раз Не-Маркетинг, сам того не заметив, перешел в разговор с

Главой представительства на повышенный тон.

– Какая ерунда! – Глава представительства скривил лицо. – Вы меня разочаровываете... Какой смысл в вашем присутствии в нашем представительстве, если вы не понимаете элементарных вещей!.. Спонсорский договор вам должен был передать ваш коллега... – тут Глава представительства назвал имя коллеги Не-Маркетинга, который был одет в темно-синий пиджак и серые брюки. – Я передал ему этот договор для вас. Поезжайте опять в фирму и во всем разберитесь...

– Послушайте, я...

Глава представительства обернулся и ледяным тоном сказал:

– Вы плохо меня поняли?... Я же сказал – если вы не выполните этого задания, вы будете уволены. Вы же знаете, мы ждем важную представительницу главной конторы... Среди прочих материалов понадобится отчет о спонсировании кинофестиваля. Это не шутки... Если у этого человека и дальше будет продолжаться запой, срочно поставьте меня в известность... Будем что-то решать...

Больше не глядя на Не-Маркетинга, Глава представительства пошел в свой кабинет.

Еще некоторое время постояв у этого чужого стола, Не-Маркетинг отправился на свое рабочее место.

Сев за стол, он некоторое время провел в оцепенении, не включая компьютер. Чувствовал себя Не-Маркетинг очень

плохо: болело сердце, мысли окончательно перепутались. Перед глазами почему-то все время вставал... Нет-нет, не Глава представительства, – молодой мужчина, одетый во все черное, с которым он встретился в кинотеатре.

«– Да, а спонсорский договор?! Глава представительства сказал, что его мне должен передать... – проносились информации в голове Не-Маркетинга.

– Он ничего не передал! Он не передал никакого спонсорского договора, хотя он знал, что я прямо сейчас занимаюсь этим делом и для меня крайне важно иметь этот спонсорский договор. Очередная загадка. Почему он ничего не передал? Уверен: стоит сейчас подойти к этому и попросить: дай мне договор, который тебе передал для меня Глава представительства – и он ничего не даст. Кого я видел в коридоре? Что я увидел в коридоре?!».

Не-Маркетинга встал из-за стола и направился туда, где сидел его коллега, который был одет сегодня в темно-синий пиджак и серые брюки.

– Послушай, у тебя должен быть договор на спонсирование кинофестиваля фильмов ужасов, который тебе передал для меня Глава...

– У меня нет никакого договора... Глава мне ничего для тебя не передавал.

Не-Маркетинг вздрогнул и некоторое время просто молча в упор смотрел на коллегу в темно-синем пиджаке и серых брюках.

– Обманываешь? Зачем?.. Глава представительства сам лично сказал мне, что передал тебе для меня договор о нашем спонсировании кинофестиваля фильма ужасов!

– Послушай, ну что ты, в самом-то деле?! Совсем что ли с ума сошел?!.. Пойдем, я тебе лучше кое-что расскажу, – Маркетинг поднялся со стула. – Я разузнал кое-какие сплетни...

Не-Маркетинг не сдвинулся с места.

– Ты прекрасно знаешь, в моей жизни есть несколько ужасных и неблагоприятных обстоятельств, справиться с которыми можно только при помощи той большой зарплаты, которую мне платят в нашем представительстве, – очень серьезно и строго проговорил он. – Неблагополучные обстоятельства эти, как ты прекрасно знаешь, следующие: во-первых, из-за определенных семейных сложностей мне негде жить и я вынужден снимать квартиру, а это, как ты понимаешь, недешево...

– Зачем ты это говоришь? Я все помню...

– И это бы еще ничего, но мои ужасные неблагоприятия, которых у меня, если и не воз и маленькая тележка, то уж точно целый огромный чемодан... Так вот, мои неблагоприятия на этом не заканчиваются. Я должен крупную сумму денег. Если меня уволят...

– Слушай, не напирай, нет у меня никакого договора!.. Поищи у себя. Наверняка, сам куда-нибудь засунул... Пойдем, я тебе кое-что расскажу. Весьма любопытные и интри-

гующие слухи!.. Пойдем, здесь я не хочу рассказывать, – коллега, который был в этот день одет в темно-синий пиджак и серые брюки подхватил Не-Маркетинга под локоть.

Тот дал увлечь себя и они направились на лестницу, где обычно никого не было, – работавшие в офисном здании люди предпочитали пользоваться лифтом, а лестница служила удобным местом для тех, кто хотел уединиться и поболтать о чем-нибудь, не предназначенном для посторонних ушей.

– По поводу мадам С... Ее имя – это, на самом деле, не шутка нашего Главы представительства, а, как это ни неправдоподобно, маразматическая шутка одного из руководителей нашей компании. Глава представительства полностью от него зависит и вынужден ему подыгрывать, хотя, может быть, ему самому все эти глупости не нравятся еще больше, чем тебе или мне, – сказал его коллега в темно-синем пиджаке и серых брюках.

– Маразм! Этот руководитель... Он что, такой же старый, как и наш Глава?

– Глава не такой уж и старый!..

– Брось, он просто выглядит хорошо... На море регулярно ездит, одет с иголочки. А так-то ему...

– Да нет, Глава не очень старый!.. Он, кстати, по последним слухам, сам ни черта с этой мадам С. не может понять. Есть информация: ему лишь сообщили, что она – некий бизнес-контролер, женщина, которая занимает достаточно высокий пост в руководстве нашей корпорации...

– А то он не знает, кто и какой пост занимает в руководстве?!..

– Не знаю... Может, она новый человек. Такое бывает... Корпорация-то транснациональная! Всякие там переводы: из офиса в офис, с должности на должность...

Не-Маркетинг внимательно посмотрел на коллегу, потом отвернулся и, опершись о перила, некоторое время смотрел вниз, в просвет между лестничными маршами...

– В общем, никто ничего не может понять: ни сотрудники, ни Глава представительства. Никто ничего не может понять... – проговорил он в задумчивости и повернулся обратно. – Очень странно... Что же это означает – что никто кругом ничего не может понять?

– Она везет некое информационное сообщение, которое, по слухам, полностью перевернет жизнь представительства.

– Что же это за сообщение?

– Никто не знает. Есть только догадки, – прищурился коллега Не-Маркетинга в темно-синем пиджаке и серых брюках. – Причем догадки тоже достаточно странного свойства – догадки, которые можно выразить только определением неких смутных недобрых ощущений, но никак нельзя сказать, что те, кто догадывается, предполагают некий конкретный, выразимый словами смысл...

Не-Маркетинг усмехнулся и положив руки на плечи Маркетингу, глядя ему в глаза, весело проговорил:

– В общем, как и предполагалось с самого начала, она оде-

та в черный балахон и держит в руке косу?

– Да нет, всего лишь крупный бюрократ от бизнеса и не более... Хотя что-то, безусловно, и без этого приезда мадам С. ожидается... Что-то носится в воздухе, что-то, безусловно, должно произойти, но что?..

– Да, некая даже апокалиптичность наблюдается, я бы сказал, некое ожидание близкого апокалипсиса. – задумчиво произнес Не-Макретинг, убирая руки. – Что же может произойти?..

– А ты-то что думаешь? Что должно произойти?..

– Я думаю, что какая-то неожиданность, что-то совершенно неожиданное и невероятное, что-то такое, что возникает вдруг, внезапно, помимо течения истории, а на самом деле, только этим течением истории и подготовленное, только этого приготовления никто не замечал, а странно даже – почему?!.. И вот неожиданно наступает нежданное прозрение: как так?! Откуда?! Что это?! Откуда такое может быть?!.. Как неожиданное обнаружение опасного и смертельного заболевания, которое, как потом выяснится, уже давным-давно существовало где-то там, в человеке, который и не подозревал о нем, а жил – ел, пил, радовался, веселился... Да-да, точно! Эта чума всегда входит в зал тихо, незаметно садится где-то на задний ряд, так что на нее никто и внимания не обращает!.. Что ж, мадам С., я зову тебя, какую бы новость ты не несла, я готов к встрече! Ведь новость – это лучше, чем нет новостей! Я обожаю новости, жареные, ужасные, неве-

роятные – я обожаю новости! Мне без них не жить!.. Хотя, честно говоря, весь этот шквал ужасных новостей и сообщений и эти апокалиптические ожидания перенести достаточно сложно! Да здравствует приезд мадам С. с ее ужасными новостями!.. – с этими словами Не-Маркетинг пошел к двери – прочь с лестницы.

– Что тебе за радость от ужасных информации, если они, действительно, окажутся ужасными?! – крикнул ему вслед Маркетинг. – Только что ты сам говорил, что для тебя очень важно работать в нашем представительстве и получать твою большую зарплату!

– Лучше ужасный конец, чем ужас без конца! Никогда не слышал такого выражения?! Конец жизни и миру – это, конечно, плохо, но что это была за жизнь, и что это был за мир?! А так, быть может, хоть что-нибудь переменится... Я с теми, кто жаждет перемен любой ценой. – сказал Не-Маркетинг, задержавшись на мгновение на пороге.

Его коллега в темно-синем пиджаке и серых брюках застыл, удивленный его словами...

– К тому же, все это ерунда! – воскликнул уже из-за двери, слегка придерживая ее рукой, чтобы она не закрылась полностью, Не-Маркетинг. – Хоть мадам С. и ужасна, ее новости должны касаться только нашей фирмы и нашего представительства, а не всего человечества. Следовательно, самое худшее, что она может нам принести на своих черных крыльях – это потерю работы. Но это еще не конец. Хотя, конечно,

для меня это станет подлинным концом!

* * *

Телефон зазвонил вновь. Не-Маркетинг не брал трубку. Напротив, он принялся опять смотреть на экран компьютера, пытаясь сосредоточиться на сайте с конференцией. Телефон замолчал, но через очень короткий промежуток времени зазвонил вновь и звонил уже теперь не умолкая. Не-Маркетинг по-прежнему не брал трубку, но на него стали с удивлением смотреть сотрудники представительства, которые сидели за соседними столами, и, как ни не хотелось ему этого делать, он вынужден был взять трубку.

– Алло! Это вы?.. Что у вас там за фирма?! В самый разгар рабочего дня никто не берет телефон! А если звонит важный клиент? – говорил молодой журналист – Пенза, тот самый, страничка сайта которого сейчас была на экране компьютера Не-Маркетинга.

– Вы?! – удивился Не-Маркетинг. – Неожиданный звонок... Между прочим, я сейчас был на вашем сайте, на интернет-конференции. А вы разве...

– Я очень внимательно слежу за ней. Между прочим, вот только что дал от себя очередную реплику... Я сейчас у подъезда вашего здания, Не-Маркетинг.

– У подъезда нашего здания?! – поразился Не-Маркетинг. – А как же реплика?! Ничего не понимаю!

– Не будьте наивным, Не-Маркетинг. Сейчас есть много способов участвовать в интернет-конференции при этом свободно перемещаясь по городу. Например, мобильный телефон!.. – молодой журналист, который накануне был одет чрезвычайно нарядно, громко расхохотался. – Я передаю свои реплики через мобильный телефон. Очень удобно и чрезвычайно оперативно. Ладно, Не-Маркетинг, об этом поговорим позже. Эти идиоты из службы безопасности не пускают нас в здание. Можете спуститься и помочь?

– Вас?!.. Кого это вас? Вы не один? – еще больше удивился Не-Маркетинг.

– Спускайтесь и все сами увидите! – в голосе молодого журналиста зазвучало нетерпение. – В конце концов, друг вы мне или нет?! Что же вы, не можете мне сделать даже такое маленькое одолжение?!

– Могу, – тут же ответил Не-Маркетинг. – Кстати, одолжение за одолжение: помогите мне увидеться с тем самым беспризорником, который приехал в Москву на съемки телепередачи.

– Нет проблем, вы его сейчас увидите! – прозвучал в трубке ответ молодого журналиста.

– О-па! Спускаюсь! – сказал Не-Маркетинг и повесил трубку...

Он вышел к лифтам, нажал кнопку вызова, в ожидании начал прохаживаться...

– Это невозможно выносить!.. Боже, какие события! Ка-

кой ужас! – донеслось из коридора. Не-Маркетинг стоял за углом и тому, кто говорил, было его не видно.

Вот он вышел в лифтовой холл и, спиной к Не-Маркетингу, по-прежнему его не замечая, бросил тому, кто, видимо, находился в коридоре:

– У меня же там живут родственники!

Затем он пробормотал себе под нос:

– Что с ними?..

Задумался, едва различимо пробормотал:

– Все как-то слишком переплетено! Это невозможно больше выносить. Все время приходится питаться прошлым, остается только одно – подпитка из прошлого. Прошлое приобретает слишком большое значение!

Не-Маркетинг удивленно смотрел на этого человека. Тот, наконец, тоже заметил его, бросил короткий взгляд и сразу отвернулся. Да это же тот самый, из кинотеатра, который сидел позади Не-Маркетинга и комментировал фильм, а потом подошел к нему в холле! Точно, это же он!.. Это, скорее всего, был новый сотрудник, принятый на работу в представительство совсем недавно, – Не-Маркетинг вспомнил, что такой человек должен был появиться у них в офисе на днях. Вот он и появился!

Не-Маркетинг стремительно сделал несколько шагов и оказался возле ожидавшего лифт человека:

– Следили за мной по заданию Главы?..

– Что? – с недоумением проговорил новый сотрудник и

отвернулся.

– Послушайте, вы! Что вы сегодня делали в кинотеатре, а?! – воскликнул Не-Маркетинг.

Казалось, тот только теперь заметил Не-Маркетинга. А заметив, встрепенулся:

– Вы?!.. Я?.. – на лице нового сотрудника изобразилось крайнее замешательство.

Как раз в это мгновение за его спиной открылись двери подъехавшего лифта. – Что, вы не могли предполагать, что я работаю на той же фирме?! – продолжал напирать Не-Маркетинг.

– Я?.. Предполагать?.. – проямлил новый сотрудник.

– Если предположить, что вы не следили за мной по заданию Главы, то получается, для вас было настолько важным оказаться на просмотре этого фильма, что вы даже прогуляли несколько часов в свой первый рабочий день, не так ли?!..

– Тише!.. – сказал сотрудник. – Ни то, ни другое... Не следил и не прогуливал...

– А что тогда?..

– Тише, вон он идет!.. Дело в простой случайности...

Неожиданно он в последнюю секунду отступил назад, прямо в кабину лифта. Двери тут же закрылись. Не-Маркетинг рванулся вперед, но было уже поздно, – он начал нажимать кнопку, но кабина уже успела уехать.

В этот момент он увидел, что в его сторону по коридору идут Глава представительства и возивший его шофер.

– Вы должны уже быть в машине и ждать меня у подъезда, а не бежать теперь впереди меня!.. – распекал шофера Глава.

– Конечно! Я так всегда и делаю!.. Но как я мог успеть, если вы мне только что сказали... Машина сейчас у подъезда, я не ставил ее в гараж... Так что ждать вам не придется! Ни секунды!..

Глава представительства уже не обращал на шофера никакого внимания, он заметил Не-Маркетинга:

– Ну что, уже есть какая-то информация по нашему спонсорству кинофестиваля фильмов ужасов?

– Да нет... Мы же только недавно с вами об этом поговорили...

– Вот именно! Я думал, вы уже что-то предприняли...

– Когда бы я успел?!..

– Послушайте, по-моему с вами что-то не то происходит... Вы не находите? Я вас просто не узнаю...

Подошел еще один лифт. Глава шагнул в него. Не-Маркетинг остался на этаже. Не мог же он вместе с Главой выйти из лифта и тут же, у него на глазах, встретиться у подъезда с Пензой, беспризорником, провести их в здание!..

Лифт ушел вниз.

– Вы не расстраивайтесь. Со мной тоже сейчас что-то не то творится... – раздалось у Не-Маркетинга за спиной.

Он обернулся – перед ним стоял один из сотрудников представительства – тот, чей стол стоял наискосок от его.

– Я вот что думаю... – продолжал говорить сотрудник. –

Понимаете, от этих ужасных событий начинаешь одуревать. Смещается раз за разом что-то главное в твоей голове. Потихонечку перестаешь быть в норме.

– Смещается! Перестаешь быть в норме!.. – раздраженно передразнил его Не-Маркетинг. – А про того террориста, который захватил автобус с заложниками вы все уже забыли?!.. – возмутился он. – А это, может, и есть самое главное!..

– Нет, самое главное – не это, – не согласился с ним сотрудник представительства, который сидел от него наискосок.

– А я думаю, что именно это! – настаивал Не-Маркетинг. – И именно про это событие все, кажется, уже позабыли! По крайней мере, я уже некоторое время совсем не слышу вокруг себя никаких разговоров о нем.

– А я слышал... Террорист потребовал принести ему расписание близлежащих кинотеатров...

– Что это значит?!

– Не знаю... Думаю, это событие – не главное. Самое главное – это те ужасные террористические акты, которые не прекращаются по всему миру в последнее время. Именно они и являются на сегодняшний день самыми главными событиями. В противном случае, мы можем считать главным событием и любое малозначительное... – сотрудник представительства, который сидел наискосок от Не-Маркетинга, был уверен в своей правоте не меньше, чем Не-Маркетинг.

Не-Маркетинг отвернулся от него и вызвал лифт. Он на-

деялся, что шикарный автомобиль Главы уже успел отъехать от подъезда бизнес-центра...

Глава VIII

«Будь ты проклят!»

Из лифта Не-Маркетинг вышел в некоторой задумчивости и был чрезвычайно удивлен, столкнувшись чуть ли не нос к носу с молодым журналистом, который теперь был одет не менее нарядно, чем накануне. Рядом с молодым журналистом стоял приехавший на съемки телепередачи беспризорник, и они оба высматривали что-то в дальнем конце холла.

– Долго же вы спускались! – заметил молодой журналист с некоторой обидой и разочарованием в голосе. – Мы сумели обойтись и без вашей помощи...

– Уж как получилось! – сказал Не-Маркетинг оправдываясь и глядя при этом на беспризорника, словно опасаясь, что как только он перестанет смотреть на мальчишку, тот тут же опять убежит. – И потом, неужели вы не понимаете, что я же все-таки на работе... Не всегда получается вот так вот вскочить и уйти, как вы этого от меня хотели. Но я старался!..

– Старались!.. – передразнил Не-Маркетинга все еще сердившийся на него молодой журналист. – Не очень-то вы и старались.

– Если бы вы знали, в каком я сейчас положении! – стал оправдываться Не-Маркетинг. – В любой момент я могу потерять заработок. Вернее, я его уже почти потерял. А заработок – это для меня всё. Я работаю и благодаря этому как-

то держусь на плаву. Хотя и едва-едва.

– Значит, вы работаете? – переспросил чрезвычайно нарядно одетый молодой журналист в некотором раздумии, по-прежнему глядя куда-то в дальний конец лобби.

– Да, я работаю, – без особой радости подтвердил Не-Маркетинг.

– А я вот использую современные технологии, – сказал молодой журналист, повернувшись к Не-Маркетингу и посмотрев ему в глаза.

– Современные технологии?! – поразился Не-Маркетинг.

– Мое использование современных технологий заключается в том, что я ворую имиджи. Я не боюсь в этом признаться!

– Воруете имиджи?! – еще сильнее поразился Не-Маркетинг.

– Да, именно, – тут же подтвердил молодой чрезвычайно нарядно одетый журналист. – И мне ворованный имидж заменяет реальное богатство. А мне, собственно говоря, достаточно одного лишь имиджа, потому что богатства мне особенного и не надо. То, что мне нужно в жизни – за деньги не купишь. Да, мне многое нужно в жизни из того, что за деньги не купишь: счастье, любовь, уважение... А вот имидж – это совсем по другому ведомству дело. Имидж мне крайне нужен. И его можно купить за деньги. Но я не хочу тратить деньги на имидж. Это глупо. Зачем?.. Зачем входить в расход, если на сегодняшний день совсем не предосудитель-

но украсть чей-нибудь имидж: смотри, какой имидж у какого-нибудь богатого человека и создавай себе точно такой же. Современные пиар-технологии позволяют без особых затрат скопировать какой угодно имидж. И вот ты уже производишь впечатление богатого человека, хотя ты и не богат вовсе, и очень часто свободной наличности у тебя – едва-едва хватит на приличный ужин в каком-нибудь не самом шикарном ресторанчике. А настоящий миллионер, у которого-то, как раз, со свободной наличностью нет никаких проблем, в лучшем случае выглядит точно так же как и ты, всего лишь украсивший его имидж.

– Бред! Вы рехнулись!

– И спрашивается, для чего ему все эти деньги, раз имидж у него точно такой же, как и у меня?! И спрашивается, для чего мне эти деньги, если имидж богатого человека я могу себе своровать совершенно бесплатно, а все остальное, что мне помимо имиджа в жизни нужно, за деньги не купишь?! Реальное богатство в моих глазах давно уже обесценилось. Оно – только этап на пути к имиджу, но этот этап при определенном знании современных технологий создания имиджа можно без особых трудностей и проскочить.

– Но мне нужен не только имидж... Мне даже вообще имидж не нужен. Мне нужны деньги: вполне конкретные суммы для вполне конкретных целей.

– Это печально, это плохой признак. С таким положением вещей надо бороться, – молодой журналист покачал го-

ловой. При этом он опять начал что-то высматривать в дальнем конце лобби. – От реальности я рекомендую дистанцироваться, в ней нет никакого проку. Хотя... Что я несу?!.. Разве не я на всех углах кричу и бью себя в грудь и борюсь за то, чтобы никто и никогда не отрывался от реальности?! От самой кондовой, от самой простой, самой сермяжной и животрепещущей реальности. Если мы оторвемся от нее, то как же мы сможем дать отпор всем этим мерзавцам, забивающим нам мозги всеми этими мерзкими информационными потоками?! Но, увы, я первый, я подлый, сам же от нее, от этой милой моему честному простому крестьянскому сердцу сермяжной реальности и отрываюсь. Каюсь, молод, горяч, самовлюблен и обожаю производить незаслуженное впечатление. Сиречь воровать имиджи. Это единственный мой грех против плюшевой изнанки жизни, которая и есть самая правдивая реальность, но этому греху я предаюсь с неистовым и самоисступленным наслаждением. Увы и ах! Дамы и господа, кажется меня понесло и несет так, что я уже сам ужасаюсь этого словоизвержения!.. За сим...

Чрезвычайно нарядно одетый молодой журналист неожиданно осекся, увидав, что приехавший на съемки телепередачи беспризорник не отрываясь, с испугом смотрит на Не-Маркетинга.

– Что же ты от меня убежал? – спросил Не-Маркетинг беспризорника. – Меня так поразили твои речи...

– Так я и знал!.. Мне сразу показалось, что я вас где-то

уже видел! – воскликнул беспризорник. – Там, в кинотеатре поначалу было темно, а потом...

– Так, минуточку... Вы виделись в кинотеатре? – спросил чрезвычайно нарядно одетый молодой журналист, глядя то на Не-Маркетинга, то на беспризорника.

– Да, он говорил про эталон, какую-то там норму, планку. Про систему координат, которая теперь только одна... Что это такое? Что это за норма? – спросил Не-Маркетинг у беспризорника.

– Вася-Бур, бегл ец из города Озера, сын неизвестного отца и матери-ткачихи говорил про систему координат?! – чрезвычайно нарядно одетый молодой журналист смотрел на Не-Маркетинга с подозрением. – Да он и слов-то таких не знает! Ни в Озерах, ни на Курском вокзале, возле которого он имеет привычку ошиваться, таких слов просто не существует! А ну-ка повтори, что за слова ты там нёс! – Пенза повернулся к беспризорнику.

Тот прокашлялся и принялся тараторить (речь его звучала, как выученная наизусть и теперь просто добросовестно оттарабаненная по памяти, и Не-Маркетингу даже показалось, хотя он и не помнил точно, что начало ее слово в слово повторяло то, что Вася-Бур сказал ему еще в кинотеатре):

– Всякий человек находится в информационном поле, в котором постоянно происходит сравнение чего-то с чем-то. Причем среди информации существуют еще и такие особенные информации, главная цель существования которых

– указание чего и с чем можно сравнивать. И если количество гусей вообще-то нельзя сравнивать со степенью затянутости неба грозowymi облаками, а количество пар ботинок у одного человека можно сравнивать с количеством костюмов у другого, то при помощи особенных, определяющих ориентиры и что с чем сравнивать информации можно всё очень сильно переменить, можно даже, при желании, всё поставить с ног на голову, и тогда гусей уже можно сравнивать с грозowymi облаками, а ботинки с высотой потолков. Всё дело в этих проклятых информациях, которые указывают, что и с чем сравнивать. Они очень важны. Ведь сравнение – это самое страшное. Сравнение может убить целый мир со всеми его обитателями. А нужно ли этот мир убивать?

Не-Маркетинг ошарашено слушал.

– Я вас спрашиваю, а?! – повторил беспризорник.

Не-Маркетинг не ответил.

– Бывает, что сравнивать всё же необходимо, вернее – приходится. Вернее – никак не получается, чтобы не сравнить, потому что человек очень глупо устроен. И не может не сравнивать. Так и произошло с этим миром – он впустил в себя информации, он подвергся сравнению. И вот его уже больше нет. Его на самом деле уже нет. Это просто жалкая окраина какого-то другого, большого, яркого и светлого мира. И единственное, что может хоть как-то реабилитировать этот мир в своих собственных глазах – это гибель другого, большого яркого и светлого мира. Этот мир стал таким, по-

тому что он был глуп. Мир корявый и пропаший. Что же делать?.. Ориентиры, система координат теперь одна, но только на этой системе координат мы находимся на разных уровнях. И это очень, чрезвычайно важно!.. Потому что существует эталон, некая норма, планка... Впечатлительный человек не может не понимать, что все, что рождено на ветхой окраине светлого мира должно быть сравнено с тем, что родится в самом его центре. И, как ни крути, сравнение показывает неизбежную убогость всего, что существует на окраине. Ведь в столице нового блестящего мира все всегда будет гораздо лучше, чем на его окраине, в глухой провинции. И провинции никогда не дано затмить столицу. И талантливые люди будут либо гибнуть в глуши провинции, либо стремиться в столицу и уже там, где находится действительный эталон, станут соревноваться с этим эталоном и побеждать его и становиться великими. И значит, наша второсортность и убогость predetermined. И ничего с этим не поделаешь. И каждый впечатлительный человек в здешнем ветхом и лядящем мире будет просто обязательно чувствовать собственную второсортность, убогость, вторичность... Всё и все, что есть здесь вокруг нас – одна лишь второсортность, убогость, вторичность, знак неудачи и проигрыша... Но если быть по настоящему гордым человеком, то жизнь в такой обстановке просто невыносима. И остается либо ненавидеть другой блестящий мир – Америку, либо что-то сделать со своей гордостью, придумать какой-то способ заставить ее замолчать,

успокоить ее какой-нибудь изоощренной ложью, усыпить ее, одурманить, убить, придумать какое-то объяснение, почему человеку гордость не нужна (но как же тогда смотреть на блестящих, сильных людей, у которых есть гордость, и которые не скрывают того, что она им нужна). Ведь быть самым лучшим – это самое важное. Одним словом, всё дело в игре эталонной информацией и в распространении информации! И выбор этой эталонной информации – лишь игра! И это есть самое главное! И значит, зря был погублен прежний советский мир!.. Вот! Я знаю все слова! – воскликнул восхищенный сам собой Вася-Бур. – К передаче!.. Я готовлюсь к телепередаче. Я всех там удивлю!..

И именно в этот момент, потрясенный речью Васи-Бура, Не-Маркетинг случайно краем глаза заметил, что через лобби, появившись откуда-то из-за его спины, со стороны лифтов, идет подросток, которого он уже видел накануне и который, как показалось Не-Маркетингу, был просто копией его, Не-Маркетинга, но только такого, каким он был в точно таком же подростковом возрасте. Подросток плакал, – даже издали было видно, как по его покрасневшему лицу текут слезы. То и дело он вытирал их рукой...

Сердце Не-Маркетинга сжалось.

– Что с ним?! – воскликнул он, и возглас этот прозвучал неожиданно для еще ничего не заметивших Васи-Бура и чрезвычайно нарядно одетого молодого журналиста.

– С ним? С кем? – увлеченный речью Васи-Бура молодой

журналист давно прекратил высматривать что-то в дальнем конце лобби и не отрывал взгляда от беспризорника, но теперь он принялся смотреть по сторонам.

– Черт! Прозевали! – воскликнул чрезвычайно нарядно одетый молодой журналист, заметив плакавшего подростка.

Тем временем Не-Маркетинг ринулся следом за подростком.

Лобби бизнес центра было достаточно просторным, поэтому пока Не-Маркетинг шел через него, подросток успел догнать в дальнем его конце какого-то хорошо одетого господина и затеял с тем некий разговор.

Между подростком и господином уже было сказано несколько фраз, когда к ним подскочил Не-Маркетинг:

– Что происходит?! Почему ты в слезах?!

Подросток обернулся.

– Что? – не понял он, глядя на Не-Маркетинга.

– Что происходит?! Почему ты плачешь?! – повторил Не-Маркетинг.

Воспользовавшись замешательством подростка, господин за секунду скрылся за металлической дверью, которая, как хорошо знал Не-Маркетинг, вела на лестницу, что спускалась в подземный гараж.

Услышав стук двери, подросток обернулся – господина не было... Он повернулся к Не-Маркетингу, – заплаканное лицо было искривлено ужасной душевной мукой.

Подросток пристально смотрел на Не-Маркетинга и слов-

но бы постепенно узнавал его...

– Будь ты проклят! – громко, четко, так что, наверное, услышали и Вася-Бур с молодым журналистом, стоявшие в противоположном конце лобби, проговорил подросток. В голосе звучала нескрываемая ненависть.

– Будь ты проклят! – повторил он еще раз.

Не-Маркетинг остолбенел.

Подросток, который казался ему копией его самого, только в переходном возрасте, сорвался с места и через мгновение исчез за ведущей на лестницу в гараж дверью, а Не-Маркетинг остался стоять там, где застали его ужасные слова проклятья.

Глава IX

Франчайзинг фантастических технологий

Прошло, наверное, не меньше минуты, прежде чем Не-Маркетинг, наконец, пришел в себя настолько, что уже мог повернуться и посмотреть в ту сторону, где стояли чрезвычайно нарядно одетый молодой журналист и обритый наголо беспризорник, – теперь там был один лишь молодой журналист. Беспризорник куда-то исчез!

Медленно, словно опасаясь поскользнуться, Не-Маркетинг пошел к журналисту.

– Что с вами? – спросил с усмешкой журналист.

– Он меня проклял.

– Не обращайтесь внимания! – усмехнулся молодой, чрезвычайно нарядно одетый журналист. – Он и не такие вещи говорит. Он, вообще, много чего говорит. Воспринимать всё это... Не нужно!

– Не-ет, проклятие – это ужасная информация! И она относится непосредственно ко мне. Я не знаю, что думать...

– Что думать? Вот глупости! Что вам этот бред сопляка?! Да хотя бы даже и не бред. Что он вам сделает? Порчу на вас наслёт? Купите амулет. За что он вас проклял?

– Не знаю! Не знаю! Совершенно не представляю. И это

убивает меня ещё сильнее. Я чувствую лишь, что это проклятье – оно очень серьезно. Я не могу отмахнуться от него! Этот подросток... Любое его слово для меня важно! А уж проклятье!.. Это самая что ни на есть недобрая и ужасная информация. Я верю в некий информационный код, в некую магию, которая заключена в словах проклятья. Оно может самым отрицательным образом отразиться на всей моей жизни.

Не-Маркетинг посмотрел по сторонам:

– Где беспризорник?

– Я не знаю, – Пенза отвернулся от Не-Маркетинга и тоже посмотрел в сторону.

– Врете! Я чувствую, беспризорник исчез не случайно. Вы отчего-то не хотели допустить моего с ним разговора... В этом я уверен. Это так, это точно! Сдается мне, этот странный беспризорник и его исчезновение как-то связаны с проклятием подростка. Я только не могу уловить в чём здесь связь! На чём может быть замешана эта связь. Но она есть, есть!

Не-Маркетинг начал судорожно вертеться на месте, осматривая лобби бизнес-центра. Тут-то он и увидел, как из раскрывшихся дверей лифта выходит его коллега в темно-синем пиджаке и серых брюках, – Маркетинг. Тот же, заметив молодого чрезвычайно нарядно одетого журналиста, с которым, скорее всего, познакомился накануне в гостинице, и кивком поприветствовав его, к Не-Маркетингу сразу не

подошел, а направился к газетному киоску.

– Что за тайны?! Говорите, Пенза, где беспризорник? Ведь он пришел сюда с вами. Что вы здесь делали? Почему беспризорник так срочно исчез? Что это, черт возьми, за загадочный беспризорник? Отчего это он так необъяснимо то и дело возникает передо мной? В чем заключается его роль в событиях последних дней? Я хочу знать, что это за непонятный мальчишка! Отвечайте, Пенза! Отвечайте немедленно!

– Повторяю: не знаю! Да, я пр ишёл сюда вместе с беспризорником, но информации у меня о нём – ещё меньше, чем у вас...

– Что за ерунда?! Почему? Пришли вместе с ним, но информации нет? Зачем пришли? С какой целью? Откуда пришли?

– Знаете, в последние дни, а особенно – часы я сам получаю такие информации... Такие!.. – никак не мог продолжить Пенза.

– Какие?! Какие?! – воскликнул Не-Маркетинг.

– Такие, от которых я сам начинаю сходить с ума! Неожиданные! Удивительные!

– А причем здесь беспризорник?

– Притом, что он меня тоже удивляет. Не меньше, чем вас. Я тоже про него ничего не знаю.

– Вообще? – не верил Не-Маркетинг. – Ходите с мальчишкой, о котором ничего не знаете... вообще?...

– То есть как «вообще»... Знаю только то, что он – скажем

так, информационно-несогласный эмигрант.

– Эмигрант?! Что за чушь?! Откуда?

– Из ткацкого поселка. Очень грязного, очень тупого, такого, в котором информации нет вообще. Кроме тех, что известного рода – о тупости и грязи. Вот информации о тупости и грязи там предостаточно! Больше я про беспризорника ничего не знаю. Нет никакой информации!

– Хорошо! – сказал Не-Маркетинг. – Допустим... А та информация, которую он тут на нас выплеснул. Что это была за информация?

– Да, была информация, да, выплеснул, – спокойно ответил журналист Пенза. – Но это не его информация. Я в этом уверен и могу вам это гарантировать.

– Не его, а чья же? – нетерпеливо спросил Не-Маркетинг.

– Чья-то. Чья – не знаю. Опять-таки, не знаю. Кто-то снабдил его этой информацией. А кто?.. Бог его знает, где он шляется!.. Он ходит по всему городу и мог познакомиться с кем угодно. Он же очень общительный, всюду норовит влезть... Кто-то, с кем он недавно познакомился, заставляет его разносить эту информацию по всему городу. Что и говорить, он – подходящая кандидатура на роль разносчика информации. Вы же слышали, он хочет распространить эту информацию и через телевидение. Думаете, он зря вертится вокруг меня? Он метит не куда-нибудь, а в самый массовый способ распространения информации.

– А вы? Вы что?

– Мне он нужен. Для передачи. Уж больно колоритный тип, никем его не заменишь, да и нужды нет менять. А по поводу его жонглирования информациями... что он там всё распространяет... Это всё против моих принципов, мне это неприятно. Я за простую, честную жизнь.

– Вы?! Перестаньте!

– Ну, если я и включаюсь иногда в информационную гонку также, как и вы, то не по собственному желанию, а по необходимости. Иначе, извините, сейчас не проживешь... В некоторых ситуациях.

– Но, пожалуйста, хотя бы сейчас... Вот только сейчас не делайте этого. Не надо дополнительных информационных вихрей, потоков, всей этой ерунды! Проклятье, проклятье – надо мной теперь довлечет проклятье!

– Бросьте, это несерьезно, что за чушь?!

– Да, может быть и чушь. Но только всё наложилось, и не в одном проклятии дело. Знаете, ведь совсем недавно я хотел засорять мир информацией собственного производства!

– Да я знаю, знаю! Как же! Вчера-то... Пленка! Диктофон! Речи ваши известны!

– Да, такой вот анекдот!.. – воскликнул Не-Маркетинг. – Вчера хотел засорять, да и сейчас, в принципе, мои намерения не изменились, но вот анекдот: в данный момент полностью выведен из строя информациями, не от меня исходящими. Наступил невероятный, не поддающийся никакому рациональному объяснению, информационный ужас! Такой,

что даже я, человек любящий информации и ожидающий их с ужасным нетерпением хочу сказать: пока стоп! Хватит! даже я хочу перерыва, это уже перебор! Так что хоть вы, Пенза, не добавляйте. Не добавляйте информационного сумбура!

Возникла пауза.

Тем временем, сквозь огромные, во всю стену окна лобби Не-Маркетинг увидел, как перед подъездом бизнес-центра остановилось желтое такси с черными шашечками на борту. Из такси выскочил держа в руках большую дорожную сумку один из сотрудников их представительства.

Затем вылез таксист, неторопясь подошел к багажнику, открыл его, достал два чемодана. Сотрудник представительства повесил сумку на плечо, взялся за ручки чемоданов и с трудом оторвал их от земли. С сумкой на плече и чемоданами в руках посеменил на согнутых от напряжения ногах к дверям. Вот он появился в лобби...

Не-Маркетинг зло проговорил:

– Пенза, я просто уверен, что с этим беспризорником вы меня обманываете! Некто загадочный передает беспризорнику информацию для распространения. А ходит при этом беспризорник с вами. Что за чушь?! Что за ложь! Только вы, Пенза, могли подучить беспризорника, только вас он бы стал слушать. Естественно, вы известный тележурналист, вы покажете его по телевизору! Ради того, чтобы понравиться вам, беспризорник чего только не сделает! Зачем вы лжете Пенза?! Ведь вы же не лжец, я уверен в этом!

– Конечно, я не лжец. Я сам ненавижу ложь. Да и зачем бы я стал сочинять всю эту историю?!

– Не знаю, зачем, Пенза, но вы лжете! Теперь я в этом абсолютно уверен. Вы распускаете вокруг себя ложь. И эта ваша ложь убивает меня больше любой другой!.. Выходит, что даже вы, Пенза, лжете!..

– Не-Маркетинг, вы просто переутомились! А может, вам самому очень хочется попасть на телевидение? – молодой чрезвычайно нарядно одетый журналист рассмеялся. – Может, вы хотите выступить с какой-нибудь разоблачительной критикой в адрес вашего начальника?

Лицо Не-Маркетинга перекошилось:

– Веселитесь, лжете! Вы – достойное дите нашего информационного века. А я думал, вы не такой, как другие, я думал, между вами и всеми остальными – большое отличие. Потому и убивает меня то, что вы тоже беспардонно лжете. А вы знаете, что мне и так, и без вашей лжи очень плохо?! – проговорил он со злобой глядя Пензе в глаза. – Вы, который сейчас издевательски надсмехается надо мной, знаете, какая ужасная у меня ситуация?!..

– А кому сейчас легко? У меня тоже ужасная ситуация... Меня заставляют делать передачу в таком ключе, в каком я делать её не хочу. И я об этом активно всех информирую. В том числе и начальство. Вы знаете, чем для меня может кончиться защита собственного мнения?! А вы жалуетесь, что вам плохо... Кому жалуетесь?!

– Не-ет, вы не знаете! Я сейчас – просто-таки сосредоточие всяческих неблагополучий.

– Я вам, конечно, сочувствую... Только не знаю...

– Я хотел отвлечься! Хотел засорять мир своими собственными информацией!

– Ну, не стоит так мучаться только для того, чтобы отвлечься. Все-таки, засорять мир своими информацией – это того... Это больших усилий стоит!

– Нет, вы, Пенза, не поняли: распространение информации... И не просто информации, а информации собственно-производства... Это могло стать для меня способом...

– ?..

– Способом снизить напряжение в собственной голове, найти выход из информационного застоя, я находился в нём все последнее время... Но что же теперь?! Я перегружен информационной ложью, я ею подавлен! Я проклят, наконец! Это самое главное – проклят! Не вы ли сделали что-то, после чего этот подросток меня проклял. За что?! Это необъяснимо. За что я, спрашивается, проклят?!

– А у вас нет никаких предположений?

– Нет! Я полагал, это вы наведете меня на какие-нибудь особенные предположения! – истерически воскликнул Не-Маркетинг.

– Я?! Почему я? Я ничего не знаю, не имею к нему никакого отношения. Бросьте из-за этого маленького дурачка мучаться. Мало ли чего он взбрыкнул... По поводу остально-

го... Как вы выражаетесь, лживые информационные завихрения живут своей обычной жизнью. Ничего удивительного не происходит. Такой жизнью они живут все последние дни. И даже месяцы. Как впрочем... Впрочем... Точно такой же обычной жизнью живут и честные, бесхитростные события. Которые так любы моему сердцу. Которых бы я, единственных из всего этого хаоса событий и информационной пены и оставил бы на этой земле...

Пенза замолчал.

– А вы, Не-Маркетинг, струсили, – проговорил Пенза после некоторой паузы. – А это нечестно, постыдно. Вы играли в эту игру лишь до той поры, пока она вам легко удавалась. Вы хотели засорить всё окружающее пространство своей информацией, вас не смущало, что, может быть, вы тоже делаете свой вклад в завихрения лжи, как вы их называете. Но всё это – до тех пор, пока вы получали от этого удовольствие...

– Я никогда не получал от этого удовольствия! – воскликнул Не-Маркетинг. – Это был лишь способ, единственный способ как-то отвлечься, снизить напряжение в своей голове, выжить в этом мире!

– А что если для кого-то ещё – это тоже способ выжить?! Вы оправдываете этот способ, вы оправдываете ложь только когда она исходит с вашей стороны! – с горящими глазами ответил молодой чрезвычайно нарядно одетый журналист.

Пенза хотел сказать что-то ещё, но в этот момент к ним подошел Маркетинг, стоявший до этого возле киоска, что

продавал газеты, журналы и всякую мелочь вроде сигарет и зубной пасты.

Быстро посмотрев на журналиста и Не-Маркетинга, Маркетинг, улыбаясь, сказал:

– Говорю то, что и так все знают, высказываю информацию, которая уже давно устарела...

– Говорите, только скорее! – перебил его молодой чрезвычайно нарядно одетый журналист. – А то нам некогда. Темп жизни, знаете ли, постоянно ускоряется.

– Так вот я и говорю, – совершенно не смутился такой отповедью продолжавший улыбаться Маркетинг. – Говорю, и при этом подразумеваю следующее: каждое очередное повторение банальной информации придает ей новое качество. Ведь количество информации увеличивается, а следовательно, оно постепенно переходит в качество этой самой информации и немного его, это качество (а, может быть, и много) меняет.

– Как витиевато! – раздраженно проговорил Пенза.

– Так вот, – по-прежнему с улыбкой продолжал Маркетинг. – Всем давно известна информация, которую я хочу еще раз повторить, она заключается в следующем: в плане оперативности подачи информации газеты в очень заметной степени отстают от Интернета, радио и телевидения! Так что, получается, в текущий момент совершенно неинтересно следить за событиями по газетам. Я подошел к киоску, просмотрел все, что у них выложено на прилавок, но – нет! Я не ку-

пил ничего! Там нечего покупать!.. Я утверждаю, что качество этой информации, после того, как я повторил её ещё раз, значительно изменилось!

– Да, это точно, – мрачно проговорил Пенза. – Она стала осточертевшей!

– Им надо выпускать свежий номер каждые два часа, нет, каждый час, только тогда они могут быть интересны. Только тогда я стану их покупать, – продолжал коллега Не-Маркетинга в темно-синем пиджаке и серых брюках. – Только тогда я захочу тратить на них свои кровно заработанные монеты!

– Глупость!.. Газеты и не нужны для сиюминутного информирования, они дают анализ... – проговорил чрезвычайно нарядно одетый молодой журналист. – Я, как бывший газетчик...

Но закончить он не успел, – Маркетинг заметил сотрудника представительства с сумкой и чемоданами, – тот застрял в лобби: от сумки отцепился ремень, и он стоял и прицеплял его обратно. Перебивая Пензу, Маркетинг громко, на всё лобби закричал:

– Не многовато вещей взял с собой в командировку, а?! Ладно – сумка, да ведь ещё два чемодана с собой прихватил! Или один украл в аэропорту?

– Почти, – откликнулся тот, улыбаясь. – Черт бы его побрал, этот второй чемодан! История приключилась идиотская. Причем не со мной.

– Что за история? – громко спросил Маркетинг.

– Да одна из сотрудниц головн ого офиса... Какая-то то ли начальница, то ли бизнес-контролер, то ли и то и другое вместе...

Приехавший из командировки сотрудник закончил возиться с ремешком и подошёл к коллегам:

– Она случайно оставила один из чемоданов в холле гостиницы, из которой уезжала, она провела в ней всего только одну ночь. Мадам сразу забралась на заднее сиденье машины, все вещи предоставила носильщику. Идиот-носильщик чемодана не заметил... Почему-то... Идиот!

– А мне кажется, носильщик – вовсе не идиот... – заметил Не-Маркетинг.

Все посмотрели на него. Вид у Не-Маркетинга был чрезвычайно серьёзный, даже какой-то сосредоточенный, словно именно в этот момент он что-то обдумывал и лишь случайно высказал одну из вертевшихся в этот момент в его голове мыслей.

– А кто же он, если не идиот?! – с удивлением спросил приехавший из командировки сотрудник представительства.

– А я вот кто же, допустим? – ответил вопросом на вопрос Не-Маркетинг.

– Станный вопрос... Вы что же, хотите сказать, что вы – тоже идиот, в том смысле, что ни вы, ни носильщик – не идиоты? Ну, простите за грубость... – смутился приехавший из командировки сотрудник. – Идиот, конечно, слишком резкое слово. Скажем так, человек не слишком умный...

– Говорите прямее – глупый! – заявил Пенза. – До чего опротивели мне эти названия вещей не своими именами!

Пенза поправил воротник нарядного пиджака.

– Да, – наконец ответил Не-Маркетинг. – Я уверен, что если скрупулезно, математически посчитать статистику и составить какие-нибудь таблицы и графики, то окажется, что большая часть моей жизни приходится на периоды, когда я был... Ну как бы это состояние обозначить? Был крайне глуп, имел, по большей части, только лишь крайне глупые мысли и жил отчаянно глупо. Волны, флюиды, потоки некого эфира, который я в данном случае обозначаю, как глупость, исполняли во мне и вокруг меня свои странные танцы, кружили вихри, а я жил в каком-то теперь уже глубоко чуждом для меня мире, бок о бок с теперь уже глубоко чуждыми мне информациями, которые я тогда сам же и придумывал в своей голове и распространял вокруг себя. Из-за этих информации я, скорее всего, казался, справедливо казался окружающим полным идиотом, дебилом. Я и был им... На взгляд окружающих!

– Послушайте, я не знаю, каким вы были раньше, но зная вас по представительству, я не считаю вас глупцом, а уж тем более – идиотом. Но даже если вы и глупец, то это никак не извиняет глупости, идиотизма и расхлябанности носильщика! – сказал Не-Маркетингу приехавший из командировки сотрудник представительства.

– А я не закончил! Я не считаю, что я был глуп. Я условно

обозначил это состояние, как глупость. А на самом деле, глупостью его могут считать только истинные глупцы. Истинные, а не мнимые – как я или тот злосчастный носильщик. На самом деле, мне кажется, что я не был, не мог быть настолько глупым и настолько тотально творить и думать глупости. Ведь не идиот и не глупец же я сейчас! И тогда, в те самые периоды моей жизни, о которых я упомянул, я тоже не мог быть таким уж круглым идиотом и глупцом. А потому, я полагаю, что правильнее обозначить это не как глупость, а как «альтернативная информация». Да, я совершал поступки, которые казались окружающим глупыми, идиотскими, я создавал вокруг себя вихри информации об идиотских поступках, я создавал идиотские информации, я оправдывал свои поступки при помощи множества слов, которые всем казались глупыми, неверными. Но они не были глупыми и не были неверными, они были просто альтернативны по отношению к точке зрения так называемых умников.

– Значит, в прошлом, ты был не глупец, а, так сказать, альтернативщик? – усмехаясь спросил Маркетинг.

– Именно. В те периоды жизни я был подвержен влиянию альтернативных информационных, и мой мозг, напитавшись этими альтернативными информацией, сам отправлял в окружающий мир информации одну альтернативнее другой. В этом смысле моя настроенность на альтернативную информацию была весьма и весьма плодотворной! – с восторгом воскликнул Не-Маркетинг. – Понимаете, не глупость, а другой

взгляд на вещи, на систему ценностей, на то, что и как надо делать в этой жизни...

– Нет, это, конечно, всё хорошо... – проговорил Пенза. – Безусловно, идиоту нравится его жизнь идиота, иначе бы он не вел её, но нам, нормальным людям, идиот от этого не становится более симпатичным.

– Может быть, вам и не становится приятней идиот, но тут всё дело в информациях. Они ведь теперь носятся в воздухе, они завлекают всё вокруг в свои вихри. Они лживы, а значит уже – ненормальны. Они противоположны норме, они альтернативны. А что, если есть люди, которые восприимчивы к этим флюидам альтернативной информации? Что, если носильщик вовсе не идиот, а просто настроен на волну некой альтернативной информации?!

– Гениально! – рассмеялся Пенза. – Не-Маркетинг всех оправдал. Ему нравятся идиоты-носильщики!

– Кстати... – проговорил Пенза прищурившись. – А что, если подросток тоже – того... альтернативщик? А?! Не задумывались над таким вариантом?!

Не-Маркетинг помрачнел.

– Вы можете шутить сколько угодно, – проговорил он. – Но, к примеру, что, если некая альтернативная информация, которая сейчас носится в воздухе, заставляет носильщика экономить силы и, так сказать, использовать первую же подвернувшуюся возможность спололать свою работу. Уезжавшая женщина-бизнесмен не следила за носильщи-

ком внимательно, и он отнес вместо двух чемоданов только один. Причем, скорее всего, альтернативные информации действуют больше на подсознание, чем на сознание, поэтому носильщик сполохамил свою работу даже и не осознав умом, что же и зачем он сделал, а вернее, не сделал. А нам эта «неосознанность» позволила упростить ситуацию и обозначить поведение носильщика, как примитивную глупость и идиотизм. А носильщик-то вовсе и не идиот, а со своей способностью улавливать носящиеся в воздухе флюиды альтернативной информации – и умней нас с вами!..

– Нас. Но не вас! – по-прежнему язвительно улыбаясь проговорил Пенза, глядя на Не-Маркетинга.

Тот продолжал:

– С другой стороны, почему воздействие неких загадочных альтернативных информации на мозг носильщика оказалось столь сильным именно сейчас? Может быть, *что-то особенное* нынче носится в воздухе и дьявольски завихривает альтернативные информации, причем подвержены этому все, как говорится, от пьянчуги в переходе возле метро до Главы представительства! А мы начинаем на всех ругаться: идиот, кретин, глупец! Я тоже вместе со всеми начинаю ругаться, ненавидеть пьянчугу у перехода. А прав ли я?! Надо ли пьянчугу ругать? Может быть, пьянчуга сегодня, он – такой же, как я вчера, альтернативщик!

Пенза засмеялся:

– Ну, Не-Маркетинг, ну дает! Нет, я точно должен при-

гласить вас на свою передачу, вы должны рассказать это всей стране. Вы очень понравитесь пьющему большинству! Вам будут писать письма!.. Только я думаю, что он – не альтернативщик, а просто пьянчуга, и просто кретин. И идиот-носильщик – просто идиот! Господи, Не-Маркетинг, разве вы сами-то никогда не страдали от таких же точно идиотов?! Ведь я от них просто схожу с ума, от этих идиотов! Ведь их, черт его знает почему, становится больше вокруг нас просто не по месяцам и даже не по дням, а по часам! Идиоты!

– Перестаньте ругать носильщика! Он не идиот! – вскричал Не-Маркетинг.

Приехавший из командировки сотрудник, посмотрел на молодого чрезвычайно нарядно одетого журналиста, проговорил:

– В общем, я даже затрудняюсь сказать, почему так произошло, но только носильщик решил, что этот чемодан нашей бизнес-контролерше не принадлежит. Может быть, из-за того что кроме нее в холле гостиницы было полно народу. И все с вещами. Кто-то тоже уезжал, кто-то только-только прикатил на такси с рейса. В Европе все благодушные, у них там не воруют. Так что они свои чемоданы разбрасывают где попало. И потом за ними, как мы, не следят!

Тем временем, коллега Не-Маркетинга в темно-синем пиджаке тихо и как бы про себя пробормотал:

– Однако, чемоданчик-то – того... Как бы он для нас... Просто какой-то чемодан неблагополучия может получить-

ся!

Приехавший сотрудник продолжал:

– В результате такой вот, не побоюсь этого слова, глупейшей ошибки в багажник был погружен только один чемодан. Мадам же, на самом деле, путешествовала с двумя. Затем её машина, вернее, вызванное для неё такси, помчалось в аэропорт. Со всего лишь одним чемоданом в чистейшем мерседесовском багажнике. У них же там все такси – «Мерседесы». Не чтонибудь!.. А второй чемодан остался в холле гостиницы... Никому не нужный, всеми забытый.

Не-Маркетингу не удержался:

– Глупость, то есть альтернативные информации, завихриваются, а, следовательно, из-за них постоянно возникают сбои! Нынешняя моя ситуация от той, о которой вы сейчас рассказали, ничем не отличается. К примеру в данный момент, у меня есть задание Главы, и тут альтернативных...

Приехавший из командировки сотрудник, поправляя на плече ремень от дорожной сумки перебил его:

– В аэропорту, в который наша мадам примчалась уже страшно опаздывая на свой рейс, она, естественно, обнаружила, что, как вы правильно подметили, глупость в холле гостиницы слишком завихрилась (особенно она завихрилась, я полагаю, в голове у исполнительнейшего и сообразительнейшего парня – носильщика), и по этой причине теперь в аэропорту одного чемодана не доставало.

– А ну ее к дьяволу с ее чемоданами, эту мадам! – ска-

зал Не-Маркетинг. – Все эти забытые чемоданы – это последствия завихрившейся альтернативной информации или, условно говоря, глупости, которая слишком сильно напоминает мне о тех самых периодах тотального господства альтернативной информации из моей собственной жизни, о которых я вам совсем недавно сообщал. К тому же сейчас ложь и все эти альтернативные информации...

– Да погоди ты со своими альтернативными информациями! Погоди-погоди! – раздраженно прервал Не-Маркетинга Маркетинг. – А что в чемодане-то?..

– Да так, какая-то ерунда, – ответил приехавший сотрудник и продолжал:

– И вот она принялась отчаянно названивать в гостиницу и в тамошнее представительство нашей фирмы. Она требовала как можно скорей доставить ей чемодан. Но, само собой разумеется, успеть привезти чемодан к рейсу в тот момент уже не было никакой возможности. Абсолютно никакой!

– Странно, ты сам себе противоречишь! – заметил Маркетинг. – Если там, внутри чемодана находится одна лишь малозначительная ерунда, то отчего же она потребовала привезти его ей так срочно?

– Нет, я больше не хочу слушать ни про какие чемоданы! – воскликнул тут Не-Маркетинг. – Я понял, что меня сейчас интересует больше всего: альтернативные информации!..

Повернувшись к Пензе он сказал:

– Подросток! Его проклятье! Что, как это, в самом деле –

альтернативные информации, глупость, а?!

– Так я вам про это же самое и говорю! У него одна альтернативщина в голове, а жертва – вы. Он теперь все время будет вас проклинять!

– Всё издеваетесь? Как я вас сейчас ненавижу, Пенза!

Маркетинг продолжал расспрашивать приехавшего:

– Нет, все-таки зачем тогда она потребовала срочно привезти себе чемодан?

– Бог его знает, скорее всего, это обычное беспокойство человека о своих вещах! Неужели бы вы не переживали, если бы поехав в командировку оставили где-нибудь свой чемодан?!

– Нет, это не объяснение... Если бы я поехал в командировку, я бы взял с собой один чемодан, а не два. Я что-то ни разу не видел, чтобы кто-то брал с собой в командировку целых два чемодана вещей! – сказал Маркетинг. – Для второго чемодана должно быть особое объяснение.

– Да бог с ним, с этим чемоданом! Так вот, как раз тогда, когда мадам позабыла свой чемодан, именно в том городе и в той стране, в которой это произошло, в нашем представительстве находился я. Вы же знаете: целых три месяца я был там на обучении! И уже собирался обратно в Москву, а мадам, к вашему сведению, тоже собирается посетить Москву, и визит её не только не за горами, но и состоится в самое что ни на есть ближайшее время. Поэтому было решено, что я, именно я, а не кто-нибудь другой, привезу этот чемодан

сюда. Вот и все!

– Нет, мне кажется, вы что-то знаете про этот чемодан! – продолжал настаивать Маркетинг. – Скажите! Даю вам честное слово, что мы никому ничего не расскажем.

– Ничего я не знаю! Что за чертовщина происходит сейчас в мире?! Разница с предыдущими днями и месяцами – огромная. Я высчитал, что за весь предыдущий месяц произошло три террористических акта, а за сегодняшний день, на данную минуту, уже девять. Только что передали по радио – я слышал в такси: опять произошел террористический акт.

– Как?! – воскликнули одновременно Маркетинг и Не-Маркетинг.

– Я сам обалдел! Передали буквально минут пять назад. С пометкой «молния». Слава богу, я успел прилететь в Москву! Слава богу!.. Мне уж там как-то страшновато стало в этих Европах... Хотя здесь – тоже...

Поскольку стояли они рядом со входом в здание, мимо них проходило достаточно много людей. Случайно услышав слова сотрудника представительства, некоторые из них замедлили шаг и, повернув голову, начали откровенно прислушиваться к его разговору с коллегами. Несколько сотрудников службы безопасности бизнес-центра, дежуривших в лобби, подошли к ним поближе. Какие-то двое господ, кого-то ждавшие здесь и до этого тихо между собой разговаривавшие, прекратили беседовать и тоже стали слушать, о чем говорят между собой Не-Маркетинг, его коллега в темно-си-

нем пиджаке и только что появившийся в здании сотрудник представительства.

Тот, тем временем, потащил свои чемоданы к лифтам.

– Утомили эти террористы! – в сердцах воскликнул Маркетинг. – Что это они затеяли?! Заговор какой-то... С целью организации конца света!

– Мне нравятся эти новые информационные вихри! – воскликнул Не-Маркетинг. – Вихри, которые каким-то странным и не всегда объяснимым рациональным образом, способом вступают в загадочную, таинственную химическую реакцию с благополучно существующей повсюду глупостью или, как я уже говорил, старыми альтернативными информацией!

– Хм! Вот как! – пробормотал Маркетинг. – Нравятся вихри?! Но ведь они... Из-за терактов!

– Перестаньте, Не-Маркетинг, ничего такого нет! – это журналист. – Думать так нечестно и вредно для здоровой и нормальной жизни. Есть только события, те или иные события, благоприятные или неблагоприятные для тех или иных людей, но нет никаких таинственных химических реакций. И самостоятельной жизни информационных вихрей тоже нет. Эти ваши бредни... Такие слова... Это противно здравому смыслу! Это аморально, наконец! Это, действительно, аморально! Ваш друг прав! Вы... Такие, как вы переворачивают жизнь, здоровую жизнь с ног на голову! Перестаньте сеять ненормальность! Вы пропагандируете болезнь! Это –

гадость. Я буду с этим бороться! Я не устану с этим бороться!

Не-Маркетинг ответил:

– А я не считаю, что с этим надо бороться! Наоборот, это всё здорово! Это замечательно! Понимаете, как по законам маркетинга иное успешное предприятие создает франчайзи – свою копию, продавая уже не товар, а технологию, по которой этот товар выпускается, торговую марку, нечто вроде сети дешевых закусовых под одним общим названием, каждая из которых – собственное дельце маленького независимого хозяйчика, так и производство лжи теперь тесно переплетено с франчайзинговыми технологиями. Сейчас такое производство – самое современное и выигрышное дело!

– И кто же им занят? – прищурившись спросил молодой чрезвычайно нарядно одетый журналист. Чувствовалось, что Пензу начинает трясти от злости, что в данный момент он едва сдерживает себя, чтобы не кинуться на Не-Маркетинга с кулаками.

– Все заняты! – категорично ответил тот.

– Все? – переспросил журналист.

– Все, в ком энергии чуть больше, чем в том пьянице, которого я видел вчера возле Измайловского парка. Тот способен только пить и сидеть полутрупом на ступеньках перехода.

– Хм! – усмехнулся Маркетинг.

Зловещим тоном Не-Маркетинг продолжал:

– Франчайзи распространяется по большим и маленьким

офисам, по теле – и радиокомпаниям, по всему нашему городу... По всей стране с удивительной скоростью!

При упоминании телекомпаний, молодой чрезвычайно нарядно одетый журналист оскалил крепко сжатые зубы и зажмурил глаза так, как будто он в эту секунду терпит ужасную физическую боль.

– Хм! – опять усмехнулся Маркетинг. Кажется, он не воспринимал речи коллеги серьезно.

– Всё просто, до рвоты просто: просто смотри, как производят в огромных количествах всевозможные марки и модели лжи самого разного размера и назначения признанные законодатели мод – ловкие энергичные люди, да перенимай их патент. Патент на ложь! Очень удобный и демократичный патент: денег платить не нужно. Патент предоставляется бесплатно! Впрочем, нет, кое-где за него уже надо платить звонкой монетой... – продолжал горячиться Не-Маркетинг.

– Я что-то не понимаю, ты осуждаешь или нет? – тихо пробормотал Маркетинг.

Неожиданно Не-Маркетинг замолчал и страшно побледнел.

– Да я сам толком не знаю, осуждаю я или нет... Ведь может быть, ложь – это тоже, как и глупость, не так уж плохо?!.. – сорвалось с его губ со стоном. – Может быть ложь – это не ложь, а просто альтернативная правда?!.. И эту альтернативную правду распространяют вокруг меня умные энергичные люди. А другие умные энергичные люди вокруг меня

заражаются энтузиазмом первых энергичных людей и тоже начинают распространять альтернативную правду. И вот, подобным образом успешно осуществляется франчайзинг передовых информационных технологий. То есть, всё не со знаком минус, а со знаком плюс!

– Да нет, как-то знака плюс из ваших речей не получается! – проговорил Пенза. – А кто же эти таинственные энергичные люди?.. Я под это определение подхожу?..

Не-Маркетинг ничего не ответил.

Пенза продолжал:

– Я, безусловно, считаю себя человеком крайне энергичным, горжусь этим и обижусь и стану врагом тому человеку, который мою энергичность станет отрицать. Так что, я подхожу для роли приобретателя франчайзи идеально! Вы после того моего рассказа... ну помните, про информационную поддержку ворованного имиджа, вы, скорее всего, зачислили меня в распространители лжи. В самые отъявленные и прожженные распространители и завихрители лжи! Хотя, на самом деле, всё не так! На самом деле, это вы, вы, Не-Маркетинг, со всеми вашими теперешними рассуждениями, вы больше всего склонны к тому самому, презираемому мною... Слышите, отчаянно презираемому мной информационному ловкачеству, к закручиванию лжи! – на последних словах журналист вдруг неожиданно перешел на крик.

– Причем здесь вы?! Причем здесь я?! Причем здесь вообще личности?! – в голосе Не-Маркетинга звучало отчая-

ние. – Я просто излагаю своё видение современных технологий работы с разнообразными информационными потоками. К тому же, это даже не все мое понимание технологии, а только его маленькая часть. Когда я говорю про франчайзи, то смысл в том, что каждый, буквально каждый лжет и распускает во все стороны свои информационные потоки и ищет свою собственную жертву альтернативных информационных или, иначе говоря, глупца. Но делает он это потому, что точно так делают и все другие, и он это заметил и теперь подражает им. Потому что он хочет подражать ловким энергичным людям. Но когда я говорю про «глупца», которого он, этот каждый, сегодня ищет, я не имею в виду ничего обидного...

– Вот как? – опять с прищуром сказал Пенза. Он очень быстро переходил от возбуждения и крика к какому-то более сдержанному состоянию, которое, тем не менее, в мгновение ока могло перейти в новую вспышку агрессии. Пока, впрочем, только словесной...

– Да, я условно, для большей понятности называю этого абстрактного человека глупцом. На самом же деле, он просто находится в поле неких альтернативных информационных. И если он от этого в чем-то проигрывает, то этот проигрыш – это тоже производство информации. Значит, с точки зрения создания информационных потоков, этот наш условный глупец – ничуть не хуже других и не менее плодovit, чем другие. Не менее плодovit в плане наполнения окружающего мира ин-

формациями своего собственного производства! Я бы даже сказал – наоборот, приверженцы альтернативных информационных, условно говоря, глупцы – основные локомотивы создания информационных потоков. И от того, насколько велик процент этих глупцов в общей массе всех людей, находящихся в информационном поле, зависит, насколько сильно, насколько безумно и отчаянно станут взвихриваться завтра информационные потоки. Чем больше в той или иной массе людей процент глупцов – тех, кому ближе всех информационных альтернативные, тем больше шансов, что наступающий день не пройдет в информационном плане даром.

– Вы говорите гадость! – решительно сказал Пенза. – Такой гадости даже от некоторых участников моего чата, с которыми я неистово борюсь, не услышишь!

В этот момент раздалась мелодия мобильного.

Коллега Не-Маркетинга достал из кармана темно-синего пиджака маленький серебристый телефон.

– Алло... Да... Вот как?!.. Ты только что узнал? Да уж, невезло!.. Сочувствую... Да, я сейчас подойду... Ну поставь его к моему столу!.. Ну поставь туда, я посмотрю за ним... Да я сейчас поднимусь!..

Он нажал отбой и торопливо сунул мобильный телефон в карман пиджака.

– Пойдем! Едва наш путешественник добрался до офиса, как ему позвонили родственники: у него обокрали квартиру... Едет домой, не знает, куда пристроить лишний чемо-

дан...

– Но...

Коллега в темно-синем пиджаке и серых брюках потянул Не-Маркетинга за рукав:

– Пойдем, пойдем!

– Меня только что прокляли!.. Мне нужно рациональное объяснение.

– Ты что, будешь стоять здесь до конца дня?! Пойдем! На наше отсутствие уже кое-кто обращает внимание... Во время рабочего дня надо быть на рабочем месте, – Маркетинг потащил Не-Маркетинга к лифтам. – А не торчать в лобби!

Пенза остался один.

Прошло, наверное, минуты две-три, как вдруг, неожиданно Не-Маркетинг вернулся:

– Простите меня...

– За что? – удивился Пенза.

– За этот мой разговор. Странная у нас пошла нынче жизнь. Я сам веду разговоры и сам понимаю, что они какие-то... Какие-то того... с приветом. Я смотрю на вас и сам про себя думаю: как же можно выносить эти мои разговоры? Я не понимаю... Всё это – какое-то сумасшествие! Где же нормальная, логически понятная и выстроенная, стремящаяся к рациональному началу жизнь?

– Пора уходить в подполье и не поддаваться никаким информациям, – неожиданно улыбнувшись широкой, открытой улыбкой проговорил Пенза.

– Думаете, пора уходить в подполье?

– Да конечно! Только, как это сделаешь?

– В смысле?..

– В прямом. Вы зря извинялись. Я совсем вас ни в чём не виню, я просто не могу этого делать, не имею права: всё это, весь этот бред, который вы несли, к сожалению – реальная жизнь. А где у реальной жизни подполье?

– Да уж!

– Да, – вздохнув, подтвердил Пенза.

– И что, совсем, по-вашему, нет никакого выхода?

– А в чем он может быть, выход? Вернуться обратно в некое прежнее индустриальное общество, в котором я – простой паренек из рабочего городка, который бесстрашно шагает по жизни честно и прямо смотря на вещи? – ответил Пенза.

– Почему бы и нет?..

– А на какие вещи мне теперь смотреть прямо? Нельзя даже сказать, что окружающая жизнь перестала быть наивной, потому что не наивна она уже очень давно, нельзя также сказать, что она стала циничной, потому, что она давно уже цинична, и нельзя даже сказать, что она аморальна, потому что каждый бьет себя в грудь и, по-видимому, более-менее искренне проповедует мораль, но уж лучше бы он проповедовал аморальность. Жизнь стала какой-то ужасно изощренной, и вы правы, когда говорите, что нынче уже абсолютно все гнусные технологии слишком хорошо знакомы. Причем

всем. Все стали в этом деле шибко грамотными! И тут уж, как в спортивной борьбе – все знают и применяют одинаковые приемы, но победителем считается тот, кто применяет эти приемы более ловко, более технично, кто более толково продумывает тактику применения этих приемов, кто лучше комбинирует их. При этом, как говорит один мой знакомый спортивный комментатор, уровень чемпионата стабильно растет. Вот в чём ужас-то!

После упоминания комментатора Не-Маркетинг улыбнулся, но тут же вновь посерьезнел и стал слушать еще внимательнее.

– Я полагаю, что моя задача в том, чтобы в этом изоциренном мире придерживаться некой очень простой, некой очень старой линии поведения... – продолжал чрезвычайно нарядно одетый молодой журналист. – Но насколько это реально в существующих условиях?..

Опять пауза, во время которой Не-Маркетинг не отрываясь смотрел молодому журналисту в глаза, затем – продолжение информации Пензы:

– Какая-то странная... Какое-то странное отсутствие желания творить информационные потоки, какая-то тотальная личная... Я бы сказал, если позволите такое слово, личная индустриальность! Эмоциональная ненастроенность на информационную волну! Какое-то ужасное стремление жить мыслями и чувствами, которые были у меня в индустриальную эпоху. Но это были иные, иные мысли и чувства, иные

информации, нежели сейчас... Нежели сейчас у всех, нежели сейчас у вас и даже... И даже, нежели сейчас у меня самого!

– Ужасно! – трудно было понять, сказал это Не-Маркетинг искренне, или это была скрытая издевка.

Но если и была издевка, то журналист её не заметил или сделал вид, что не обратил на неё внимания:

– Это меня и самого ужасает, потому что говоря всем, что я против взвихривания информации, я в глубине души знаю, что я сам весь – плод современных информации, плод информационных потоков, спутанных слов, разнящихся парадоксальных смыслов... Но самое ужасное, я чувствую, что индустриальность – это не только свойство эпохи, но и легко, ужасно легко изменяемое свойство ума, его направленность. Его, этот ум, простым нажатием какой-то кнопки можно самому по желанию немедленно менять в ту или иную сторону: от стороны индустриальной, до стороны информационной. Меня же какая-то блажь постоянно заставляет переводить кнопку в индустриальное положение, а ведь я, при всем при том, легко бы мог перевести её в информационное положение. Но я сознательно не хочу переводить её в информационное положение. Вы, Не-Маркетинг, за секунду могли бы легко перевести свой умственный переключатель в индустриальное положение, но хотите – только в информационное.

– Да, так! – подтвердил Не-Маркетинг. На этот раз не мог-

ло быть сомнений, что он говорит искренне и абсолютно серьезно.

– Но значит, моя индустриальность – это навязчивый бред и блажь.

– Точно так! Не я, Пенза, брежу, а вы!

– Конечно, я легко могу обосновать для самого себя свою приверженность индустриальности: я впитал вместе с молоком матери... Нет, не с молоком матери, я впитал вместе с дымом и чадом, который окружал меня в заводских курилках, атмосферу индустриальной эпохи да еще в самом примитивном, нищем ее варианте – советском.

– Seriously?

– Конечно! Мое детство, отрочество и ранняя юность пришлись на индустриальную, а не на информационную эпоху. В этом заключается самое главное обстоятельство. Оно оказало самое сильное влияние на мой характер: я привык, что вокруг меня производят готовую продукцию, продукцию с фабричным клеймом, а не информацию с подписью распространившего ее информационного агентства. Понимаете, трактора, станки, сеялки, а не слова, изделия из металла, а не фразы, агрегаты машин, а не концепции и интернет-сайты. Ну и плевать мне на всю эту готовую продукцию, которой давно уже нет! Она и тогда-то была никому особенно не нужна!.. Конечно, мое тогда только-только нарождавшееся журналистское слово было словом, зачатым между терриконов угольных шахт, впитавшим шумы и запахи токар-

ного цеха, грубый юмор фабричных людей. Это было слово журналиста, живущего в индустриальную эпоху среди масс городских пролетариев, а не среди информации сети Интернет. Ну и плевать мне на мое тогдашнее слово, меня заставляли писать это слово, а сам я его никогда не любил!

– На всё плевать?! – как-то неодобрительно проговорил Не-Маркетинг.

– Да. Теперь у меня может быть совсем другое слово. Когда я жил в индустриальную эпоху, когда индустриальная эпоха еще правила миром, я так ненавидел то, что было ее приметам – все эти дымные заводы вокруг меня, ржавые металлические конструкции на их дворах, уродливые здания цехов, штабеля готовой продукции, замасленные роботы пролетариев и дешевый портвейн с бычками в томате на закуску, я так ненавидел всю эту индустрию и всю эту индустриальную эпоху, я был худеньким интеллигентным мальчиком, который ходит с листами бумаги в руках и карандашом за ухом.

– Уж вы-то, Пенза – худеньким интеллигентным?! Я вам не верю! Вы, наверняка были сорвиголовой, хулиганом!

– Плевать, что не верите! Я сам не верю. Поверьте в главное! Главное в том, что теперь я, к своему ужасу, переключаю клавишу своего мозга из положения «информационная» в положение «индустриальная», переключаю из какого-то азарта, из какого-то противоречия. Мне, о ужас! – кажется теперь, что то прошлое, та индустриальная эпоха, в ко-

тору ю я сформировался, была гораздо честнее теперешнего информационного мира, нынешней информационной эпохи. Но эпоха не может быть честной или нечестной, честными или нечестными могут быть конкретные люди той или иной эпохи, но теперь мне кажется, – опять-таки, о ужас! – я сам себе не верю, мне кажется, что нынешняя эпоха вся нечестная и понятие честность в этих вихрях лжи просто-таки абсурдно, но можно отказаться от этих информаций, вернуться в прошлое, мысленно вернуться в прошлое, и тогда честность – вновь сила! Можно создать индустриальную эпоху в одной отдельно взятой голове, в одном отдельно взятом информационном поле одной отдельно взятой головы, нужно только бороться со всеми приметам и информацией эпохи вокруг себя, отбрасывать от себя информации и всякое упоминание об информационных вихрях, и тогда все будет нормально, тогда я буду прям и честен, и это тоже будет информация, но уже хорошая, правильная информация.

– Да-а, Пенза, вы бредите, это факт! – с удовлетворением произнёс Не-Маркетинг.

– Я уже совсем запутался, – устало проговорил Пенза. – Но, мне кажется, даже в этой путанице есть какой-то очень важный смысл. Вот я переключаюсь в положение индустриального мозга, вот – в положение информационного. Я чувствую это... Волосы шевелятся!.. Но даже если это и не так...

– Я с вами солидарен, – перебил его Не-Маркетинг. – Я такой же, как вы до мозга костей. Скажите, существует ли

какая-нибудь общественная организация или политическая партия, которая объединяет таких, как вы, как я. Я бы наверное, даже мог записаться в нее. И ещё... Я хотел спросить вас... Краденый имидж... Это...

– Это мое воровство имиджей – это всё оттуда, от советской индустриальной эпохи, не от эпохи информационной! Именно тогда появилось во мне такое повышенное внимание к имиджам, к внешнему впечатлению. Ведь все мы жили бедно. Единственное, что оставалось – это хвастаться тем, что есть на тебе самом, хвастаться, по существу, самим собой. Ведь ничего же не было! Был только имидж, а за душой-то ничего не было... Никакого имущества у меня в ту индустриальную, заводскую эпоху не было и быть не могло. Была только лишь маленькая захламленная комнатка в грязной захламленной коммуналке, куча неблагополучия и – все!.. И одна пара модных ботинок и модные портки и рубашка. И имидж – и всё!

– Вы так молоды...

– Да, я молод, но я – оттуда, из индустриальной эпохи, я был тогда подростком, но я очень рано развился, уже подростком по возрасту я был взрослым и все абсолютно понимал и с тех пор ничуть не изменился. Потом – работа на стройке, правда очень недолго. Но впечатлений – масса. Вы не поверите, я даже работал на экскаваторе!.. Вы знаете, какое эстетическое впечатление производит на развитого чувствительного юношу, почти еще подростка, грязный ржавый

советский экскаватор?!.. Ужасное впечатление! Такое впечатление трудно описать и невозможно забыть. Но это была еще советская индустриальная эпоха. Я из неё родом. Все эти фабрики, гнусные конторки... Где я только не болтался! Какого только опыта не собрал! И мне кажется, что именно из-за этого, вы, Не-Маркетинг, в теперешней ситуации имеете больше шансов не утонуть, не пропасть, чем я. Я слишком отравлен индустриальной эпохой! Или иначе – я слишком вдохновлен ей!

– Что за ерунда, Пенза?! Я старше вас! И уж если на кого и повлияла, как вы выражаетесь, индустриальная эпоха, так это на меня, а не на вас!

– Верно, верно, вы старше! Но вы более соответствуете духу времени, я вижу... Не знаю, как это получается, но я чувствую, что я веду себя так, как будто это я – старше, а не вы. У вас постоянно множество разговоров про информации, информационные потоки. Меня же все это раздражает. Я могу с этим только бороться. Я остался в прошлом, а вы умудрились протиснуться в настоящее. Мрачное, губительное, неблагополучное. Которое всех испытывает, которое губит всех, кто не соответствует, как это говорят, формату. Я думаю, мне с моей приверженностью к слову, основанному на честном, в действительности существовавшем событии, будет непросто выкрутиться. Мое честное и прямое индустриальное слово дает мне не так-то и много возможностей для выживания. Оно слишком прямо, слишком напол-

нено смыслом, смысл этот не витиеват, он честен и горяч, как сталь, – та, что огненной рекой течет по мартеновскому цеху. И ведь я не так прост, я тоже мог бы... Я отлично умею засорять мир своими информациями, но не хочу... Не хочу! Не хочу! Не хочу!

– А я хочу! Я хочу! Хочу! Хочу! – воскликнул Не-Маркетинг.

– Ну что ж... Будет борьба! Это я вам обещаю. Да здравствует индустриальное общество! – громко и с не меньшим, чем Не-Маркетинг воодушевлением воскликнул Пенза, так что несколько человек в лобби обернулись и с удивлением посмотрели в его сторону.

– Нам всем надо производить продукцию, а не слова! Как раньше, – добавил Пенза уже более спокойно. – И я вас уверяю, мы вернёмся к этому. Проклятые информационные вихри исчезнут!

– Не дай бог! – прошептал Не-Маркетинг.

– Дай бог! – твёрдо сказал Пенза.

Проговорив это, молодой чрезвычайно нарядно одетый журналист сжал зубы и энергично направился к автоматическим, никак не имевшим в этот день шанса закрыться, бизнесцентровским дверям.

Не-Маркетинг, глядя на удалявшегося Пензу ещё несколько мгновений постоял в лобби, а потом развернулся и побежал к лифтам. Его ждал Маркетинг...

Глава X

Набор нечетких информации о забытой невинной душе

Покинув бизнесцентр, Пенза пошел к автостоянке, на которой он оставил свою машину.

Все что-то разыскивали, высматривали, выглядывали в эти дни, – озирался по сторонам и Пенза: где-то здесь, на территории бизнесцентра, должен сейчас ждать его беспризорник. Но вот только где?.. Чтобы его было невидно из лобби через огромные стеклянные стены, беспризорник мог отойти на доста точно приличное расстояние... Пензе казалось, что Вася-Бур скорее всего станет бродить вокруг его машины, которую он оставил довольно далеко от здания. Но когда он уже подходил к ней, он увидел, что беспризорника нигде нет. Куда же он мог подеваться?.. Болтается где-то поблизости... Может быть, забрел во н туда, на горку, в парк?.. Пенза принялся всматриваться в заросли деревьев и кустарников, находившихся с правой стороны поднимавшейся верх, на холм, улицы. Вот ему показалось, что там, между деревьев мелькнула бритая голова беспризорника... Какого черта он забрел туда?!

Раздраженный Пенза пересек улицу и торопливо пошел к парку. Поднявшись по протоптанной дорожке на горку, он

заметил мелькнувшую среди кустов фигуру... Что-то странное померещилось ему в ней. Это был не беспризорник... Тем не менее, с нехорошим чувством в душе Пенза пошел в сторону зарослей... Он одолел еще несколько метров...

* * *

В то же самое время наверху, на девятнадцатом этаже бизнесцентра, мрачные, убийственные видения вторгались в голову Не-Маркетинга... Он грезил далеким прошлым...

Окраина какого-то маленького поселка... Вросший в землю деревянный домик. Вокруг домика – сад, чахлые деревья. Непроглядно серый, бессолнечный день... Из низких свинцовых туч время от времени начинает идти дождь.

В комнате домика царит полумрак. На столе стоит маленькая лампа, но ее света явно недостаточно... За столом сидят двое мрачного вида мужчин: один – мордастый, с пересекающим щеку огромным шрамом, второй – долговязый, спутанные длинные волосы все время падают на лоб, на глаза, движением головы он откидывает их, уголки рта опущены, смотрит все время в дощатый пол перед собой.

Возле окна с раздвинутыми простенькими ситцевыми шторками стоит подросток...

Без остатка погрузившись в собственные грезы, Не-Маркетинг двигался к балкону – вдоль торца офисного здания по вертикали шел ряд балкончиков. Их двери выходили в

дальний конец коридора. Возле лифтов кто-то прошел ему навстречу... Не-Маркетинг даже не заметил, кто: толи Глава ли представительства, толи кто-то другой – ему было ни до кого и ни до чего...

Он продолжал грезить...

– Вы знаете, кто я такой? – заявил стоявший у окна подросток. – Я самый умный, самый необыкновенный подросток на свете!.. Потому, что я знаю, что надо делать. Кругом слишком много мрака и ужаса!.. А вы все ничего и ни в чем толком не понимаете. Вы не понимаете, что надо бежать отсюда! Бежать из этой страны, эмигрировать. Когда я эмигрирую отсюда, у меня в кармане будут самые удивительные страны!.. Я разработал удивительный и сногшибательный план!.. Я, я и именно и только я мог разработать такой необыкновенный план!..

Долговязый поднял глаза от пола... Теперь двое смотрели на подростка с крайним удивлением, но не произносили при этом ни слова. Он истолковал их молчание по-своему:

– Только не вздумайте!.. Имейте ввиду, если вы надумаете что-нибудь со мной сделать... Мой хозяин... – подросток дерзко посмотрел на взрослых. – Вас непременно разыщут и убьют!..

– Да нужен ты нам!.. – миролюбиво прервал его мордастый. – Ты покупаешь, мы продаем... Больше ничего. Только это!

Он посмотрел на долговязого, – тот скривил губы в пре-

зрительной, злой усмешке.

– Вот и я про то же! – сказал подросток. Во взгляде, который он метнул на долговязого сквозил затаенный страх. Но двое этого не заметили. – Ладно, давайте, несите!..

Двое переглянулись. Долговязый неторопясь встал, откинул со лба волосы, и толкнув ногой низенькую, всю в трещинах дверь прошел в сени. За мгновения, что дверь была отворена, можно было заметить: в сенях совершенно темно. Послышался грохот переставляемых ведер... Потом упало что-то увесистое, затем наступила тишина, но через минуту опять послышалась какая-то возня, будто передвигали что-то тяжелое...

Сразу за старым, грубо выкрашенным комодом, над которым на стене весело облупившееся круглое зеркало, комнату перегораживала державшаяся на какой-то леске занавесь – из ткани слишком тонкой для занавеси, ужасающе измятая, вся в жирных пятнах, словно об нее постоянно вытирали грязные руки. Она выделяла место, достаточное лишь для узкой кровати. Там, за занавесью, тоже раздался какой-то шум, затем она приоткрылась и появился странной наружности мальчик...

Подросток вздрогнул. Мальчик был худ и мал ростом, у него было маленькое мучнисто-белое личико...

– Он в муке извалялся! – проговорил остававшийся в комнате мордастый и хрипло рассмеялся.

Мальчик погрозил ему пальцем, – подросток заметил:

ручка у него в сравнении с остальным телом была неожиданно пухленькая.

– Кто это? – тревожно спросил подросток у мордастого.

– Не обращай внимания, свои! – хрипло ответил тот. – Сын хозяйки... Его пожалеть надо: он не жилец... У него с сердцем что-то с детства... Здесь не лечат, в Москву везти надо... И не растет он... Он... того!.. Вроде и умное завернуть может... А воде и полный дебил!.. Потому что такие глупости иногда вытворяет, что хоть стой, хоть падай!.. А обзывают его все Душой... Это прозвище от фамилии...

– Да, я – полный дебил! – уверенно произнес мальчик и отодвинув неказистую самодельную табуретку присел к столу. – И вытворяю иногда такие глупости, что хоть стой, хоть падай!..

Затем он испытующе посмотрел на подростка и пробормотал:

– Удивительный у тебя план... Да уж!.. Ничего не понятно, однако впечатляет. Сказано с настроением, дерзко... Но ведь план существует не просто так, а для чего-то... Для чего твой план?

– Для того, чтобы смотреть отсюда!.. Я же сказал, я хочу эмигрировать! – проговорил подросток. – Ведь эмигрировать – это единственный выход! Смотрите – кругом Советская власть... Мрачно, тоскливо, уныло!.. Отсюда надо эмигрировать, вот что!.. Здесь жизни все равно не будет!.. Эмигрировать!..

– Куда эмигрировать?..

– Есть места! Полно в мире прекрасных и удивительных стран!.. Надо эмигрировать – это единственный выход. Эмигрировать, а не сидеть здесь, среди этого мрака... Здесь жизни все равно не будет.

Подросток повернулся к окну, отодвинул шторку... Словно в подтверждение его слов не прекращавшийся с раннего утра стылый дождь с удвоенной силой захлестал по окну. Из-за сплошных подтеков трудно было различить невдалеке приземистые деревянные домики с черными от воды стенами, какие-то покосившиеся сараи... Унылая, безнадёжная картина!..

– У вас всегда такой ветер дует?

– Бывает... – неопределенно ответил мордастый.

– С моря? Или из тайги?

– Может, с моря... А может – и из тайги... – все так же неопределенно проговорил он.

Подросток поморщился.

– Между прочим, мне понравилось, как ты сказал... Хорошо сказал, как взрослый! – произнес Душа.

Ветер усиливался... Откуда-то сверху, из под самой крыши домика донеслось глухое, низких тонов завывание. Не отводя глаз, упорно Душа продолжал рассматривать подростка.

Вдруг он сказал:

– Ну что, уже пойдешь?..

– Погоди, успеет... Видишь, дождь какой... Пуще прежнего зарядил! До автобуса еще... – мордастый посмотрел на помятый механический будильник с разбитым стеклом, стоявший на комодe, и закончил:

– Полно времени...

– Чаю дайте!.. Чай есть у вас?.. – истерично воскликнул подросток и заходил туда-сюда по маленькому пространству вдоль стены.

– Что ж... Есть, пожалуй... – ответил мордастый, но не сдвинулся с места.

Возникла пауза, все трое молчали. Так продолжалось больше минуты.

– Значит, говоришь, это только начало?.. – наконец проговорил мордастый только чтобы что-то сказать.

Подросток замер:

– Разумеется... Сам подумай, чего бы вдруг в таких количествах...

– Да уж что там за количество!..

– Ну уж не скажи... Сумма большая...

– Вот именно для этого дремучего места и для одного раза может и соглашусь... Может и большая... А так – нет... В Москве и больше суммы бывают... Слушай, а ты сам вообще-то нездешний, да?..

Душа встрепенулся...

В этот момент дверь распахнулась и в комнату вошел долговязый. В руках у него был небольшой чемоданчик. Появ-

ление долговязого избавило подростка от необходимости отвечать.

– Здесь все... – долговязый поставил чемоданчик на стол.

– Да?.. – подросток неспеша взял чемоданчик, прикинул вес. – Ну что ж...

Теперь, когда то, зачем он сюда пришел, было в его руках, его охватило сильнейшее нетерпеливое желание как можно скорее уйти отсюда, покинуть этот неуютный домик...

– Проверять не будешь?.. – спросил долговязый, словно догадавшись об этих мыслях, и неприятно ухмыльнулся.

– Верю!.. А потом... Вы ж понимаете...

– Само собой! – долговязый опять ухмыльнулся.

Подросток стремительно шагнул к двери. Душа тут же вскочил с табуретки... Оба они вышли в сени. Еще в дверях Душа схватил его за рукав:

– Стой, погоди, куда ты так быстро?.. Ты же хотел чаю!..

– Душа!.. – раздался из комнаты угрожающий голос мордастого. Дверь оставалась открытой и там все слышали...

– Послушай, мне надо поговорить с тобой...

Широко раскрытыми глазами подросток смотрел на Душу.

– Это серьезно! Помоги мне. Я – это ты...

– Что за чушь?! – подросток дернулся, но крепко державший за рукав Душа не дал ему сдвинуться с места.

– Ладно, пусть не так, пусть я – не в точности ты. Но я – как ты... Ведь ты, ты, который так мучался и который те-

перь решил эмигрировать, наверное ты тоже в свое время не знал, что тебе делать и хотел, очень хотел, чтобы кто-нибудь помог тебе... Чтобы кто-нибудь объяснил тебе, от чего ты на самом деле мучаешься и как избавиться от этой муки. Подумай, ведь это так естественно – ждать помощи, когда тебе плохо, когда ты мучаешься!..

– От чего? Мучаешься от чего?

– Как от чего?! Да вот от этого от всего!.. Ты же сам говорил: мрак, и Советская власть, и тоска... Я ведь тоже от всего этого мучаюсь, ужасно мучаюсь!.. Неужели сам ты не хотел тогда, еще до всего этого, чтобы тебе кто-нибудь помог, научил, как избавиться от всего этого?!.. А?! Я уверен, ты ждал, ты очень ждал помощи!..

– Ждал, ждал!.. – истерично воскликнул подросток.

– Ну вот, видишь, ждал... А ведь я – это точно то же, что и ты. Поэтому, помогая мне, ты как будто помогаешь себе.

Подросток дернулся, чтобы уйти, уже гораздо сильнее, чем прежде. Разговор этот приносил ему невероятное страдание, но Душа не отпускал.

Подростка начала охватывать паника – этот неожиданный обитатель домика сразу возымел над ним какую-то странную, недобрую власть. Словно чувствуя это и чтобы усилить ужасное впечатление, Душа повысил голос:

– Послушай, если ты мне не поможешь... Не думай, что я тебя нарочно мучаю, только чтобы помучить!.. Мне мало осталось – они тебе правильно сказали. Я умру скоро... И я

тоже хочу... Знаешь, вот так как ты: ты такой необыкновенный! Ты так легко можешь сказать: эмигрировать отсюда надо, здесь только мрак и тоска... Мол, нечего здесь делать!.. Мол, будут еще в нашей жизни прекрасные страны... Я тоже хочу так!.. И я хочу с тобой! Туда, куда и ты... Мне ведь никто и никогда не поможет! Никто!.. А сам я не знаю... Я не знаю, как это – эмигрировать?.. И куда эмигрировать? И с чего начать?.. Я ничего не знаю... Я знаю только, что ты – как я... И кругом мрак, и туман, и тоска!.. И этот мрачный пейзаж... И свинцовая серость... Без помощи, без дополнительной информации не вырваться... Нужна помощь!.. Помоги мне!

В сени стремительно вошел мордастый:

– Перестань его слушать, он издевается над тобой!..

Он схватил Душу за руку и сильным движением рванул его из сеней в комнату.

Подростка трясло, как в лихорадке.

– Нет, я не издеваюсь, не издеваюсь!.. – кричал Душа, не отпуская подростка. Так оба – один вцепившись в другого – влетели в комнату.

– Заткнись, Душа! – из-за ширмы выскочил долговязый. Пока Душа и подросток были в сенях, он успел уйти туда. – Связался черт с младенцем!.. Заткнись, Душа, не обижай маленьких!..

– Я и сам маленький, я очень-очень маленький!.. – взвизгнул Душа как-то странно и неестественно.

Подросток часто и глубоко дышал.

– Не слушай его! – сказал ему долговязый. – Он тебя старше, значительно старше... Он просто не растет... Он просто издевается! Это просто злая шутка!

– Неправда! Неправда! – завизжал Душа.

– Не слушай его!.. И зря ты хвастался в самом начале: удивительный план, необыкновенный подросток!.. – передразнил долговязый подростка. – Зря ты перед ним так хвастался!.. Не хвастался бы тогда, он бы теперь над тобой и не издевался!

– Я не издеваюсь! Не издеваюсь!

– Заткнись, Душа, это наш покупатель! Покупатель! Слышишь, падла! Отвадить хочешь?! Мамашу свою поддерживаешь?! – лицо долговязого перекопилось от злости.

Душа отпустил руку...

– Надеюсь, ты не обижаешься? – проговорил с неприятной ухмылкой долговязый, повернувшись к подростку.

– Кто он такой?! – подросток дрожал нервной дрожью.

– Слушай, уведи отсюда Душу!.. – закричал мордастый на долговязого.

– Уведи?!.. Он сам кого хочешь уведет!..

Раздраженный мордастый вышел в сени... Хлопнула входная дверь.

– Он – мой племянник, сын черта... наркомана... От этого и идиот. Дебил!.. Портит нам тут все дела!

Вдруг долговязый ухмыльнулся еще отвратительнее и ци-

ничнее, чем прежде:

– А ведь верно, не будет ли у тебя чувства вины?.. Ведь ты бы мог взять его с собой!.. И нам бы без него стало легче...

Подросток застыл. Он подумал, что был прав, подозревая их в том, что в самом конце встречи они сотворят с ним что-то ужасное... Но долговязый отвернулся и через мгновение скрылся за ширмой.

Подросток шагнул к двери.

– Не будет ли у тебя чувства вины, а?.. Глянь, глянь в зеркало... – произнес у него за спиной Душа.

Зачем-то подросток остановился...

– Я просто не дорос до тебя, а так – я такой же, как ты... А знаешь что, я ведь знаю, кто ты... Я видел тебя в Москве...

Подросток повернулся к Душе и смотрел на него...

– У тебя ничего не получится, все что ты тут плел – это дикая, невероятная чушь!.. Кого это ты из себя тут корчишь?! Какая еще эмиграция?! Ты самый послушный и невинный из всех подростков, которых я когда-либо встречал: скромный, застенчивый мальчик... Как ты здесь оказался?!.. Я ничего не понимаю... Бред какой-то!.. Ба-а, да у тебя же кто-то стоит за спиной!..

– Кто? – подросток в ужасе обернулся...

– Это – ты! Ты сам у себя за спиной стоишь! Ты сам от себя отслоился!.. Так моя мамаша говорит!..

– Что?.. Какая еще мамаша!?..

– Моя мамаша – сумасшедшая верующая... Все верующие

– сумасшедшие... Она юродивая. Мамаша говорит, когда люди меняются, делают решительные, безвозвратные, бесповоротные по последствиям поступки, их прежнее «я» отслаивается от них и начинает жить самостоятельной жизнью... Оно ходит за ними...

Широко раскрытыми глазами, пятясь к двери подросток смотрел на Душу. Вдруг тот рванулся к нему:

– Спаси меня! Не забывая меня здесь!.. Не оставляй!.. – закричал Душа. – Ты уже не сможешь соединиться с ней, своей отслоившейся тенью. Ты теперь весь перемазался в том, что ты натворил. Это привидение, твоя тень, возненавидит тебя, станет тебя преследовать... С очень недобрыми намерениями!.. Что это?! Ты видишь, что это?!.. – вдруг вскричал он, глядя куда-то за спину подростка.

В невероятном страхе тот обернулся и получил удар в затылок...

– Что ты дерешься?! – закричал он на Душу.

– Я не дерусь, я наоборот тебя защищаю! Кто-то стоял у тебя за спиной, как тень, как привидение. Это он – ты отслоившийся, прошлый... Он хотел отомстить тебе. Я спугнул его, но он все равно тебя ударил...

– Ты!.. – голос подростка дрожал.

– Что же мы здесь стоим, он же где-то здесь! – забормотал Душа. – Это ты, ты – прежний, ты, дурачок!.. Надо спастись... У него – нож. Я видел, он хотел тебя наказать! Он против тебя, потому что ты его предал, бросил и теперь он

мается, как привидение. Нету ему там, в прошлом покоя!.. Нету!.. Вон! Вон он!.. Берегись! – закричал он. – А-а!..

Подросток мгновенно обернулся и опять получил сильный удар по затылку. Перед глазами все поплыло...

– Что ты стоишь?!.. Беги же, он же здесь!.. У него нож!.. Вон он!.. Вон он!..

Из последних сил подросток как мог кинулся бежать из убогого домика... Но свой чемоданчик он все же крепко держал в руке.

– Скоты! Козлы! Наркоманы! Дебилы!.. – всхлипывал он, размазывая на бегу слезы. – Наркаторговцы! Уроды! Дебилы проклятые!..

И хотя голова у него гудела от полученных подлых ударов в затылок, а слезы еще долго текли из глаз, в глубине души он понимал, что все прошло не так уж и плохо и в сущности сегодня ему удалось одержать еще одну невероятную победу, миновать еще один опасный этап задуманного фантастического пути... Удивительный план по-прежнему выполнялся...

Совсем скоро под здешним серым небом, не так уж и далеко от этого домика фантастическому плану и суждено было бесславно завершиться. Но это – в будущем, а пока подросток думал, что он – умный, самый необыкновенный подросток на свете и его сногшибательный план по-прежнему действовал...

...Как в тумане Не-Маркетинг ушел с балкона, миновал

длинный коридор... Вот он уже у лифтов.

– Ты прав! Прав! Я всегда был скромным, невинным подростком! – проговорил Не-Маркетинг, вытирая ладонью слезы.

Он расслышал характерный звук – одна из кабин оставалась на их этаже... Двери раскрылись. Не-Маркетинг увидел подростка, так похожего на него самого, каким он был в том же возрасте. Тот стоял спиной к зеркалу в самой глубине кабины. Все его лицо было залито слезами. Пристально, широко раскрытыми глазами он смотрел на Не-Маркетинга.

Прежде чем тот успел что-либо сообразить, двери закрылись и послышался звук уходящей вниз кабины. Не-Маркетинг кинулся к кнопкам... Он, конечно же, не мог знать о том разговоре, который произошел недавно в помещении маленькой буфетной комнатки, где находился аппарат для подогрева воды, и где сотрудники представительства наливали себе чай или кофе...

– У вас такой вид, как будто что-то произошло. Что, может, действительно что-то случилось?.. – сказал Маркетингу только что вошедший в буфетную комнатку сотрудник представительства, у чьего компьютера они как раз и смотрели в Интернете новости, когда подошел Глава представительства и сделал всем замечание.

– Может, я просто еще не успел об этом узнать? – добавил этот сотрудник с некоторым испугом заглядывая Маркетин-

гу в лицо.

– Да нет, слава богу пока еще вроде бы ничего не произошло. Но действительно все время не оставляет ощущение, что вот-вот что-то произойдет. В прямом и переносном смысле вот-вот взорвется бомба с часовым механизмом, – заявил Маркетинг. – Постоянно есть ощущение приближающегося конца.

– Думаете?

– Конечно. Если кто-то постоянно дестабилизирует обстановку, рано или поздно она рухнет. И это значит, что у умного человека, который все понимает, но никак не участвует в этом франчайзинге, нет никакой другой перспективы, кроме как трястись от страха и ужаса, потому что он понимает – вот-вот что-то ужасное произойдет, вот-вот черная тень закроет его жизнь. То есть остается два выхода: либо просто трястись от страха и просто ждать неизбежного, либо участвовать во франчайзинге.

– Каком франчайзинге? Вы о чем?

– Как каком? Франчайзинге злобных технологий...

– Франчайзинге злобных технологий?! Что за ерунда?! Вы – маркетологи – все по-моему, как один – люди немного не в себе. Впрочем, события, действительно, какие-то странные: меня отключили от Интернета.

– Вот как?! – удивился Маркетинг.

– Да... А вас?

– Вроде бы нет, хотя, черт его знает...

– Глава представительства совсем обнаглел! Интернет мне нужен для работы. Он думает, что если лишит меня всех средств коммуникации, то я стану лучше работать. Иначе, как дикостью, это не назовешь!

Как раз в этот момент в буфетную комнатку неслышно вошел Глава представительства. Говоривший сотрудник замер... Глава представительства бросил на него короткий, полный презрения взгляд и обратился к Маркетингу:

– Мне нужно поговорить с вами...

– Да, конечно!.. Я готов... Идти к вам в кабинет? – Маркетинг едва-едва налил себе чашку чая, – держа ее в руках, еще даже не успев сделать из нее ни глотка, он стоял посредине буфетной.

– Нет... Это срочно... Меня беспокоит ваш друг, Не-Маркетинг.

В буфетной комнате кроме Главы представительства и Маркетинга в этот момент находилось еще несколько человек. После этих слов некоторые из них отвернулись и принялись заниматься каждый какими-то своими делами: наливать чай, мыть чашку. Но и они слушали, стараясь не пропустить ни слова: что-то будет сказано дальше?!..

Глава представительства продолжал:

– Что с ним происходит?.. Он всегда очень хорошо работал. Но в последнее время он очень сильно изменился.

– Да нет, он всегда был такой! – проговорил нагло сотрудник, который только что жаловался на Главу представительства.

ства.

Глава представительства уставился на него.

В воздухе повисло напряжение. Двое из тех, что были в буфетной комнатке, чувствуя, что назревает какой-то разнос и опасаясь попасть Главе представительства под горячую руку, не допив чая торопливо проскользнули в коридор.

– Вы должны его простить. У него депрессия, какой-то момент, связанный с детством. – сказал, ни на кого не глядя, Маркетинг. – Он все пытается себя понять, но не помнит, каким он был. Выкопал какого-то мальчишку и вглядывается в него...

Вдруг в буфетную комнатку влетел еще один сотрудник представительства:

– Кошмар! Ужас! Очередной взрыв!.. – выкрикнул он. – Теракт за терактом, – как горох из прорвавшегося мешка. Опять! Произошло! Случилось!

От неожиданности Маркетинг вздрогнул и расплескал горячий чай себе на руку.

– Да, я все-таки был прав! – проговорил тот самый сотрудник, чей стол в общем зале стоял наискосок от стола Не-Маркетинга и который теперь тоже был в маленьком буфете. – Эта черед террористических актов, эта жуткая непрерывная линия и есть главная черта текущего момента!

Глава представительства наконец отвернулся от сотрудника, разнос которому, видимо, откладывался, и повернувшись к Маркетингу так, как будто ничего и не прерывало их раз-

говора, спросил:

– Зачем?

– Что?.. – не понял Маркетинг и поставил на буфетный столик чуть ли не на треть расплескавшуюся чашку чая.

– Обожглись, да? – участливо поинтересовался один из самых молодых сотрудников представительства, пришедший сюда на работу прямо после защиты институтского диплома. – Вот здесь, в шкафчике есть аптечка.

Молодой сотрудник показал рукой на один из буфетных шкафчиков.

– Ничего, ерунда! Уж об этом-то сейчас совсем не стоит беспокоиться! – неожиданно замахал на него руками тот, что влетел в буфетную комнатку с известием о терактах. – На данный момент главное – не рука, не здоровье, а информации! Информационные потоки! Так все же, а что там с террористом, который потребовал передать ему в захваченный автобус репертуар кинотеатров?.. Что там происходит?

Он подошел к молодому сотруднику на расстояние шага и в нетерпении схватил его за плечо, словно намереваясь потрясти за него:

– Ты смотрел в Интернете? Или, может быть, ты слушал радио? Какие новости о захваченном автобусе?..

– Глядя на них, на этих якобы двойников (хотя, они, конечно, никакие не двойники) он пытается припомнить, каким он сам был в их годы и что он тогда чувствовал. Видимо, для чего-то это ему нужно... Он говорил мне, что у

него есть такое ощущение, что он-прошлый упорно взывает к нему-нынешнему... Тут, видимо, какие-то очень серьезные застрявшие переживания...

– Вы хорошо его знаете... – задумчиво произнес Глава представительства. – Я слышал, вы даже были дружны с ним раньше, до представительства... Дружны с детства...

– Да. Так это же он меня сюда и привел!

– Да-да, я помню, он как-то подсунул ваше резюме менеджеру по персоналу.

– Мы долго не виделись, потом встретились. Но я знаю его не с детства. Его детство для меня тоже – тайна. Я знаю только, что он был отличником... Про детство он мне только говорил, что был ужасным идиотом, его даже отец всегда называл дебилом. Это он мне сам говорил, я только передаю... А его мать... Там тоже история!..

– Да, понятно, – пробормотал Глава представительства.

– И мне он такое говорил! – вставил вызвавший гнев Главы представительства сотрудник.

– Все это понятно... – Глава представительства бросил на него тяжелый, презрительный взгляд. – У меня тоже что-то подобное однажды было... У всех у нас что-то такое бывает... Вот только проблема: он должен выполнить задание по наш ему спонсированию кинофестиваля... Не люблю заставлять работать... Если человек по какой-то причине расхотел работать, не заставляй же!.. Уволить проще!.. Не хочу перепоручать задание... Вам, Маркетинг, например. Надеюсь,

депрессия закончится. Он зарабатывает, как прежде. Он отлично работал раньше!.. Странно, мы ему недавно прибавили зарплату... Он же очень способный человек!..

– Все квартирные дела! Прибавки – прибавками... Он потерял столько, что теперь ему эти деньги всю жизнь отбивать!.. Слишком широко размахнулся!..

– А я, честно говоря, вообще как-то пропустил про этот автобус!.. – зашептал молодой сотрудник представительства, наклонившись к тому, что влетел в буфетную комнату с известием о новых терактах. – А что там с этим автобусом? Может, вы мне расскажете?..

Тот не отвечал, глядя на Главу представительства.

– Послушайте, вы сейчас чем занимаетесь?.. – спросил тот.

– Я?.. Вернулся... Вот... – ответил влетевший в комнату сотрудник, немного растерявшись. Но тут же пришел в себя:

– То есть я был на переговорах... По дороге в машине услышал... В машине радио работало...

– Я не вам!.. – раздраженно произнес Глава представительства.

– Готовлю текст контракта на поставку оборудования для птицефермы... – ответил Маркетинг.

– А-а, да-да... Еще одна? – одобрительно проговорил Глава представительства.

– Да, в дальнем Подмоскowie. Рядом с Озерами... Я правда не уверен, что что-то получится, но мне кажется надо по-

пробовать.

– Да, пробовать надо обязательно. Даже если шансы невелики... Никто не знает...

– Они запросили проект контракта... В принципе еще рано... Но они хотят дать его юристам... Там у них могут быть какие-то встречные предложения по условиям...

– Да-да, это конечно важно... – проговорил Глава представительства. Но его беспокоило совсем другое...

– Можете отвлечься ненадолго? – спросил он Маркетинга.

– Да.

– Пойдите, поговорите с Не-Маркетингом. Я видел, как он шел на балкончик. По-моему ему очень плохо.

Глава представительства отвернулся к стеклянной стене – из нее открывалась панорама столицы.

Не говоря больше ни слова Маркетинг быстро вышел из буфетной комнаты. В маленьком проходе, который соединял ее с коридором, он наткнулся на одного сотрудника представительства, с которым был накоротке, но который очень редко появлялся в офисе, потому что неделями пропадал в командировках. Тот шел ему навстречу.

– Э! Ничего себе! А я?! Идет смотреть новости по телевизору, а меня не берет! Я тоже страстно интересуюсь последними захватывающими событиями! – воскликнул он.

– Совсем уж походили с ума с этими новостями!.. Работой совсем бросили заниматься. Только и дела, что обсуждать последние известия! – громко проговорил в ответ Мар-

кетинг так, чтобы его слова были слышны Главе представительства.

– Я-то всегда беру тебя с собой, когда куда-нибудь иду. Ты в комнату водителей смотреть телевизор? – продолжал вслед Маркетингу говорить сотрудник, входя в буфетную комнату.

В следующее мгновение голос его смолк. Маркетинг понял, что он увидел Главу представительства...

Маркетинг быстро вышел из офиса, миновал коридор, но оказавшись в лифтовом холле, который ему нужно было пройти, чтобы попасть в другой коридор, и через него – на балкончик – столкнулся с Не-Маркетингом. Тот стоял возле кнопки лифта – лампочка в ней горела. Должно быть, Не-Маркетинг только что подошел сюда. Должно быть, он и вызвал лифт.

– Что случилось? Глава представительства... Он сказал, тебе плохо... Маркетинг хотел еще что-то сказать, но не успел – двери лифта аспхнулись...

Из них вышел чрезвычайно нарядно одетый молодой журналист. Вид его был очень странен.

– Только что там... В парке... На углу... Я столкнулся с привидением, – проговорил он, глядя то на Маркетинга, то на Не-Маркетинга.

– Привидение? При чем тут привидение?! – растерянно спросил Маркетинг.

Молодой чрезвычайно нарядно одетый журналист молчал. Возникла некоторая пауза. Неожиданно журналист

крепко схватил Не-Маркетинга за руку:

– Только что там... В парке... Я столкнулся с привидением! – с ужасом повторил он.

– Черт возьми, что все это значит? – воскликнул Не-Маркетинг. – Прекратите всю эту ахиною. Вам надо успокоиться!..

– Да, да, это верно. Это точно: надо успокоиться... Где я, черт возьми! Как я здесь оказался?..

– Странный вопрос!.. – проговорил Маркетинг. – Вы пришли к нам на фирму, и вдруг вы нас спрашиваете, как вы здесь оказались...

– Вам надо придти в себя, – сказал Не-Маркетинг.

– Да, да. Это точно... Как же я, действительно, здесь оказался?!.. А-а, понимаю!.. Кажется, я все понимаю!.. Все, черт возьми, кажется, я немного пришел в себя... Наверное, я со страха кинулся к ближайшим знакомым людям. Ближайшими знакомыми людьми в этом райончике являетесь вы, поэтому я и направился к вам.

Не-Маркетинг смотрел то на Пензу, то на Маркетинга. Тот, тем временем, совершенно серьезно проговорил:

– Расскажите нам, как произошла ваша встреча с привидением, – Маркетинг застегнул свой темно-синий пиджак.

– Я на сто процентов уверен, что мне не померещилось!.. В некотором волнении от последних полученных информации (хотя я и ненавижу это слово и эти информационные вихри), я направился на автостоянку, туда, где оставил свой

автомобиль. Я полагал, что там меня может ждать сбежавший беспризорник. У меня к нему оставалось одно недозавершенное дело, связанное со съемками телепередачи. Уже издали я заметил, что возле машины беспризорника нет. Но потом я кинул взгляд на парк, который располагается наискосок от автостоянки в том направлении, где находится метро, и мне показалось, что там, между деревьев, мелькнула бритая голова беспризорника. Я тут же пошел туда, поскольку, повторяю, к беспризорнику у меня было одно незавершенное дело...

– И там вы встретили привидение? – нетерпеливо проговорил Маркетинг.

– Да, – ответил Пенза. – В парке я свернул в сторону от главной дорожки, по которой спешили к метро люди, зашел за кусты и неожиданно увидел привидение...

– Как оно выглядело?

– Я не могу этого описать... В самом облике привидения не было ничего особенно ужасного, за исключением того, что это был давно умерший человек. Но атмосфера этой встречи, мысль, которую это привидение излучало, информация, которую оно передавало мне, были неизъяснимо ужасными, – с трудом выговорил он. – Черт! Черт! Что же это такое?! Что же это происходит, черт возьми?!

В этот момент Не-Маркетинг закричал на своего коллегу, одетого в этот день в темно-синий пиджак и серые брюки – Маркетинга:

– Это же идиотский разговор! И сдаётся мне, черт возьми, ты первый ни капли не веришь в то, что он встретил привидение! Да и он наверняка играет и пытается сделать из нас идиотов!.. Так ведь, Пенза?!

– Нет, нет, он не играет!

– Но и никакого привидения он явно не встречал! Может быть он тогда просто свихнулся?!.. Он что-то там говорил про переключение из информационной эпохи в индустриальную!.. Вот уж не думал, что все так закончится!.. Выходит, допереключался?!..

– Но он же сам сказал, что он встретил привидение! Иначе из-за чего же он так напугался? Ты же видишь, он действительно напуган!

– Какое к чертовой бабушке привидение!.. Брось придуриваться!

В этот момент на этаже распахнулись двери лифта, – прямо позади чрезвычайно нарядно одетого молодого журналиста. Тот стоял, вроде бы не обращая внимания на открывшиеся двери, но в последний момент пятясь неожиданно заскочил в кабину. Двери ее быстро закрылись.

Не-Макретинг и его коллега в темно-синем пиджаке и серых брюках не успели ничего сделать...

* * *

– Что за нападки на меня? Это несправедливо: он же сам

сказал, что он встретил привидение... – обиженно проговорил Маркетинг.

– Но ты-то этому не веришь! Не веришь в эту чушь, а сам играешь в полную серьезность. Зачем ты это делаешь?! – воскликнул Не-Маркетинг.

– Откуда ты знаешь, что я не верю?! Может, я как раз верю в привидений!

– Не ври! Не веришь ты ни в каких привидений!

– Да что ты ко мне пристал со своими наставлениями?! Почему ты не даешь мне говорить то, что я на самом деле думаю?!

– Потому что ты на самом деле так не думаешь!.. Не можешь ты на самом деле думать, что журналист, действительно, встретил привидение! Послушай, послушай, я знаю, тут что-то не то, но...

– Да откуда ты-то это знаешь?! Ты что был там, рядом с ним?! Откуда такая уверенность?! Или, быть может, ты не замечаешь, что сейчас вообще ни в чем нельзя быть уверенным?..

– Да, нельзя быть ни в чем уверенным...

Маркетинг, тем временем, сообразил, что оказался здесь в некотором роде по заданию Главы, которое заключалось в том, чтобы поддержать Не-Маркетинга... Поэтому он поторопился сказать:

– Согласен, информация про привидение совершенно бредовая. Но тем не менее, я бы хотел иметь ее в наиболее

полном виде, со всеми подробностями и деталями. Потому я и расспрашивал журналиста. Вовсе я не хотел над ним издеваться... Просто информация его – очень странная. Ну так и что же из того? Сегодня любая информация имеет право на существование. Потому я и расспрашиваю, и требую деталей.

– Послушай, все это ерунда! Я не верю, что Пенза видел привидение... Но что-то сейчас вокруг творится. Со мной тоже что-то творится... Эти двойники... Я собрался в фотографию...

– Какую фотографию?! Я ничего не понимаю!

– Я говорил тебе: я встретил двух людей – подростка и молодого человека, очень похожих на меня такого, каким я был, когда мне было столько же лет, сколько и им... Ужасное чувство, что прошлое не исчезло, а продолжает жить где-то... Понимаешь?.. Понимаешь, я в смятении и вдобавок теперь, после всей этой истории с Пензой... Значит, это не просто мой бред, значит, действительно что-то происходит и не я один это чувствую!.. У меня появился страх – что-то загадочное и непонятное происходит. Опасное!.. Это ощущение, что прошлое где-то живет, усиливается у меня не по дням а по часам!..

– Ну вот, видишь... А Пензе не веришь...

– Но понимаешь, тот я – прошлый, дебил... Я был полным дебилом в прошлом, это очевидно, этого нельзя отрицать, поверь мне, это действительно так!.. Я был слишком,

невероятно глуп в том возрасте. И я – прошлый, дебил – лишен будущего!..

– Ничего не понимаю! Ты – прошлый, лишен будущего...

– Но ведь у меня из прошлого нет будущего!

– Почему?!.. То, что происходит сейчас, является для того, что было в прошлом, будущим... Тьфу! Запутаться можно!

– В том-то и дело, что нет!.. Я – нынешний не наследую себе из прошлого... Я изменился, я уже не такой, как был когда-то много лет тому назад. Понимаешь, я не точная копия того, каким я был!

– Это бред. Ты и не можешь быть точной копией. Ведь время-то идет!

– Но значит, я прав: у меня из прошлого нет будущего!

– Галиматья какая-то! Чушь! Игра словами!..

– Вернее не так... Прошлое не перешло в будущее, оно осталось у себя в прошлом. Но оно не умерло, оно живет. И прорывается в настоящее!..

– Ну и черт с ним! Пусть прорывается! Пусть хоть окончательно прорвется и ходит по улицам! Тебе-то, в конце-концов, что?!.. Раз такой бред может существовать – бог с ним!.. Наплюй на него! Наплюй!..

– Не могу... Он страдает... Это как любимый младший брат, как дитя... Разве могут страдания близкого, очень близкого человека оставить равнодушным!.. Он страдает, я бросил его, его, для которого я был всем – старшим братом,

солнцем, светом, единственным человеком на земле, единственным добром среди моря зла. Оставил его в каком-то ужасном месте...

– Да в каком, черт возьми, месте!

– Да в прошлом!.. В прошлом!..

– Ты рехнулся!..

– Я посмотрел на него в последний раз и запросто его оставил, предал его. Он не может ничего понять, он верит, что вот-вот я вернусь за ним... Я люблю своего верного простодушного дебила – себя самого прошлых лет – помню о нем, но как бы не тосковал я по нему, как бы не разрывалось мое сердце от ужасной разлуки, я не могу к нему вернуться, забрать его с собой, помочь ему. Но ведь и верно... Не могу! Он же в прошлом!

– Ладно, брось, а то свихнешься и тебя выгонят... Потеряешь же хорошую работу! Брось себя самого из прошлого! – Маркетинг усмехнулся.

– Как бросить, когда я слышу его тихий плач, понимаю, как страдает и его наивная душа, но к нему, как к призраку, нельзя подойти, невозможно заговорить с ним. О, ужас! Как он тоскует! Он страдает и посылает мне сигналы о том, чтобы я забрал его из прошлого, и тянет ко мне свои навеки подростковые ручки...

– Перестань! Своими странностями ты уже привлекаешь внимание! Глава уже беспокоится. Он мне уже недвусмысленно намекал о твоём увольнении.

Словно не слушая его, Не-Маркетинг продолжал:

– И вот что загадочно и странно: эти сугубо мои личные нечеткие информации обо мне из прошлого активизировались именно сейчас, когда одновременно усилились информационные потоки, а террористические акты сыпятся, как горох из порвавшегося мешка. Недаром этот несчастный дебил, этот давно умерший я появился передо мной именно в первый день ужасных терактов. У меня уже наступило раздвоение: знаю, что все это ложь и никаких двойников существовать не может, с другой... Совсем не весело!

– Я думаю, что ты просто убедил себя в том, что этот подросток похож на тебя такого, каким ты был, когда находился в его возрасте. Неужели у тебя не сохранилось какой-нибудь фотографии? Достаточно взять какую-нибудь твою подростковую фотографию и сравнить тебя на ней с мальчиком, которого ты повстречал.

– Вот! Именно! Так же подумал и я! Я отправляюсь в фотографию!.. Сейчас я уверен, что подросток – это я! Но, может это только сейчас так кажется? Может, я нервничаю, жду каких необычных событий, невероятных информации и от этого мне кажется черти что... Я же не помню, как точно я выглядел когда-то давно. Трудно с уверенностью что-то сказать... К сожалению, у меня на квартире нет ни одной подростковой фотографии. Все фотографии валяются где-то на старой квартире, в которой живет сейчас мой отец. Я говорил, мы с ним давно находимся в ссоре, и для меня будет

невозможно забрать эти фотографии. Я знаю, что в одном месте в Москве была старая-престарая фотография, которую очень долго после конца СССР почему-то не касались никакие жизненные перемены. Там старый фотограф, – не знаю, жив ли он сейчас, – когда-то разместил на витрине мою подростковую фотографию. Я должен поехать туда и сравнить...

– Но кто сказал тебе, что это фотоателье до сих пор существует, и кто сказал тебе, что твоя фотография до сих пор выставлена там в витрине?

– Да, это, действительно, вопрос... К тому же, я даже точно не помню, где расположено это старое фотографическое ателье. Но предаваться бесплотным размышлениям и сомнениям сейчас категорически нельзя. Надо действовать! Мне надо ехать в фотографию!..

– Да, уж больно все эти истории с двойниками неправдоподобны!

– Да, я тоже так сам начинаю думать. Уж слишком все это... Тем более важно попытаться разыскать сейчас эту фотографию – может быть моё подростковое изображение там все-таки цело. Черт возьми, мне надо спешить! – неожиданно резко сказал он.

С этими словами Не-Маркетинг нажал кнопку вызова лифта.

– Постой, ты что же, совсем с ума сошел?! Уйдешь с работы никого не предупредив?.. А как же задание Главы представительства?

Но Не-Маркетинг только махнул рукой.

На этаже остановился лифт, двери раскрылись, Не-Маркетинг шагнул в кабину...

Маркетинг было хотел шагнуть за ним, но раздумал... Не-Маркетинг уехал...

По дороге от лифтов к двери офиса Маркетингу навстречу попался новый сотрудник представительства. Он вел себя так, как будто работает здесь уже давным-давно...

– Ну что, Не-Маркетинг, как всегда в своем репертуаре? – проговорил он.

– Да...

– По-моему, он просто переутомился. А может, это какая-то странная болезнь?

– Хотел бы я тоже заразиться этой странной болезнью!.. Только вот такая болезнь может помочь мне нивелировать весь этот ужасный информационный голод, который я начал ощущать с определенного времени.

– Что-о? – сотрудник усмехнулся.

Словно не слыша его, Маркетинг продолжал:

– Так случилось, что все время потакая своей жажде к все большей по объему и все более жареной информации, я тут же начал испытывать все более прогрессирующий информационный голод. И мне кажется, что информационная подпитка за счет непрерывных выяснений отношений с такими вот забытыми, отслоившимися душами – немалое подспорье в информационном насыщении информационно-голодного

человека. Уж по крайней мере, частично решить проблему информационного голода она может! Я, как и Не-Маркетинг, тоже переутомлен; но к еще большему сожалению, мое собственное переутомление отнюдь не порождает во мне никаких информаций.

– Что вы несете?.. Я не понимаю, что с вами со всеми происходит?!

Часть третья

Встреча с привидением

Глава XI

Провозвестник нового Пророка

Выйдя из лифта Не-Маркетинг быстро прошел через бизнесцентровское лобби, миновал автоматические двери, по-прежнему не успевавшие закрываться из-за множества проходивших сквозь них людей... Вот он уже на улице... Точно так же, как совсем недавно чрезвычайно нарядно одетый молодой журналист, Не-Маркетинг миновал автостоянку, перебежал через дорогу и оказался в сквере, в том самом, в котором журналист повстречал привидение. Ему стало немного не по себе, но все же, оказавшись под раскидистыми деревьями, он не испытал особенного страха.

Спешивший на поиски фотографии Не-Маркетинг, тем не менее, остановился и внимательно посмотрел по сторонам, пытаясь разглядеть что-нибудь в дальних углах сквера, особенно сильно заросших высоким кустарником, но ничего подозрительного не обнаружил. Правда вдалеке между кустов бродил какой-то человек; возможно, он выгуливал там какую-то маленькую, незаметную в высокой траве собачку.

Может быть, именно его принял за привидение чрезвычайно нарядно одетый молодой журналист. Впрочем, на взгляд Не-Маркетинга, в этой фигуре не было ничего ужасного.

Не-Маркетинг поспешил дальше и вскоре уже был на платформе метро. Та фотография, о которой он говорил коллеге в темно-синем пиджаке и серых брюках, располагалась как раз неподалеку от Измайловского парка, – в последние сутки он только и делал, что попадал в те места, уезжал из них и опять возвращался.

В метро – очень много народа, душно, его толкали, но он словно бы от всего отрезвился – последние и информация не давали ему покоя, размышления о странном террористе, который потребовал себе репертуар ближайших кинотеатров занимали его...

...Ничего не изменилось со вчерашнего дня возле станции метро «Измайловский парк», но он заволновался, – о, как он заволновался, занервничал! Если в сквере возле бизнесцентра, в котором молодой чрезвычайно нарядно одетый журналист повстречал, как ему самому казалось, привидение, Не-Маркетинг особенной нервной дрожи не почувствовал, то возле Измайловского парка он очень сильно заволновался – то и дело оборачивался, внимательно смотрел на всех встречных прохожих – он полагал, что здесь что-то может произойти.

В воздухе носился запах костра, а еще почему-то пахло яблоками. Измайловский парк был совсем рядом: через до-

рогу виднелись его деревья. Только тут он сообразил, что, в сущности, плохо помнит, где было то самое, с его подростковым портретом, фотографическое ателье. Какие-то неясные образы, смутные воспоминания – вот и все информации, которыми он владел. Ну что ж, это было не так уж и мало!

Прежде Не-Маркетинг бывал в этой фотографии всего пару раз, помнил, как поразил его собственный подростковый портрет в витрине, помнил, что, когда он был здесь в последний раз, – впрочем, этот последний раз был уже достаточно давно, – фотографическое ателье по-прежнему оставалось точно таким же, каким оно было в советское время. Хотя, в этот последний раз он уже совсем не помнил, каким фотоателье было в советское время, сохранилась только в голове информация о темном вечере, когда он был еще подростком, о скудности тогдашнего освещения внутри фотографии: темный угрюмый предбанник, темно-красные бархатные портьеры, и только тот стульчик на белом фоне, на который его посадил фотограф, был выхвачен из мрака яркими лампами. Он так и запомнил: этот мрак, и разрывающие его яркие лампы, и, кажется, тоже был запах костра. Да, точно, на дворе стояла осень, и жгли листья. Он пришел фотографироваться для какого-то дурацкого то ли пропуска, то ли удостоверения, – невозможно теперь вспомнить.

«Как бы хотелось поднять всю тогдашнюю информацию! – неслось в голове у Не-Маркетинга. – Всю-всю... И эту мою всегдашнюю застенчивость – до дрожи, до трусости. Мою

слезливость, глупость, наивность».

Когда он был здесь в последний раз, уже после краха советского времени, уже когда висела в витринке его тогдашняя, древняя, сделанная до всего-всего, подростковая фотография, уже в этот свой приход, – информация об этом, – и это была одна из немногих скудных сохранившихся информации, – эта информация была у Не-Маркетинга, – так вот ему помнилось теперь, что он подумал тогда: все в фотографии было старым, советским, и даже фотограф был одет в старую одежду, купленную еще в советские времена, – всё это было так. Но теперь Не-Маркетинг не был уверен, что сможет найти здесь, в окрестностях проклятого Измайловского парка эту древнюю фотографию.

А может быть, она уже не такая, как была когда-то?

Может быть, каким-нибудь темным осенним вечером, таким же темным, как и тот, в который он подростком посетил фотографию, советское время все же ушло из нее? Может быть, там сделан ремонт, новый интерьер и давно уже работает молодой фотограф? А может быть, этой фотографии вообще давно уже нет, а в том помещении расположился маленький продуктовый магазинчик с вывеской «Продукты 24 часа» или салон сотовой связи с рекламами новых тарифов вместо подростковой фотографии Не-Маркетинга в витрине?..

Что это?! Улицы, перекресток – как будто из прошлого, из советского времени. Та же унылость, серость, мимо едет

облезлый чихающий грузовик советского производства. Но нет, присмотревшись к округе внимательнее, он обнаружил совсем неподалеку, на другой стороне улицы стоящим у обочины красивый иностранный автомобиль. Но заграничный автомобиль уехал, и опять кругом – прошлое, советское время! Не-Маркетинг пошел быстрее, Не-Маркетинг почти побегал! Где-то здесь должно было быть фотографическое ателье с его подростковым портретом в витрине! Кругом было уныло, бедно, грустно... Но, должно быть, это просто неожиданно переменилась погода, набежали тучи, сделалось пасмурно и неуютно. Прохожих мало, да и те – одни старички и старушки, одетые, словно нарочно, по моде сгинувших советских времен! Хотя, Не-Маркетинг понимал, что это не показатель, и пожилые люди часто подолгу донашивают старые вещи. Все может быть, такое может быть.

Но Не-Маркетингу хотелось, хотелось, чтобы на этой улице было, как в советское время, и он находил, находил былые приметы. О-па! Вот она, та самая фотография!

Тут он струсил окончательно, сбавил шаг и в какой-то момент чуть ли не остановился. Сейчас он, возможно, увидит свой подростковый портрет, который способен многое прояснить. Но может, того портрета в витрине уже нет?!

Медленно Не-Маркетинг приближался к витрине, напряжение с каждым последующим шагом, с каждой секундой нарастало... Ему в голову почему-то пришла неожиданная информация про то, какие у него были часы, когда он при-

шел сюда фотографироваться подростком: допотопные, полученные им по наследству, часы послевоенного выпуска с белым, выцветшим циферблатом и погнутыми черными стрелочками. Где сейчас эти часы? Где-то валяются среди ненужного хлама?! Или их выбросили на помойку, и они заржавели там? Но все равно, где-то должно быть что-то, что осталось от тех часов, которые были на нем, когда он был подростком. Не переплавили же их! Не растаяли же они, как лед, как снег! Почему же, черт возьми, пришла ему теперь в голову эта информация про допотопные часы?!

Не-Маркетинга все больше охватывал ужас. Наконец, он подошел к витрине фотографического ателье достаточно близко.

Предчувствия не обманули его: подростковый портрет по-прежнему был за витринным стеклом, ужасающе грязным, мутным, треснувшим во многих местах.

В эту минуту у Не-Маркетинга возникло ощущение, что фотографическое ателье заброшено, что внутри, за витриной, уже давно не бывает людей. Но в следующее мгновение он заметил, что дверь ателье слегка приоткрыта.

Не-Маркетинг подошел к витрине совсем вплотную и принялся рассматривать свою собственную подростковую фотографию.

Он то находил сходство фотопортрета портрета со встреченным накануне подростком совершенно очевидным, то начинал сомневаться и понимать, что одного этого портрета,

снятого в определенном ракурсе, при определенном освещении, при определенном его, подростка, выражении лица, для того, чтобы сделать какой-то точный вывод не хватает, как вдруг через приоткрытую дверь фотоателье до него донесся отчетливый, принадлежавший, судя по всему, молодому человеку, голос:

– Что же будет дальше?.. Что же будет со всем этим дальше?! – спрашивавший очевидно был в сильном возбуждении и говорил достаточно громко.

– Ты спрашиваешь, что будет дальше? – ответил ему, в свою очередь, весьма пожилой, голос. – Я тебе отвечу: я не могу с точностью предугадать, что будет дальше. Этого никто не сможет предугадать. Но есть, есть у меня одно ужасное опасение. Пока только одно опасение такого рода. Но если я напрягусь, да если любой напряжется, то опасений такого рода можно придумать не меньше десятка. И одно будет ужаснее другого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.